

ДМИТРИЙ ГОРЮНОВ
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В АФРИКУ**

ДМИТРИЙ ГОРЮНОВ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В АФРИКУ**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

26.89(6)
Г 71

Научный консультант и автор послесловия
профессор А. Г. БАННИКОВ

Г $\frac{4702010200-145}{078(02)-83}$ 174—83

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

Я хотел только одного: вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, но, просыпаясь по ночам, я лежал, прислушивался и уже тосковал по ней.

Э. Хемингуэй

Тот, кто хоть раз побывал в Африке, обязательно хочет вернуться туда еще и еще.

Б. Гржимек

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Кению европейцы называют самой прекрасной страной в мире. Известно, чего стоят подобные восторженные отзывы, но в данном случае даже они не могут передать очарования этой страны». Слова эти принадлежат не случайному туристу, ослепленному мимолетными впечатлениями, а человеку, совершившему десять длительных путешествий по Африке, повидавшему многие страны и имевшему возможность сравнивать и сопоставлять.

Немецкий путешественник Г. Шомбург прав: природа щедро наградила Кению яркими и разнообразными ландшафтами. Здесь и сияющая на самом экваторе, разделяющем страну почти пополам, снежная шапка второй по высоте после Килиманджаро вершины континента — горы Кения, и живописнейшие рифтовые долины — часть гигантского Афро-Аравийского разлома земной поверхности, и тропические леса с исполинскими деревьями, увитыми лианами, покрытыми лишайниками, развевающими на ветру свои белесо-зеленые космы, и два из Великих африканских озер — Виктория и Туркана (новое название озера Рудольф), и плодородные нагорья с их благодатным климатом, и жаркие саванны, поросшие зонтичной акацией, и зеленые холмы, убегающие к самому горизонту, и непроходимый буш с его колючими, как старая проволока, кустарниками, и утопающее в буйной растительности влажных тропиков побережье Индийского океана с его белоснежными пляжами, и дышащие зноем полупустыни, и са-

мые настоящие пустыни, и безжизненные черные либо красные лавовые плато, ослепительно сверкающие под тропическим солнцем.

Богат и разнообразен животный мир, сохранившийся в саваннах и буше Кении. Только одних диких копытных здесь свыше тридцати видов, тогда как во всей Европе их пять-шесть; не перевелись львы, леопарды, гепарды, шакалы и другие хищники, огромно число пресмыкающихся, свыше тысячи видов птиц. Человеку из Старого или Нового Света, живущему в каменных джунглях современных городов и отгороженному от живой природы, трудно поверить, что своими глазами, даже без бинокля, можно увидеть пасущиеся на воле бесчисленные стада антилоп и зебр, сотни буйволов, десятки слонов, жираф, носорогов, страусов, львиные семейства. Правда, сегодня Кения не кишит животными, как это было еще в начале века. И здесь человек с его хозяйственной деятельностью, а также хищническая охота значительно потеснили животный мир, нанесли ему огромный урон. Дикая жизнь в ее нетронутом виде и в Кении за отдельными исключениями сохранилась лишь на заповедных территориях — в национальных парках и резерватах. Правительство Кении запретило всякую охоту на диких животных, но браконьерские выстрелы продолжают греметь даже здесь.

Пеструю мозаику из сорока народностей и племен составляет почти что 17-миллионное население Кении, которая занимает первое место в мире по рождаемости. Именно здесь сходятся границы расселения трех крупнейших лингвистических групп Африканского континента: банту, нилотов, кушитов. Прямо-таки языковой Вавилон! Подавляющее большинство населения — жители Центральных нагорий, берегов озера Виктория, побережья Индийского океана давно ведут оседлый образ жизни, занимаются земледелием, скотоводством, рыболовством, а в последние десятилетия осваивают промышленные профессии. А на периферии, в засушливых районах, странствуют со стадами верблюдов, овец и коз скотоводы-кочевники, которых не коснулся XX век. Колонизаторов-англичан не интересовали бесплодные земли севера Кении, воинственных кочевников они побаивались и потому изолировали их от центра страны, закрыли эти районы, законсервировав экономическую, социальную и культурную отсталость и самую настоящую дикость. Эти места в годы засух чаще всего по-

сещает голод. Здесь и сейчас можно встретить племенных царьков, колдунов, прорицателей, заклинателей, знахарей. Не эту ли «исчезающую Африку» хотели бы сохранить и увековечить некоторые буржуазные футурологи, зовущие человечество «назад в каменный век»?

Кения считается относительно развитым государством Африки. Она одна из немногих стран континента, которая в урожайные годы не только полностью себя кормит, но наряду с главными экспортными культурами — кофе, чай, сизаль, перетрум — вывозит и кукурузу, и мясо, и молоко. Промышленность в основном специализируется на переработке сельскохозяйственного сырья и продукции животноводства; есть вполне современные цементные, нефтеперерабатывающие, химические, текстильные, автосборочные предприятия и строительные компании.

Городом горячего солнца и холодной тени, городом вечной весны называют столицу Кении — Найроби. Круглый год здесь что-то цветет и плодоносит. Кварталы ультрасовременных небоскребов соседствуют с зелеными районами вроде Мутайги с их богатыми виллами, скрытыми бугенвиллиями, с теннисными кортами, бассейнами, полями для игры в гольф; католические соборы и протестантские церкви уживаются с индуистскими храмами и мечетями; рестораны на все вкусы: африканские, английские, китайские, индийские, шведские, немецкие, итальянские; в кинотеатрах демонстрируются те же ленты, что и на первых экранах Лондона и Нью-Йорка. Но нетрудно увидеть и другое лицо столицы — трущобы с домами, слеplенными из ящиков, пластиковых мешков, ржавого железа.

Найроби стал одним из оживленных центров международной жизни: здесь обосновались два подразделения ООН — Секретариат Программы по охране окружающей среды (ЮНЕП) и Центр по населенным пунктам. Столица Кении — молодой город. Он всего-навсего ровесник нынешнего века. Зато на побережье океана есть города Момбаса, Малинди, по улицам которых ходил Васко да Гама.

Кения обрела независимость в 1963 году в результате длительной национально-освободительной борьбы против колониального господства англичан. В следующем году она была провозглашена республикой. Вскоре в государственном и партийном руководстве страны между радикалами и умеренными возникли серьезные

разногласия о путях развития республики. Верх одержали умеренные. Правительство Кении активно поощряет частное африканское предпринимательство и иностранные капиталовложения. Хотя за годы независимости возросла роль государства в экономике, однако иностранный частный капитал сохраняет важные позиции во многих ее отраслях. Примерно треть пахотных земель по-прежнему принадлежит европейским фермерам.

В течение семи лет я находился в Кении на дипломатической службе. Много путешествовал, изъездил страну вдоль и поперек. До того как стать дипломатом, я много лет занимался журналистикой, и журналист во мне часто брал верх над дипломатом. Профессиональное журналистское любопытство влекло посмотреть и узнать малоизведанные и труднодоступные районы, познакомиться с жизнью вдали от асфальтированных дорог, побывать в местах, где сохранилась нетронутая природа и где можно было спокойно созерцать прекрасных животных, не слыша шумливого говора многочисленных туристов. У меня было много знакомых, и не только, как принято выражаться на дипломатическом языке, в «официальных кругах». Я благодарен судьбе за то, что встретил таких замечательных людей, как знаменитая натуралистка и писательница Джой Адамсон и ее муж — следопыт Джордж, с которыми у меня установились дружеские отношения.

Африка завораживает и влечет. Больше всего мне хотелось бы вновь побывать в лагере Джорджа Адамсона в Кора, на берегу реки Тана, где десять-двенадцать лет назад царила почти полная гармония между человеком и природой. Но по многим причинам снова оказаться в Кора вряд ли удастся. Мне кажется, что очерки, составляющие эту книжку, — это как бы мое возвращение в Африку. Они, разумеется, не претендуют на полноту изображения жизни современной Кении. Я написал лишь о том, что оставило наиболее глубокий след в памяти.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОЗЕРО РУДОЛЬФ

Таинственные слухи с раскаленных лавовых плато севера Кении какими-то путями достигали столицы Найроби, накапливались, разрастались и вдруг сенсацией века всполошили научный мир: на восточном берегу озера Рудольф найдены останки и орудия труда предка человека, «возраст» которых определялся в 2 миллиона 500 тысяч лет. До этого считалось, что человеку примерно 800 тысяч лет. Авторы открытия — директор института палеонтологии Кении, доктор Кембриджского университета профессор Луис Лики и его сын Ричард — назвали своего древнего человека *Ното habilis* — «человек умелый». Ранее Луис Лики с женой Мэри в ущелье Олдувэй, в Северной Танзании, обнаружили во время раскопок череп человекоподобного существа; возраст находки равнялся 1 миллиону 700 тысячам лет. Открытие на озере Рудольф «состарило» человека еще на 800 тысяч лет!

Выходит, страна, в которой выпало жить и работать, сетуя иногда, что она не находится на перекрестке главных путей и не стоит в центре мировых событий, возможно, является прародиной человека, его колыбелью! Несколько моих друзей загорелись мыслью: надо съездить к месту события. Не беда, что никто из нас не был связан с антропологией, имели о ней лишь общее представление. Ну хотя бы взглянуть на один из древнейших очагов рода человеческого, ощутить воздух, краски, звуки этих мест, чувством понять связь времен, что было до нас и как было, а возможно, и что будет после нас!

После нас? — переспрашиваю себя. Да, после нас! После нас останутся наши дети, после них — дети наших детей... Мы знали, что район раскопок, как и в целом восточный берег озера Рудольф, — выжженная каменистая пустыня, где человек не живет, а стоянки его далекого прародителя скрыты отложениями озера, периодически то поднимавшегося, то вновь отступавшего, занесены песками пустынь, в которые преврати-

лись некогда зеленые саванны, залиты лавой вулканических извержений. Изменения условий жизни, вынудившие человека покинуть эти места, исчисляются миллионами лет. Но сейчас ученые всего мира с тревогой говорят и пишут, что за последние три-четыре десятилетия скорость изменения целостности природного мира, составляющего основу всего живого, определяется не размеренной и неторопливой поступью Природы, а бурными темпами, беспечно установленными человеком. Альберт Швейцер писал: «Человек утратил способность предвидеть и предсказывать. Кончит он уничтожением всего земного шара». Насколько справедлив этот апокалиптический приговор?

Советские ученые смотрят на будущее с бóльшим оптимизмом, справедливо считая, что при разумном и предусмотрительном подходе можно предотвратить опасные для жизни изменения природной среды: загрязнение воздуха и воды, отравление и истощение земли. Не только мы, но и последующие поколения должны пользоваться всеми благами бытия, которые дает Природа. Сохранятся заповедные места с чистыми ручьями, тенистыми лесами и светлыми лугами, где люди смогут побыть наедине со своими мыслями и чувствами, пережить радостные минуты покоя и умиротворения. Интересуясь историей человека, его происхождением, средой его обитания, споря о его назначении и призвании на Земле, думая о своей судьбе, мы в то же время заботимся о судьбе наших детей и детей наших детей...

Еще один давний исторический факт, порядком позабытый современниками, подогревал интерес к озеру Рудольф. Русский человек поистине необычайной жизненной судьбы, потомственный дворянин, блестяще образованный офицер, землепроходец и... схимник Александр Ксаверьевич Булатович в конце прошлого века по необыкновенному стечению обстоятельств с войсками царя Менелика II на юге Абиссинии первым из европейцев перевалил через отроги неизвестного хребта, открыл несколько новых горных вершин, исследовал никем не описанный район между озером Рудольф с втекающей в него рекой Омо и Нилом. «Задача, которую я себе поставил, была выполнена. Удалось пройти через южные абиссинские области, удостовериться в действительности того, что река Омо впадает в озеро Рудольф, и найти образующий истоки реки Джумбы и разделяющий бассейн Нила и Омо хребет. Последний

до сих пор не значился на картах Африки, так как в этом направлении из Абиссинии к озеру Рудольф еще никто не проходил, и я был первым», — говорил Булатович в общем собрании Русского географического общества в январе 1899 года. Булатович описал племена в местах, примыкающих к озеру Рудольф, их облик, род занятий, нравы и обычаи. В числе этих племен и туркана, чьим именем теперь называется озеро. Любопытно, что изменилось в жизни этих племен за 80 лишним лет, что нового внес в их быт и образ мышления наш динамичный век?

Когда мы решились отправиться на восточный берег озера Рудольф, что на самом севере Кении, на границе с Эфиопией, выяснилось, что единственное пристанище — туристский кемпинг, построенный каким-то чудачком (иначе и не назовешь человека, рассчитывавшего на успешный бизнес в этом забытом богом месте), разграблен и сожжен какой-то бродячей шайкой. В шестидесятые годы район считался беспокойным, здесь нередко происходили стычки кенийских и эфиопских кочевых племен, ссорившихся из-за пастбищ и скота; действовали также отряды сомалийских сепаратистов или, как их называли, — «шифта»; одно время территория эта считалась «закрытой» и въезд туда был запрещен. Сейчас же «открывалась» целая страна — почти треть Кении, населенная нилотскими и кушитскими племенами, жизнь которых значительно отличается от племен, населяющих Кенийское, или, как его называли в колониальные времена, Белое нагорье. Автомобильной дороги как таковой туда не было, хотя считалось, что в сухой сезон на надежной машине с двумя ведущими осями до оазиса Лойянгалани, где находился военный пост и крошечная католическая миссия, добраться можно. Но даже и в сухую погоду оставался определенный риск — случись что с машиной, можно сутками под палящим солнцем ожидать помощи — машины здесь проходят не чаще раза в неделю.

— К чему рисковать, — отговаривали кенийские старожилы. — Хотите посмотреть озеро — поезжайте на западный берег. До города Китале асфальтированное шоссе, с нагорья безопасный спуск по профилированной дороге, а там езжайте себе по накатанному в песках проселку на любой легковушке до Лодвара и далее до самого берега озера, где обосновались два клуба рыболовов: и кров есть, и еда обеспечена, и все для ры-

балки предусмотрено в наилучшем виде — катера, снасти, опытные лоцманы из людей этой земли — туркана. Договорившись и, конечно, заплатив, можете на боте осмотреть и восточный берег. Ехать же туда прямо из Найроби — удовольствие ниже среднего: бездорожье, безлюдье, глухомань!

Логика, безусловно, была на стороне старожилов. Но часто ли человек поступает в соответствии с ней? Всегда ли он наезженные дороги предпочитает окольным тропам? Даже в центре Африки, на самом экваторе, в местах, где урбанизация и индустриализация, возводящие стену между человеком и природой, можно сказать, только начинаются, — даже здесь человека охватывает беспокойное желание взглянуть «за горизонт». Потому и дался нам восточный берег озера, что там мечталось увидеть то, что в других местах не увидишь, и если уж ехать в необжитые места, так уж в самые что ни на есть девственные и глухие.

Стремление, как говорится, в духе времени. Здесь я имею в виду туристический взрыв, массовые передвижения, вызываемые не бедствиями народными: войнами, засухой, голодом, а одержимостью современного человека к путешествиям, «охотой к перемене мест». В основе своей это объясняется естественной тягой к узнаванию нового, к пониманию мира и самого себя. Но немало в этих потоках, растекающихся по всем уголкам планеты и погони за модой, стремления к бездумному времяпрепровождению пресыщенного впечатлениями и информацией праздного люда. Однако для русского человека, живущего на огромных просторах, дорога имеет особый смысл. Недаром многие произведения русской литературы, на которых воспитывалось мое поколение, рассказывали о дорогах. Это и радищевское «Путешествие...», и «Письма русского путешественника» Карамзина, и «Путешествие в Арзрум...» Пушкина, и «Мертвые души» Гоголя, и многие другие. А что такое «За далью — даль» Твардовского? Та же дорога по новой, преображенной земле...

Но вернемся к озеру Рудольф. Вместе с нами в путешествие собрался мой давний московский знакомый, журналист и географ, который уверял, что он уже добирался до восточного берега озера на «волво», а на наших «газике» и «рафике» и подавно можно доехать. Благодаря его опыту мы избежали также затяжных споров на тему, без чего можно, а без чего нельзя

обойтись в дальней и трудной дороге. Но самые полезные советы дала нам Джой Адамсон, с которой я ко времени поездки на озеро Рудольф был уже близко знаком. Джой хорошо знала места, примыкающие к озеру, и само озеро. Я еще расскажу подробно о встречах с Джой и Джорджем Адамсон.

ЛЕОПАРД НА ДОРОГЕ

Итак, в конце октября мы выехали из Найроби по фиолетовому асфальту улиц: цвела джакаранда — экзотическое южноамериканское дерево, невесть какими путями попавшее на африканскую землю и каждую весну (Найроби находится в южном полушарии, и нашей осенью там весна) обильно покрывающее дороги фиолетовыми цветками — ни дать ни взять подмосковные колокольчики, только растущие не на лугу, а на деревьях. О цветении джакаранды пишу по устоявшейся здесь журналистской традиции, как у нас редко обходятся газетные описания весны без упоминания цветения вербы, черемухи, яблоневых садов. В давние времена, работая в центральной московской газете, хорошо помню, как наш ташкентский корреспондент каждый год в марте начинал свой репортаж неизменной фразой: «В Ташкент пришла весна. Зацвел урюк». На редакционных планерках, когда редактор замечал, что вроде бы давненько молчит ташкентский корреспондент, кто-нибудь из редакционных остряков в зависимости от времени года бросал реплику: «А урюк еще не зацвел», или: «Урюк-то уже отцвел».

Мы ехали по живописнейшим местам Кенийского нагорья, густо заселенным, где деревня сливается с деревней, одна плантация переходит в другую. Среди пышной растительности не сразу заметишь скромные поля далматской ромашки или пиретрума, по производству которого Кения занимает первое место в мире. Пиретрум, когда-то называвшийся в простонародье «клоповой травой», «блохомором», применяется как инсектицид — растительное средство борьбы с паразитами и вредителями сельскохозяйственных растений, деревьев, кустарников. Далматская ромашка в отличие от обычной, дико растущей по лугам, обочинам дорог, огородам, в посевах и считающейся сорняком, — культурное растение, высеваемое в хорошо вспаханное и удобрённое поле. Уход за посевами несложен — мотыжение

и прополка. Зато сбор урожая довольно хлопотное и утомительное занятие. Цветочные головки обрывают вручную три-четыре, а то и больше раз в году. Головки высушивают и уже потом на предприятиях готовят из них порошок желтовато-серого цвета — пиретрин, — ядовитый для насекомых, но безопасный для домашних животных и человека. В настоящее время почти вся далматская ромашка выращивается африканскими фермерами.

Одно время над пиретрумом нависла смертельная угроза — ядохимикаты. Случилось это в 40-х годах, когда впервые были открыты свойства ДДТ как инсектицида. ДДТ получил, прежде всего в США, широчайшее распространение, а ученый из Швейцарии Пауль Мюллер удостоился за свое открытие Нобелевской премии. Однако «победа» над Природой оказалась пирровой. Постепенно стали проявляться катастрофические последствия неумеренного применения ДДТ: загрязнение окружающей среды, уничтожение полезных насекомых, рыб, птиц, зверей. Более того, оказалось, что «эликсир смерти» способен накапливаться и в продуктах питания. ДДТ сейчас почти повсеместно запрещен. Пиретрум выжил, и на полях Кении его белые соцветия безбоязненно тянутся к солнцу.

Миновав овощные хозяйства, банановые плантации и поля пиретрума, дорога углублялась в лес. Я вспомнил одно место, где мой знакомый венгр, не помышлявший об охоте, нежданно-негаданно стал обладателем великолепного трофея. Накануне вечером я встречался с Шандором в одной компании, и он сказал, что завтра уезжает по делам на два-три дня в Накуру. Однако утром я увидел его в Найроби и поинтересовался, почему он не уехал. «Понимаешь, произошел потрясающий случай, ты можешь не поверить, но это сущая правда», — ответил Шандор. Он выехал из Найроби еще до рассвета, ехал быстро. Вдруг в свете фар мелькнула какая-то тень, раздался удар. Шандор остановил машину, взял фонарь и вышел. Правая фара была разбита, капот сильно помят. На обочине он увидел крупного зверя. «Я ужасно растерялся. Что делать? Подобрал камень, бросил в леопарда — никакой реакции. Убит наповал или притаился? Ружья нет, ножа нет, лицензии на отстрел тоже. Как быть? Махнуть на все и ехать дальше?» Пока Шандор размышлял, к месту происшествия подъехал военный грузовик. Офицеру нетруд-

но было убедиться в подлинности рассказа. По его приказу солдаты быстро сняли шкуру, а он на планшете написал что-то вроде справки в Департамент охоты. Шандор, уплатив стоимость лицензии, отвез трофей на фабрику и стал обладателем отлично выделанной леопардовой шкуры. А случилось это в каких-нибудь 40 милях от столицы, на одной из оживленнейших магистралей!

Начинался Рифт Велли — величайшая земная трещина, занимающая значительную часть Кении. Даже не обладая богатой фантазией, можно представить, как сотни тысяч лет назад, словно во времена Геракла, спустившегося в царство Аида за стражем преисподней Кербером, земля содрогнулась, страшной силы землетрясение вздыбило и опрокинуло земные пласты, расколо восточную окраину Африки, как будто по ней прошелся гигантский плуг. По мнению ученых, именно здесь, как-то пробившись через кору, скорее всего можно добраться до мантии Земли и убедиться, что такая действительно существует и состоит именно из тех элементов, о которых подробно написано в учебниках и энциклопедиях. В 70-е годы в Кении под руководством А. П. Капицы работала группа советских ученых по изучению верхней мантии Земли. До приезда в Африку Андрей Петрович участвовал в советских экспедициях в Антарктиде, пытался разгадать тайну шестого материка, скрытую огромными толщами льда. А тут ему пришлось работать под тропическим солнцем, раскрывая еще одну земную загадку. Когда я спрашивал ученого, где было труднее, в Антарктиде или в Африке, он, широко улыбаясь, отвечал: «Географу труднее всего за канцелярским столом».

Обычного путешественника рифт поражает величественной картиной — серпантин обрывистой дороги, широко раскинувшаяся глубоко внизу долина, переходящая ближе к горизонту в зеленые, синие, фиолетовые и совсем темные холмы, на одном из которых угадывались белоснежные кубы и зеркальные сферы строящейся станции космической связи. По окончании строительства президент Джомо Кениата с понятной гордостью скажет, что его страна вступила в космический век... В долине уже можно было рассмотреть мирно пасущиеся стада зебр, газелей и других антилоп, показалось озеро Наиваша с его тысячными колониями птиц, и невольно думалось, как было бы хорошо, чтобы и в космическом

веке сохранилось уникальное богатство кенийской фауны. К этой мысли в течение длинного пути мы еще не раз будем возвращаться то с радостным, а нередко и с горестным чувством... По берегам Наиваши выращивают овощи; плодородные земли, обилие тепла, близость воды позволяют получать по три-четыре урожая и круглый год снабжать туристские отели Кении и европейские столицы свежими овощами.

ЧЬЯ ЭТО ЗЕМЛЯ?

Но вот что показалось странным и непонятным. Многие земли на нагорье — самой благодатной части страны, основы ее благополучия, житницы, где производится большая доля продовольственных и экспортных культур: кофе, чая, пшеницы, кукурузы, овощей, мясо-молочной продукции, земли, обжитые африканцами еще до английской колонизации страны, а затем экспроприированные белыми поселенцами, — были огорожены проволокой и, по всей видимости, пустовали. Обращаемся с вопросом к Овиди, нашему неизменному спутнику, шоферу, гиду, переводчику, парламентария в сношениях с незнакомыми племенами. Овиди высок, строен, худощав, но мускулатура у него развита, как у знаменитого стайера Кипчеге Кейно. Да это и не удивительно — в юношеские годы он был портовым грузчиком в Момбасе. Там же приобщился к политике, принимал активное участие в профсоюзном движении. Сейчас шофер высокого класса, про таких говорят: «Водит машину как бог». На прямой, отличной магистрали Найроби — Момбаса он с артистической непринужденностью держит скорость в 150—170 километров, зато на горных дорогах и городских улицах предельно собран и осторожен. Машина у него всегда в идеальном состоянии. Овиди от природы наделен сообразительностью, тактом, ему свойственны независимость суждений, юмор.

Полное имя Овиди — Овидий (о римском поэте Паблие Овидии Назоне он, откровенно говоря, не слышал). Общаясь с африканцами, я заметил, что католические, протестантские и иные миссионеры, обращая кенийских язычников в христианскую веру, нарекали их и их детей звучными европейскими именами. Я запросто ездил на рыбалку или охоту с Самсонами, Прометеями, Соломонами, знакомился с их Пенелопами и Далилами.

По мере роста национального самосознания африканцы, прежде всего передовая интеллигенция, начинают усматривать некий иронический оттенок в громких европейских именах и возвращаются к национальным истокам, принимая традиционные имена своих предков. Как-то я разговаривал на эту тему с видным кенийским писателем, автором известных советскому читателю романов «Не плачь, дитя», «Пшеничное зерно», «Кровавые лепестки», Джеймсом Нгуги. Он говорил, что англичане, искусственно насадив в Кении свой язык, сделав его основным и в политике, и в литературе, и в культурной сфере, стремились отучить африканцев от национальных традиций, лишить их самобытности, приучить смотреть на мир глазами колонизаторов. Иностранные имена — это одно из наследий духовного колониализма. У меня есть знакомый, говорил Нгуги, черный, как сажа на дне кастрюли, которого зовут Уинтербот (Бездонная Зима). Нелепо и смешно! А чем плохо звучат традиционные африканские имена, например, Чака, Туссэн, Самоей, Лайбон, Овало, Спотуне, Нкрума, Кабрал... Безусловно, кенийцы избавятся от духовного колониализма. Из сложного смешения самобытных языков и культур формируются истинные ценности народа. Нет слона, который не мог бы поднять собственный хобот, каким бы тяжелым он ни был. Так и Кения в конце концов обретет свое неповторимое лицо... Сам Нгуги несколько лет назад принял другое имя, и теперь его знают как Нгуги Ва Тхионго...

В какой-то период года Овиди выглядит по-особенному: и радостным и озабоченным. Зная его, я обычно не ошибался, когда спрашивал:

— С кем поздравлять?

— Понимаете, девочка и такая прелестная!

Овиди немного за тридцать, но у него уже девять детей. Новая радость, но и новые заботы. Не так-то просто прокормить такую ораву! Но такие же заботы у многих соотечественников Овиди: в каждой кенийской семье в среднем по восемь детей...

— Чьи это земли, Овиди, и почему они вроде бы пустуют?

— Это земли лорда Деламера, а пустуют потому, что так хочется лорду.

— ?

— У лорда много земель по всей Кении, больше, чем у кого-либо другого. Одни земли обрабатываются, при-

носят большие доходы, а другие, как вот эти, законсервированы и пустуют. Ну, не совсем пустуют, здесь пасутся дикие звери, гнездятся птицы, друзья лорда приезжают сюда отдохнуть, охотиться.

— Можно думать, что эти земли вскоре будут возвращены африканцам?

— Каким африканцам?

— Ну вананчи *, безземельным.

— В этом я сильно сомневаюсь.

— Почему же, ведь пришла ухуру **, и крестьяне борются за возвращение отторгнутых земель.

— Борются, конечно, но земли лорда Деламера к ним не отойдут.

— Почему же?

Овиди молчит, давая понять, что мы и сами могли бы догадаться почему. В новых поездках по стране, видя законсервированные или тщательно ухоженные поля, тучные пастбища, выслушивая ответы Овиди на вопрос «кому принадлежат эти земли?», мы познакомились с владениями графов Плимут, Аберкорн, Критгнер, виконта Кобхена. До сих пор эти земли принадлежат их прежним хозяевам, и лишь незначительная часть перешла к африканцам, но не к крестьянам, а к нуворишам, главным образом из числа представителей государственно-бюрократической элиты.

Накануне провозглашения независимости Кении в районах товарного хозяйства европейскому фермеру принадлежало земли в 470 раз больше, чем африканскому крестьянину. Более миллиона африканцев не имели земли! За годы независимости в стране проведены земельные реформы, направленные на африканизацию землепользования. Подвести объективные итоги этих реформ не так-то просто, ибо статистикой, как показывает жизнь, даже при наличии ЭВМ можно манипулировать так, что черное выдается за белое, как, впрочем, и наоборот. Уместно указать на общие социально-экономические тенденции: власти отказались от безвозмездной экспроприации земельной собственности белых поселенцев; большинство специализированных плантаций и ранчо поселенцев сохранились; подрывается традиционное общинное землевладение, насаждаются частнокапи-

* В а н а ч и — граждане (суахили).

** У х у р у — свобода (суахили).

талистические отношения в деревне, всемерно поддерживаются «жизнеспособные» фермерские хозяйства, происходит дальнейшее обезземеливание бедняков...

Вскоре слева от дороги, в низине, показалось другое озеро — Накуру. Уже за несколько километров открывается голубая гладь в четко очерченных, как на картинах Н. Рериха, розовых берегах. Приближаясь, видишь, как очертания озера меняются, розовые берега как бы смещаются то к одной, то к другой стороне холмов, озеро становится то правильно круглым, то овальным, на нем вдруг образуются розовые полуострова и острова, которые расплываются, возникают в другом месте, а то и вовсе исчезают. Что за фантазмагория? Игра света, обман зрения? И только уж совсем рядом навязание проходит, и отчетливо видишь, что розовые берега, появляющиеся и исчезающие острова — это многотысячная колония розовых фламинго, занятых добычей пищи, любовными играми, заботой о потомстве. Стоя на берегу, можно часами, не уставая, наблюдать за этими красивыми, крупными птицами. Изгибая длинные шеи и опустив головы в воду, одни прочесывали илистое дно в поисках пищи, другие, засунув черные клювы под крыло, стоя на одной лапе и прижав другую к туловищу, очевидно, отдыхали. Иногда птицы смешно разбегались на своих длиннущих лапах-шарнирах и поднимались в воздух. И скоро целая стая, покружив над озером, опускалась в другом месте, а то и вовсе исчезала, растаяв на горизонте розовой дымкой. Колония фламинго на озере Накуру считалась одной из самых многочисленных в Африке, насчитывала до миллиона двухсот тысяч птиц. В последние годы она уменьшилась в несколько раз; кенийцы считают, что виной тому — построенный недалеко от озера завод химических удобрений со стоком в озеро. Владельцы завода, само собой разумеется, отрицают свою вину и ссылаются на не познанные еще наукой законы миграции птиц.

Загрязнение окружающей среды, увы, отмечается и в Восточной Африке. Я не говорю о столице Кении — Найроби. Как и всякий большой город, он задыхается от выхлопных газов. Но и на далеких от столицы пляжах Индийского океана, омывающего берега Кении, около дорожек и лестниц, ведущих к фешенебельным турист-

ским отелям, стоят банки и бутылки с керосином, набором щеток и губок для отмывания ног от нефти, хотя нефть в Кении и не добывается. Смоляные шарики на пляжах — это следы промывки нефтяных танкеров. На уединенном острове Ламу, славящемся своими белыми поющими дюнами, которые можно сравнить с дюнами Куршской косы в нашей Прибалтике или пляжами Варадеро на Кубе, я находил на безлюдных берегах в местечке Пипони, что означает на языке суахили «уголок прохлады, отдыха, освобождения от забот», полузанесенные песком пластмассовые бутылки из-под фанты, резиновые подошвы, рекламные сумки сигарет «Мальборо», «Кент», головы пластмассовых кукол с выцветшими на жарком солнце глазами... Все эти не поддающиеся разложению предметы современного химико-пластикового быта принесены течениями. Океан большой — что случится, если выгрузить контейнеры с мусором прямо за борт?! Нет, оказывается, ничто неразумное не проходит для Природы бесследно. Возможно, когда-нибудь все поймут, что эстетическая ценность природы — такое же богатство, как вода, леса, залежи золота, меди, нефти, алмазов!

Город Накуру, четвертый по числу жителей, в прошлом был одним из центров белых поселенцев — сеттлеров, в основном англичан, владевших крупными зерновыми и мясо-молочными фермами. Само собой разумеется, что на этих фермах гнули спину черные сельскохозяйственные рабочие и арендаторы. В деловых кварталах чистенького одноэтажного городка разместились многочисленные отделения английских банков, офисы различных компаний, магазины, отели. Здесь существовали филиалы знаменитых английских и международных клубов, и белые джентльмены стремились жить, сохраняя привычки, нравы, обычаи старой «доброй Англии», тщательно скрывая от постороннего глаза острую тоску по былому величию колониальной Британской империи. В местном «Ротори клуб» пригласили как-то выступить и меня. Тема была довольно актуальной: «Сотрудничество СССР с развивающимися странами Африки». В то время еще не улеглась скандальная история с книгой бывшего посла США в Кении Атвуда «Красные и черные», в которой автор пытался запугать молодые развивающиеся страны призраком «красной опасности». Кстати, у тогдашнего кенийского правительства хватило смелости и такта запретить книгу Атвуда в Ке-

нии. Можно было догадаться, что меня попросили выступить в порядке баланса «Восток — Запад». Хотя я и говорил вполне откровенно, называл вещи своими именами, все было чинно, как и положено в чинной аудитории английских джентльменов: неторопливый обед с разговорами о погоде, мое выступление, выслушанное с вежливым вниманием, два-три безобидных вопроса, удар колокола, заменявший здесь тост за королеву Англии и служивший сигналом к тому, что можно курить, несколько благодарственных фраз председательствующего в адрес докладчика, «сообщившего весьма полезные сведения», и джентльмены разошлись по своим делам. Мне сообщили, что на обеде присутствовали все «видные бизнесмены Накуру», владельцы плантаций, представители «Брук Бонд Группе», «Лонро», «Долгетти — Маккензи», «Юнивелир», «Джеймс Финлей энд К° лтд» и других монополистических объединений. Я хорошо знал английскую политику времен крушения колониализма — «уходя, оставаться». Здесь же лишний раз увидел, что называется, наглядное свидетельство этой политики на деле. Кстати, ни одного чернокожего слушателя на обеде я не заметил: сложный процесс африканизации, когда национальная буржуазия стала настойчиво добиваться своего куска пирога, тогда только еще начинался.

КАК НАПУГАТЬ ХАМЕЛЕОНА

Керичо встречает путников своей обычной погодой. Сколько бы раз я ни подъезжал к этому городку, как правило, попадал в дождь. Всю дорогу от Накуру ясное солнце, безоблачное небо, не предвещающее никаких перемен, и совершенно неожиданно, как бы миновав невидимую грань, по крыше машины, начинал барабанить дождь, и не просто дождь, а настоящий ливень, иногда с градом. «Постучав» десять-пятнадцать минут, дождь так же неожиданно прекращается, снова палит нещадное тропическое солнце. От земли поднимаются горячие испарения, которые, казалось, можно зажать в ладонь, а потом рассматривать это косматое чудище. Недаром здесь сосредоточено до семидесяти процентов чайных плантаций страны, принадлежащих главным образом английской монополии «Брук Бонд». Куда ни кинешь взгляд — всюду изумрудный ковер чайных кустов с еле различимыми нитями междурядий,

по которым, быстро манипулируя руками, неторопливо пробираются сборщики чая в желтых прорезиненных комбинезонах с высокими корзинами за плечами. Чай в этих местах собирают практически круглый год, ибо круглый год здесь много влаги и солнца. С кенийским чаеводством меня знакомил управляющий одной из местных компаний мистер Смит, спокойный, рассудительный, знающий дело англичанин. На мой наивный вопрос о том, что нужно для чайного куста, он ответил:

— Как можно больше солнца, как можно больше влаги и, конечно, определенная высота над уровнем моря.

— Ну а почва, она ведь имеет значение?

— О, да, почва должна быть очень хорошей, и здесь она именно такая.

Смит подвел меня к траншее, подготовленной для посадки деревьев, легко спрыгнул в нее и показал полутораметровый слой темно-красного глинозема, не уступающего, по выражению Смита, украинским черноземам.

— У вас есть пословица, кажется, она звучит так: воткни в землю трость — вырастет кэб.

(Я понял: воткни в землю оглоблю — вырастет тарантас.)

— Вот и в Керичо такая же почва, только она не черного, а красного цвета. Не кажется ли вам, что природа чего-то тут недоработала, казалось бы, должно быть наоборот — черноземы в Африке, а в России красноземы — под цвет вашей революции.

— Вы уверены, мистер Смит, что революция не придет в Африку?

— Увы, она уже идет, и значительно быстрее, чем нам хотелось бы. Впрочем, я не думаю, что от революции, которую совершил Джомо Кениата, компания «Брук Бонд» сильно пострадает.

Дипломатично промолчав, я подумал, что мистер Смит в общем-то верно оценивает путь, выбранный Кенией после завоевания независимости. Крупные иностранные компании по-прежнему процветают. Если говорить о чае, то доля мелких африканских хозяйств в экспорте этого продукта не превышает 25 процентов. Все остальное производство сосредоточено в руках монополий.

Мы заговорили со Смитом о перспективах машинной уборки чая. Я чувствовал себя в известной степени «под-

кованным в этом вопросе», поскольку недавно в Кении побывал тогдашний директор Дагомысского чаеводческого совхоза Краснодарского края У. Г. Штейман, рассказывавший о чаеводстве в нашей стране. О машинной уборке он говорил как о реальном выходе для чаеводов Грузии и Северного Кавказа: ведь все меньше находится охотников убирать чай руками — работа трудная, утомительная. Оказалось, что Смит не хуже меня осведомлен о машинном сборе чая, бывал у нас в Грузии, видел все своими глазами и убедился в плюсах и известных минусах машинной уборки.

— Нет, мы не намерены, во всяком случае в обозримом будущем, применять машины на уборке чая. Во-первых, надо перепланировать все плантации, пересадить все кусты, то есть начать все сначала. Слишком дорогое удовольствие. Во-вторых, и это немаловажно, может снизиться качество чая.

Смит подвел нас к чайному кусту и сорвал с верхушки несколько нежных трехлистников.

— Разве самая тонкая машина в состоянии снять с куста этот крохотный пучок? Она неизбежно срежет и соседние грубые листья, из которых хорошего чая не получишь. Пустить эти листья в переработку и получить из них чай — это все равно что заварить веник, кажется, так у вас говорят.

— Говорят, но у нас не хватает рабочей силы.

— Я это знаю, вам без машин не обойтись. А мы еще можем позволить себе роскошь убирать вручную. Кстати, вы заметили, что чай у нас собирают в основном мужчины? Женщины на уборке чая работают лучше, у них тоньше пальцы, движения рук быстрее, но работы для всех не хватает, вот и приходится брать глав семейств — мужчин, хотя платить им надо больше.

— Интересно, сколько же?

— Ну, шиллингов пять-шесть в день.

Пять шиллингов! Столько в то время стоила пачка американских или английских сигарет! Европейцу трудно представить, как можно на такую мизерную зарплату прокормить семью, как правило, многодетную. Сборщики чая принадлежат к наименее оплачиваемой категории трудящихся. От беспросветной нужды спасает клочок общинной земли, но таких земель становится все меньше; Керичо с его плодородными почвами и благодатнейшим микроклиматом давно стал районом интенсивного развития капиталистических форм землепользо-

вания, где общине уже нет места. Помнится, с Василием Песковым, приехавшим в Кению лет десять назад, мы любовались с высокого нагорья расположенной в зеленой долине деревней сборщиков чая из племени кипсигис. Деревенька, огороженная живым, ровно подстриженным кустарником, с аккуратными круглыми белыми хижинами под конусными крышами из тростника. Как потом я выяснил, такие деревни строит чайная компания и сдает внаем своим рабочим. Совсем неплохо! Но таких сравнительно благоустроенных деревень мало, поставлены они на туристских путях как бы напоказ. Глядя на них и зная истинное положение сельскохозяйственных рабочих, невольно вспомнишь «потемкинские деревни», что строил светлейший князь на пути следования императрицы Екатерины II.

Потом Смит показал фабрику по переработке листа, одну из старейших в этом районе, но оборудование на ней самое современное, включая электронику. Все здесь рассчитано так, что убранный утром лист в тот же день перерабатывается, и практически никаких потерь не допускается. Кенийский чай, по словам Смита, высоко ценится на мировом рынке. В достоинствах кенийского чая меня убеждать было не надо: каждый год, приезжая в отпуск, я привозил в подарок московским друзьям кенийский чай, и всем полюбился этот ароматный, цвета червонного золота напиток. Кстати, кенийские чаеводы высоко оценили качество краснодарского чая, образцы которого привозил с собой У. Г. Штейман. Мне запомнилось «чаепитие» в ассоциации мелких африканских фермеров. Африканские чаеводы маленькими глотками отпивали красный ароматный напиток с предгорий Кавказа и с трудом верили, что этот прекрасный чай вырастили не на экваторе, а где-то между 43-м и 44-м градусами северной широты.

По пути на озеро мы пили чай в «Керичо ти отель». Сидя под тентом, любовались плантациями, спускавшимися к горной речушке и вновь поднимавшимся на противоположном холме, высокими деревьями, строгими полосами расчертившими чайные плантации. Как объяснял Смит, деревья, создавая тень, оберегают чайный лист от ожогов солнца. Для посадок отбирают определенные породы деревьев: когда одни деревья роняют листья, они появляются на других так, чтобы в любое время года плантации находились в тени. В то время как мы рассуждали о щедрости земли, сполна на-

граждающей человека за его разумные труды, о взаимосвязанности в природе того же чайного листа, солнца, дождя, высоты, деревьев, дающих тень, наш друг-географ высмотрел на соседнем кусте бугенвиллии хамелеона и начал со всех сторон фотографировать его из своих многочисленных камер, восклицая при этом: «Какой великолепный экземпляр! Вы себе не можете представить, объехал пол-Африки, а такого вижу впервые!» Хамелеон действительно был крупным и, я бы сказал, важным. По всей видимости, это был самец трехрогого хамелеона Джексона. Одно не нравилось фотографу — хамелеон не менял свою окраску, хотя эта его способность вошла в поговорку. Добиваясь необходимого эффекта, он почти вплотную подвигал объектив к глазам хамелеона, которые вращались в разные стороны независимо друг от друга. Манипуляции вокруг хамелеона привлекли всеобщее внимание, и вскоре к нашему столику подошел метрдотель и сказал: «Попросите, пожалуйста, бвану * кончить фотографировать, хозяин извиняется, но говорит, что хамелеон уже устал». Наш друг убрал камеры, отыскал хозяина отеля, принес извинения за беспокойство, доставленное хамелеону, и спросил, почему тот ни разу не изменил окраску.

— Видите ли, сэр, — ответил хозяин, — хамелеоны меняют окраску, когда сильно испугаются. Очевидно, вы не напугали моего хамелеона. Вот если бы рядом появилась змея...

Овиди запомнил эту сценку. Когда в дороге нам приходилось что-то «выклянчивать» — ночлег ли в хижинах, зарезервированных туристами, ведро ли воды на последней бензоколонке на краю пустыни, еще что-либо, он неизменно говорил: «А не захватить ли нам с собой змею?»

«ДОЛИНА УНЫНИЯ»

Между Керичо и Эльдоретом, в провинции Ньянса, часто попадались плантации сизаля, или сизалевой пеньки. Как в свое время Россия была крупнейшим экспортером пеньки, так Кения в настоящее время является одним из главных поставщиков на мировые рынки сизаля, из которого изготавливают прочные канаты, веревки, мешки, плетут рыболовные сети. Местные мастера из сизалевого волокна, окрашенного в

* Б в а н а — господин (*суахили*).

яркие цвета под стать здешней флоре, плетут циновки, сумки, корзины для хлеба, фруктов, подставки под стаканы и тарелки. Африканцев, торгующих изделиями из сизаля, можно встретить на всех туристских путях страны.

После ночевки в Эльдорете, где мы порядком замерзли, хотя спали не под открытым, удивительно звездным небом, а в местном отеле под шерстяными одеялами и, выглядывая на улицу, завидовали ночным сторожам, расположившимся группами около жаровень с древесным углем или у ярких костров, разведенных прямо на асфальте около магазинов и отделений банков, после этой холодной ночи на краю нагорья рано утром мы начали спускаться к жарким пустынным берегам озера Баринго. Дорога шла крутыми спиралями, и перед глазами за краем поросшей кустарником скалы вдруг появлялась безбрежная долина, как бы покрытая прозрачной кисеей, стирающей реальные очертания предметов до расплывчатых символов пейзажа в Феллиниевом «Амаркорде». Необычную световую гамму в долине создавали испарения множества сернистых источников: сливаясь в ручьи, все они впадают в озеро.

На пыльных, почти лишенных растительности берегах Баринго сушились рыбацкие сети, вялилась рыба — неизменная тилапия, которая водится почти во всех пресноводных озерах Кении и постоянно значится в меню даже самых дорогих ресторанов. На самом озере мутную, а местами желтую воду бороздили, обходя многочисленные острова, легкие лодки рыбаков из племени нджемпис. Эти люди в давние времена выделились из гордого народа масаев, упорно продолжающих сопротивляться современной цивилизации и остающихся скотоводами-кочевниками, прочно осели на берегах Баринго, занимаются рыбной ловлей и земледелием. Нджемпис одними из первых создали кооператив по совместному освоению и обработке земель и на плодородных илистых почвах разводят не только кукурузу и другие культуры «для себя», но и выращивают на экспорт дыни.

Объединились в кооператив и рыбаки. У них не только лодки собственной конструкции из легких — легче пробки — стволов местного дерева амбач, но и моторный бот, и плоскодонки заводского производства, и нейлоновые сети, приобретенные за счет государственного займа. Но куда девать рыбу, которой стали вылав-

ливать значительно больше? По-прежнему сушить на вешелах и по дешевке сбывать перекупщикам? На помощь пришла государственная Корпорация развития промышленности и торговли, построившая на акционерных условиях на берегу озера холодильник и небольшую фабрику по производству рыбного филе. Благо, что от озера Баринго до городов нагорья — Эльдорета, Китали, Накуру, Ньери, да и самой столицы Найроби не так уж далеко и дороги есть. К тому же хоть и медленно, но все же заметно преодолеваются этнические предрассудки и «вкусовой барьер», из-за которых почти половина африканского населения страны не берет в рот рыбы.

Теплые воды Баринго способствуют развитию планктона и рыбы в озере, как сказали бы подмосковные рыболовы, навалом. Когда, купаясь в озере, — а удержаться от этого трудно, хотя купание и небезопасно из-за возможности схватить шистоматоз*, — становишься на дно в зарослях прибрежной растительности, тилэпия так и бьет по ногам. Нджемпис и туген считают, что у их рыболовного кооператива хорошие перспективы и рыбы на их век хватит. А если еще начать разводить нильского окуня, достигающего ста и более килограммов, и черного канадского баса, который хорошо прижился в озере Наиваша, то маленькое Баринго может стать одним из самых добычливых и посещаемых туристами озер Кении. Не потому ли так гордо носят свои шикарные львиные шапки старейшины нджемпис, встречаясь с прибывающими из Найроби деловыми людьми и туристами!

Одна из достопримечательностей Баринго — расположенная на уединенном полуострове ферма по разведению змей, которую основал старший сын антрополога Луиса Лики — Джонатан. Десятки обученных африканцев отлавливают и свозят сюда тысячи ядовитых змей — кобр, гадюк, мамб, у которых регулярно берут яд в медицинских целях. Ферма Лики экспортирует в зоопарки и террариумы многих стран скорпионов, черепах, тарантулов, ящериц и другой «товар», глядя на который, нервным людям становится как-то не по себе. Подобное скопище пресмыкающихся я видел второй раз в жизни после знаменитого террариума в Сан-Паулу.

* Ш и с т о м а т о з — паразитарное заболевание как человека, так и животных в тропических странах. Личинки паразита, живущие в воде, проникают в тело через кожу.

Кстати, у Джонатана Лики, посвятившего себя изучению змей, аллергия к противоядиям, и укус змей для него смертелен. Ферма, собственно, не научное учреждение, а коммерческое предприятие. Внешне она мало походит на бразильский террариум, не имеет капитальных построек и скорее напоминает пасеку, где ульи заменены просторными клетками, внутри которых среди камней и песка живут свивающиеся в зловещие клубки обитатели пустынь Восточной и Центральной Африки. В отличие от мирной пасеки ферма обнесена рядами проволоки и охраняется африканскими стражами, вооруженными копьями. «Доят» змей и собирают смертоносный «урожай» хладнокровные африканцы из племени туркана.

Новички, приезжающие из Европы на работу в Кению, просто-таки бывают напуганы рассказами о «зменном рае» в кенийских саваннах и пустынях. Я знал многих своих коллег, которые в любое сафари — здесь почти каждая поездка на охоту ли, рыбалку, просто на прогулку в национальный парк называется сафари — обязательно брали с собой сыворотку, а прежде чем устроить пикник, долго совещались, как бы не попасть в компанию змей, и даже тянули жребий, на чью долю выпадет деликатная миссия с пристрастием осмотреть каждое подозрительное дерево или камень. Я прожил в Кении семь лет, много путешествовал по ней, в поисках новых заветных рыболовных мест спускался по кручам, цепляясь за первую попавшуюся лиану, лишь бы удержаться на ногах и не свалиться в пропасть, но признаюсь, что живую змею, кроме фермы Джонатана Лики, видел всего один раз в... ванне собственной квартиры. Змея была небольшая, черненькая, каких-либо агрессивных действий не проявляла. Но змея! Не будешь же вместе с ней купаться в ванне. Змею пришлось убить. Ну а если в доме завелся их целый клубок? Менять квартиру? Догадались отправить змею на экспертизу в террариум при Национальном музее Найроби. Через несколько дней на официальном бланке пришел ответ такого содержания: «Дорогой сэр, обнаруженная в доме по Ленан роуд и присланная на исследование змея абсолютно безвредная. Она принадлежит к семейству так называемых «домашних змей» и, по преданию, приносит в дом мир и благоденствие. Пожалуйста, впредь не убивайте этих змей. Если Вам все же неприятно присутствие змей в доме,

просим отлавливать их и присылать к нам в живом виде. Примите уверения и т. п.». Я на всякий случай поинтересовался у Джонатана Лики, как отловить змею, забравшуюся в ванну, но воспользоваться советом не пришлось. Зато появилась прекрасная возможность все семейные неурядицы (у кого их не бывает!) считать возмездием за принятый на душу грех — убиение доброй домашней змейки!

Жители Баринго, с которыми мы советовались о дороге на озеро Рудольф, в один голос говорили, что не помнят, когда в последний раз в том направлении проходила машина, и советовали ехать на Томсон-Фолс, затем на Маралал, Барагое и Соут Хорр. Получался порядочный крюк, а, судя по карте, к Маралалу можно было выехать, обогнув озеро Баринго с севера. Так мы и поступили. Ехали пыльной дорогой, от нестерпимой жары приходилось спасаться сквозняком, обе машины были полны пыли, дышать приходилось через марлевые повязки. Пейзаж удручающий — серая почва без единой зеленой травинки, серые, как бы умершие кусты «погоди немного» — медоносной акации, загнутые назад шины которой так впиваются в одежду и кожу, что волей-неволей остановишься; ни единого живого существа, ни единого звука. Лишь однажды бесшумно, словно тени, проплыли и скрылись в колючем кустарнике африканка в черном и три верблюда, груженные всякой домашней утварью: семья кочевников-скотоводов в своих сезонных скитаниях переезжала на новое место. И снова кругом все уныло, мертво. Деревья напоминали библейскую смоковницу, проклятую Иисусом: «Да не будет же впредь от тебя плода вовеки!» Про себя мы окрестили это безрадостное место «Долиной уныния». К вечеру дорога привела к лаггу — руслу высохшей речки с довольно крутыми берегами, и здесь решили заночевать, еле успев до наступления темноты поставить палатки. Ближе к полуночи пошел дождь. Капли робко, неторопливо забарабанили по брезенту, стихли, потом застучали снова дольше и настойчивее. Стук капель повторялся несколько раз, но, так и не набрав силы, дождь прекратился столь же незаметно, как и начался.

Утром, с трудом преодолев песчаное русло речки, на котором ночной дождь оставил лишь влажный след, и проехав не больше десятка миль, уперлись в каменную гряду. Дорога круто поднималась, петляя между

валунами, «газик», натужно ревя, кое-как продвигался вперед, но «рафик» взять подъем не смог. Пробовали буксировать его на «газике», но металлический тросик лопался; заменили его толстыми сизалевыми веревками, они выдерживали нагрузку, но теперь уже не тянул «газик». Разведка вдоль гряды показала, что объехать ее ни слева, ни справа невозможно, а других проходов нет, кругом валуны. Естественно, что все напустились на географа: как же здесь прошла его «волво»? Нимало не смущаясь, наш приятель философски изрек, что в XX веке меняются не только дороги, но и лик Земли, не говоря уже о людях, и торжественно процитировал из дневника А. К. Булатовича слова командующего абиссинским отрядом: «Я предвидел, что это так случится. Мои солдаты храбры, любят войну, но не терпят пустыни. Теперь... куда бы я их ни стал посылать, они будут возвращаться с одним ответом: идти дальше никак невозможно. Только за мной еще они пойдут вперед. Но куда?»

В конце концов мы решили последовать совету жителей озера Баринго и ехать в Томсон-Фолс. Обратно по знакомой дороге ехали быстрее. По всем расчетам, мы въезжали в «Долину уныния». Но боже, как все здесь переменялось! «Погоди немного» покрылось нежным фисташкового цвета пушком, на других кустах появилась бело-розовая кипень, из земли пробивалась зеленая поросль трав, в лужах, удержавшихся на глинистой почве, копошились козявки, жуки, то и дело шмыгали ящерицы, бестолково носились в воздухе термиты, и бойкие пичуги на лету схватывали жирных насекомых, оглашая все окрест восторженным щебетом. «Долина уныния» за ночь преобразилась в долину торжествующей жизни. Подумать только, один ночной дождь, даже не дождь, а дождичек, вроде нашего грибного, сотворил это чудо. Какие же неистребимые силы таит в себе даже эта скудная природа, что она так бурно отозвалась на мимолетную ласку небес!

...В самом центре большой и богатой страны был городок, где вся жизнь, казалось, протекала в полной гармонии с окружающей природой. Городок был окружен хлебными полями и раскинувшимися на холмах садами. Каждой весной белые облака цветения поднимались от этих садов и плыли над зелеными полями. Осенью дубы, клены и березы пламенели дивной гаммой ярких красок на зеленом фоне сосен. С холмов

доносился лай лисиц, по полям в гуще утренних туманов бесшумно проносились олени.

Даже зимой поля манили своей красотой. Громадные стаи птиц слетались сюда полакомиться ягодами и семенами засохших трав, пробивающихся из-под снега. А когда весной и осенью мимо тянулись вереницы перелетных птиц, люди стекались сюда издали полюбоваться прекрасным зрелищем. Иные приезжали удить рыбу в чистых и холодных ручьях, сбегаящих с холмов и образующих тенистые заводи, полные форели.

Но вот как бы черная туча опустилась на окрестности, и все начало меняться. Какая-то порча напала на все живое: неведомая болезнь косила кур, хирели и гибли коровы и овцы. Болезнь стала частой гостьей в семьях фермеров. На всю округу легла печать смерти.

Странная тишина воцарилась вокруг. Исчезли птицы. Это была весна без птичьего гомона. По утрам, обычно звеневшим рассветным хором малиновок, голубей, соек, крапивников и прочих птиц, теперь не слышно было их голосов; над полями, лесами, болотами стояло безмолвие.

Не колдовство, не вражеские силы остановили зарождение новой жизни в этом пораженном ужасом уголке. Люди сами сделали это...

Такую мрачную картину нарисовала американка Рейчл Карсон в своей книге «Безмолвная весна», вышедшей лет пятнадцать назад и сразу ставшей бестселлером, выдержавшей в США за короткий срок до десятка изданий.

«Такого города на самом деле нет, — писала Карсон, — но тысячи подобных городов вполне могут появиться в Америке или в других странах... Мрачный призрак подкрадывается к нам почти незаметно, и эта воображаемая трагедия может легко стать грозной явью». Рейчл Карсон считает, что за последнюю четверть столетия власть человека над природой не только достигла тревожных размеров, но и изменила свой характер. Из всех физических воздействий, оказываемых человеком на окружающую среду, наибольшие опасения внушает загрязнение воздуха, земли, рек и морей вредными и даже смертоносными веществами, главным образом радиоактивными осадками и ядохимикатами, применяемыми в сельском хозяйстве.

«Безмолвная весна», выступления многих ученых во всех частях света отразили ту тревогу за окружающую

нас природную среду, которую не принимает близко к сердцу разве что самый равнодушный или просто пустой человек. Теперь уже многие поняли, что «покорение природы» — эта высокомерная задача, предполагающая, что природа существует для удобств человека, безбожно устарела и не может быть целью современного общества...

А вот и Томсон-Фолс. На другой день пошел ливень. Начался период дождей. Как это случалось не раз, в районе озера Рудольф, возможно, не выпадет ни капли влаги, но рисковать мы не могли, всех ждали дела. Поездку пришлось отложить до нового сухого сезона.

«ЗВУК МИРОЗДАНИЯ»

В следующем году мы выехали, по всем расчетам, задолго до наступления периода дождей. В нашей компании произошли изменения. Географ путешествовал по югу Африки. В экзотического вида открытке, посланной из Габороне, он сообщал, что находится в пустыне Калахари в обществе бушменов. Его заменил другой мой московский знакомый, с которым когда-то вместе работали в газете. Овиди, ожидавшего очередного прибавления семейства, заменил африканец Джон Омоло, рекомендованный нам как отличный шофер, гид и полиглот в языках нилотских племен Севера Кении. Джон вел не «рафик», а более приспособленный к путешествиям по бездорожью «лендровер». А «газиком» по-прежнему управлял русский шофер Саша. На сей раз мы не решились на открытие новых путей к озеру Рудольф и двинулись «классическим» маршрутом через Томсон-Фолс и Маралал.

Примерно в 20 милях севернее Маралала, в местечке Лисиоло, как утверждают некоторые путешественники, открывается самый прекрасный вид на Рифт Велли во всей Африке. Вероятно, так оно и есть. Здесь Рифт тремя циклопическими уступами стремительно падает с 8500 футов нагорья до 3000 футов в долину. Слева в мареве испарений плавилось уже известное нам озеро Баринго, а к северу виднелись стертые расстоянием призрачные очертания горы Ньиру. Если отойти от машин, остаться совсем одному среди этой нетронутой природы — без городских массивов и деревенских селений, без дорог, вспаханных полей, геометрических линий лесных посадок, стальных канатов электропередачи и

даже воздушных трасс, обозначенных белыми шлейфами инверсионных линий на голубом небосводе, — без всего того, что так или иначе вкрапливается в самый уединенный европейский ландшафт, можно почувствовать себя Адамом, впервые увидевшим сады Эдема и мир во всей его первозданности, в полной гармонии, не знавшей борьбы за существование, вражды и ненависти, когда, по древнейшему мифу человечества, лев отдыхал рядом с ягненком. И ничего-то тебе не надо, как широко открытыми глазами смотреть и впитывать в душу эту простую и величественную, торжественную и скромную красоту. И тогда, казалось, душа очищается от всего суетного, что так занимает нас в городской нашей жизни и совершенно лишнего и ненужного здесь, среди гор, долины, озер, запахов трав, деревьев и голосов неведомых птиц. В такие минуты полного слияния с природой русский поэт, наверное, и сочинил стихи: «Мне мало надо — краюшку хлеба да каплю молока и это небо, и эти облака...»

Немного не доехав до Барагой, остановились на ночлег. Место попало идеальное: рядом с дорогой — ровная травянистая поляна, окруженная довольно высоким и плотным кустарником. Выехать решили с рассветом, намереваясь засветло добраться до озера. Убрана посуда после ужина, притушен газовый фонарь. Но что-то никто не торопится в палатки. Темное, почти черное небо усыпано яркими близкими звездами. В кустах угомонились на ночь птицы, лишь редкие неясные шорохи нарушают тишину. Внимательно всматриваясь в кусты, можно увидеть горящие зеленым светом глаза. Кто это? Лесная кошка? Пожалуй, слишком пустынные места для этого красивого зверя, похожего расцветкой на леопарда. Шакалы? Возможно. Когда мы уберемся в палатки, они будут догладывать оставшиеся от ужина кости. Бабуины? Но почему эти вечно галдящие разбойники ведут себя так смирно? И вдруг... Вдруг ночную тишину разорвал рык льва. Это было неожиданно и жутко. Я испытал чувство, близкое к тому, когда мальчишкой, наслушавшись на завалинке рассказов о проделках домовых, леших, чертей и прочей нечисти, возвращаясь домой, наскоро крестился у порога темных сеней и пробегал те несколько метров, что отделяли от кухонной двери, за которой был свет керосиновой лампы и мать, латавшая в эти вечерние часы нашу ветхую одежонку.

За годы, что я прожил в Кении, мне приходилось видеть, вероятно, не одну сотню львов. Видел я их почти во всех национальных парках этой страны, где они живут свободно, охотятся, размножаются, дрыхнут и погибают; на воле от болезней и старости не умирают — таков суровый закон. Кажется, нет более ленивого существа, чем царь зверей с головой Зевса, обрамленной роскошной гривой, когда он часами и даже сутками сытый валяется в кустах или высокой траве.

Ученые утверждают, что из всех крупных хищников львы спят дольше всех — восемнадцать часов в сутки. Многочисленные туристы подъезжают на автомашинах к львиным прайдам на расстояние 5—6 метров, беспрерывно строча и щелкая кино- и фотокамерами, и бывают разочарованы смирным поведением львов. Как остроумно заметил один француз, львы беспрестанно скалят зубы и грозно рычат лишь в заставке кинофильмов американской фирмы «Метро-Голдвин-Мейер». Редкий лев или львица оторвут сонную голову от земли, без всякого интереса посмотрят на машины и снова погружаются в дремоту, кисточками хвостов отгоняя надоедливых насекомых. Разве лишь львята, смешно поворачивая мордашки, с любопытством посмотрят на раскрашенные под зебру туристские микроавтобусы и продолжают возиться друг с другом или теребят родителей за уши или хвосты; получив увесистый шлепок, откатываются в кусты и там, очухавшись, продолжают таскать один другого за холки. Такие сценки, согласитесь, не порождают страха перед хищником. Мне приходилось наблюдать и одиночных львов, как бы без всякой цели бродящих по саванне на виду у пасущихся антилоп и зебр.

В национальном парке Кикарок мы с приятелем решили сфотографировать неизвестный нам кустарник с ярко-огненными цветами и вышли из машины. Едва мы подошли к кусту, как раздался выстрел, и мы увидели, что из переднего автомобиля, в котором ехали наши друзья с егерем, вооруженным карабином, нам машут и кричат: «Назад, назад!» Как оказалось, за кустом притаилась львица, вероятно, высматривавшая добычу. Егерь решительно высказал нам свое недовольство: мы грубо нарушили непреложное правило всех национальных парков — ни в коем случае не покидать транспорт. К концу поездки егерь «отошел» и признался, что за

последние три года он впервые выстрелил из карабина; стрелял в воздух, чтобы привлечь наше внимание.

Знаменитого путешественника по Африке Давида Ливингстона жители из племени бакатла как-то попросили убить льва. Он выстрелил из двух стволов и, думая, что лев мертв, стал неторопливо перезаряжать ружье. Каково же было его удивление, когда он увидел, что лев стремительными прыжками несется на него, затем почувствовал, что зверь вцепляется в плечо, опрокидывает на землю и встряхивает, «как терьер пойманную крысу». Ливингстон до того был ошеломлен, что не испытывал ни страха, ни боли, хотя был в полном сознании. Позже свое состояние он сравнивал с чувством пациента, который, находясь под местным наркозом, видит действия хирурга, но боли не чувствует.

В уже упоминавшемся местечке Керичо работают резчики по камню. Как-то раз я долго наблюдал, как два мастера, расположившихся прямо на земле под тенистым деревом, вырезали из мягкого розоватого мыльного камня фигурки животных: слоников разных размеров, антилоп, крокодилов, смешных лягушек. Один из резчиков заканчивал льва. Лев получился толстым, с гривой словно солнечные лучи, с добродушной пухлой мордой и удивленными глазками. Мастер спросил: «Нравится?» Я ответил: «Очень! Но каким же он добряком выглядит, разве так бывает?» — «А лев незлой. Когда его не трогают, он человека не обидит. Я знаю», — сказал мастер и подарил мне льва в придачу к купленным лягушкам. Но, пожалуй, самое неожиданное о львах я прочитал у Василия Белова: «На лежанке Афанасьи Озерковой (деревня Лобаниха) нарисован был лев с круглым, совсем не звериным лицом, с тонкой поднятой лапой и тонким хвостом. Кисточка хвоста загибалась как-то уж очень изящно и несерьезно. Да и сам лев улыбался». Выходит, далеко не всем лев кажется свирепым и страшным хищником!

Но этот голос в ночи! Как близко он раздался, на что походил?

Вскоре по возвращении из сафари мне довелось беседовать в Найроби с профессором Бернгардом Гржимеком. Я рассказал ему о поездке на озеро Рудольф, о том, каких видел зверей. Рассказал и о впечатлении, которое произвел на меня львиный рык. Профессор рассмеялся.

— Как удивительно иногда совпадают эмоции лю-

дей, их реакция на необычные явления природы. Я уже писал, что когда в Серенгети львы заревели, как нам казалось, в нескольких шагах от нашей палатки, то мы чуть не попадали с постелей.

В тихую, ясную погоду льва можно услышать за восемь-девять километров. Свой рев лев издает обычно стоя, слегка опустив голову, втянув бока и мощно, словно мехи, раздув грудь.

На меня львиный рык действует подобно колокольному звону, настраивая на серьезный и торжественный лад. А вообще львиный рык считается великолепнейшим и наиболее впечатляющим звуком мироздания, — сказал Гржимек.

Утром настроенные, подобно Гржимеку, на серьезный и торжественный лад, тронулись мы дальше на север. Начиналась полупустыня, но животных попадалось много. Обитающих здесь зверей нечасто увидишь на плоскогорьях. Самые маленькие антилопы дик-дики выпрыгивали, словно теннисные мячи, кажется, из-под каждого куста. Размером с новорожденного козленка, дик-дики стремительными и легкими прыжками спасаются от возможной опасности. Часто можно было видеть, как антилопы геренук, длинношеи, словно жирафы, стоя на задних ногах, объедают верхушки кустарников. Жирафа в этих местах тоже особенная: не пятнистая, чаще всего встречающаяся в центральных и южных районах страны, а сетчатая — на яркой светло-коричневой короткошерстной шкуре как бы нарисованы неуверенной детской рукой белилами квадраты, прямоугольники, ромбы. С маленькими головками и короткими тупыми рожками животные с любопытством смотрят на наши машины с шестиметровой высоты сквозь длинные, словно наклеенные ресницы.

Мне не раз приходилось видеть жирафа на водопое. Казалось, жирафе с ее длиннющей шеей напиться из реки проще простого. Ан нет — мешают передние ноги, которые значительно длиннее задних. Вот и приходится сколько возможно расставлять на самой кромке воды передние ноги, подтягивать на ту же линию задние, всю вытягивать длинную шею, и только в такой, как кажется со стороны, напряженной и неустойчивой позе удастся дотянуться губами до поверхности воды. Представьте себе картину, когда на небольшом участке одновременно пьет целое стадо. Даже у отчаянно уставшего путешественника подобная сценка вряд ли не вызовет

доброй улыбки. Там, где трава позеленее и потучнее, пасутся зебры Гриви — наиболее красивые из всех зебр. Кстати, это и единственная зебра, поддающаяся приручению. Удивительно складные и, как правило, хорошо упитанные лошадки отличаются от своих обычных сородичей узкими и четкими черными полосами на белой шкуре.

И слоны здесь попадаются самые крупные. Удивительно, как удается этим великанам находить более 100 килограммов зеленого корма и столько же литров воды в день в засушливой местности. Мы видели нескольких гигантов белого цвета. В разных местах приходилось видеть красных и совсем черных слонов и животных естественной темно-серой окраски. Принимать душ — излюбленное занятие слонов, но, когда нет воды, они, спасаясь от жары и насекомых, набирают в хобот сухую почву или пыль и «обливаются». Поэтому и существуют разноцветные слоны, но это, как утверждает Б. Гржимек, до первого хорошего дождя или до настоящего купания. Две тысячи лет назад Плиний писал: «Как только наступает новолуние, слоны идут к реке, чистятся там и торжественно купаются».

А вот Барагой — предпоследний населенный пункт перед пустыней, примыкающей к озеру Рудольф. Одна пыльная улочка с двумя десятками глинобитных, покрытых ржавым железом домов с немытыми окнами, кучка любопытных голых ребятишек, несколько женщин, отправляющихся с корзинами, калембасами и с ворохами белья на ручей, протекающий за домами, «торговая точка», бензозаправка, около которой стоит полицейский «лендровер», вернувшийся накануне из района озера Рудольф, — полицейский инспектор выплачивал зарплату немногочисленным стражам закона. Заночевавший в Барагой полицейский, добродушный толстяк из народности кикуйя, охотно ответил на наши вопросы. «Да, дорога терпимая». «Развилки? Нет, развилок не было, заблудиться никак невозможно». «Жарко?» «Есть немножко. Лучше выезжать как можно раньше». «Решили ехать сейчас? Ну, тогда не тяните, если машины в порядке, до темноты доберетесь».

Журналисту пришлось прервать социологическое исследование о роде занятий маленького, но довольно пестрого по составу населения поселка, а мне — разговор с владельцем лавки, оказавшимся, что вообще характерно для Кении, давним выходцем из Индии.

Когда англичане в начале века начали строить железную дорогу от порта Момбаса в глубь континента, они привезли рабочих из Индии. После окончания работ многие из индийцев остались жить в Кении, привезли свои семьи, родственников и занялись различными ремеслами и торговлей. В Кении накануне независимости жило около четверти миллиона выходцев из Азии. Дискуссия у нас шла на весьма любопытную тему, а именно — о преимуществах прямого обмена товаров по сравнению с денежным обращением. Сингх — так звали лавочника — утверждал, что большинство его местных клиентов предпочитает формулу «товар — товар» формуле «товар — деньги — товар». «Они что, искушены в политэкономии?» — «Вы, конечно, шутите, они ведь неграмотны. Просто им понятнее обменять продукты своего труда на нужные им товары. В их головах не укладывается, что бумажка или монета с изображением президента, которого они не знают и никогда не видели, может стоить дороже козы, выращенной и выхоженной на скудных пастбищах, да еще и убереженной от голодного шакала. Одну минутку, кажется, вы это сейчас увидите».

В лавку вошла пожилая самбурка, закутанная в черный лоскут материи, разложила на прилавке козлиную шкуру, разгладила и что-то сказала продавцу. «Она говорит, что это очень хорошая, мягкая шкура, и хочет получить за нее два пакета муки и пачку сахара, — перевел лавочник. — Шкура стоит того, но она давненько не была в лавке, а цены уже выросли, я могу предложить ей один пакет муки, пачку сахара и несколько центов сдачи». Продавец долго объяснял самбурке ситуацию, та в конце концов поняла, но от центов отказалась, попросив бисера для невестки. Сделка состоялась, женщина ушла, и лавочник торжествующе посмотрел на нас. «Вот вы и убедились в преимуществах прямого обмена товаров. Без этого я давно бы разорился, не дождавшись, пока правительство ликвидирует неграмотность или хотя бы недоверие к деньгам, которые оно выпускает».

Пора было уходить.

— «Бранил Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита и был глубокий эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет», — читаю негромко Пушкина.

— Что вы говорите? — спросил лавочник.

— Стихи.

— Стихи в такую жару? Выпейте лучше пива. Могу предложить Карлсберг или Хайнекен.

— Датское и голландское пиво? Интересно, для кого вы его держите?

— Конечно, не для местных. У многих туристов запасы пива кончаются значительно раньше, чем они добираются до озера Рудольф.

СЛЕПОЙ ПРОВОДНИК

За Барагой, где кончалась дорога и откуда, по нашим расчетам, оставалось рукой подать до Соут Хорра, неожиданно появилась развилка. Поругивая полицейского инспектора, еще раз углубились в географические карты. Развилки не должно быть! Откуда она взялась? Выбрали правую, более свежую колею, возможно, именно по ней возвращался вчера полицейский. Едем час, другой... Надо снова подумать и разобраться. К тому же место подходящее — несколько высоких акаций над крохотным ручьем. Лучшего места для завтрака не придумаешь. Завтрак завтраком, но куда же ехать? И, о счастье! К нам приближаются трое африканцев: молодая женщина и двое мужчин. Женщина прямо-таки черная Афродита с классическими чертами, с доброй улыбкой, обнажавшей неопишуемой белизны ровные крепкие зубы. Длинная шея скрыта украшениями из бисера, на ногах и руках металлические браслеты, обнаженное тело прикрыто лишь коротким, чуть шире ладони, искусно вышитым бисером передником, который удерживается на тонкой талии кожаным сыромятным ремешком. Высокие, хорошо сложенные мужчины одеты в нечто вроде короткой тоги, закрепленной на одном плече; вооружены копьями и ярко раскрашенными щитами из кожи буйвола.

Наш полиглот Джон быстро установил, что они из племени самбура, навещали живущих южнее родственников и возвращаются в свое селение. От завтрака африканцы решительно отказались, но мужчины с удовольствием выпили по банке пива. Они сказали, что надо было держаться левее, но утешили тем, что мы не так много потеряли времени и они знают, как, не возвращаясь, попасть на нужную дорогу, и она будет одна до Соут Хорра, который совсем рядом. Прощаясь с добры-

ми самбура, мы предложили им взять что-нибудь. «Нет, нет, ничего не надо». — «Может быть, сахар?» — предложил Джон. «Сахар можно, дети стали к нему привыкать». Но предложенная пачка вызвала смущение. Джон догадался и разделил пачку на три равные части. «Вот так хорошо», — африканцы радостно заулыбались. Красавице предложили еще на выбор несколько монет. Перебирая их на тонкой и длинной ладони, она выбрала самую дешевую бронзовую денежку и показала, что прицепит ее к украшению на шее. «Но ведь белые серебряные шиллинги значительно дороже, на них можно купить много украшений», — просвещал женщину Джон. «Может быть, в городе так, но мы делаем украшения сами. Эта мне нравится больше», — ответила самбурка. На прощание мы сфотографировались с новыми знакомыми. Не в столь уж давние времена люди из многих племен Кении отказывались позировать перед фотоаппаратом или кинокамерой. Они считали, что снимающий может завладеть их душами и властвовать над ними. Иностранный туризм внес изменения в психологию кочевников. Некоторые предприимчивые африканцы, надевая ритуальные наряды и появляясь около туристских отелей, сделали позирование перед камерой своего рода побочным заработком. Наши самбура позировали перед фотоаппаратом совершенно бескорыстно. «Вас подвезти?» — предложил Джон. «Нет, нет, нам совсем рядом». Джон не стал настаивать, но, когда мы тронулись, сказал, что идти им еще миль десять.

В Соут Хорр, где последний непересыхающий ручей прозрачной воды весело перепрыгивал через каменные плиты и где стиркой белья было занято, кажется, все женское население местечка и окрестных поселений, Джон дотошно расспросил стариков о дороге на озеро Рудольф. Все в один голос утверждали, что есть одна-единственная дорога, с которой сбиться никак нельзя. Однако старики советовали подождать утра — «очень жарко». Жара действительно становилась нестерпимой, наши запасы фанты, кока-колы, содовой и пива таяли. Но всем не терпелось не просто умыться в ручье, но и искупаться в озере.

После часа езды дорога исчезла. Мы буквально ползали по закаменевшему грунту, пытаюсь найти ее следы. Следов не было. А жара все усиливалась, солнце жгло. Видимо, пока не поздно, надо возвращаться, а утром брать проводника.

Вдруг Джон учуял запах дыма и повел машину в этом направлении. Вскоре показалась бома — огороженный сухими кустами участок, по краям которого расположились две круглые хижины из прутьев, обмазанных глиной с навозом, да еще прохудившийся сараюшко. Круглый пятачок в центре, служивший загонem для скота, был обильно унавожен козьими горошинами и верблюжьими лепешками. На сигналы наших машин из хижин появились девочка лет двенадцати, молодая женщина с грудным ребенком на руках и довольно рослый, плотный мужчина лет сорока со странно застывшими глазами. По тому, как женщина, поочередно разглядывая каждого из нас, что-то говорила мужчине, мы поняли, что он слепой, и женщина, вероятно, описывала ему приехавших. Вступивший в разговор Джон не без труда выяснил, что это семья из племени сук. Да, мужчина полностью потерял зрение лет десять назад. Трахома! Но он сильный и красивый мужчина, у него две жены и семеро детей. Старшая жена и двое сыновей отправились на верблюдах за водой, третий сын пасет коз, две девочки копаются в поле. «Неужели здесь что-то родится?» — «Растет маниока, а если бывают дожди, растут сорго, кукуруза. У семьи пять верблюдов и сорок коз. Хозяин говорит, что семья живет в достатке», — переводит Джон.

Я подошел поближе, чтобы посмотреть на малыша. Африканские ребятишки, как правило, восхитительны: курчавые головенки, крупные вишневые глаза, добрые белозубые улыбки. Малыш улыбался беззубым ртом, сучил ручками и ножками. Но глаза! Огромные глаза были сплошь облеплены мухами, и я с содроганием разглядел в их уголках еле заметных белых червячков. Увидел это и один из моих спутников, Володя, русоголовый, розовощекий юноша, выросший в стерильной чистоте. Отшатнувшись и смутившись, что не удалось скрыть охватившего его смутения, он шепотом спросил: «Вы видели? Что это шевелится в его глазах?» — «Это личинки, которые отложили мухи». — «Личинки? Какой ужас!»

Джону удалось растолковать главе семьи, что мы едем на озеро Рудольф, но сбились с пути, и спросил, могут ли жена или дочь вывести нас на дорогу. «Женщины хорошо знают верблюжьи тропы, другие дороги они находят хуже», — ответил слепой. Он что-то сказал жене, та передала малыша дочери и вместе с мужем села

в переднюю машину. Джон, крутя баранку, переводил разговор мужа и жены.

— Скажи им, что нужно ехать до куста, где мы... ну, ты знаешь этот куст.

— Да, я вижу его.

— Хорошо. Теперь скажи, чтобы повернули направо и ехали на термитник, ты видишь его.

— Да, я вижу. Он рядом.

— Хорошо. Теперь влево, на красный камень.

— Мы у камня.

— Ну вот и хорошо. Выходи и покажи им дорогу, она теперь пойдет между камней до самого озера, и они не собьются, если даже злой дух захочет им помешать.

Мы вышли из машин и увидели дорогу. Да, с такого пути сбиться было невозможно: на обочинах так тесно лежали камни, что машина не могла свернуть ни влево, ни вправо. Джон поблагодарил проводников и предложил довезти их домой. Но слепой решительно отказался, предупредив, что нам надо поторапливаться, если не хотим ночевать в машинах. Мы провожали их глазами, пока они не скрылись из виду. Мужчина шагал уверенно, жена не поддерживала его, а шла немного позади. Володя вдруг воскликнул:

— А ведь он идет не как слепые!

И правда, мужчина шел так, будто совсем не нуждался в поводыре. Неужели можно настолько запомнить все вокруг, что, не видя, знать, как где ступить? Может, это оттого, что мир, в котором живет семья, настолько мал, что мужчине известен каждый куст, каждый камень? А возможно, у слепого африканца есть третий «глаз», позволяющий ему различать солнечный свет?

— Разве можно так жить? — сказал Володя.

— Как «так»? — спросил Джон.

— Ну, одиночество, грязь, мухи.

— Мухи везде, где скотина живет рядом с людьми. В каждой деревне кочевников такая же картина — и у масаев, и у самбуру. Молодой мамаше надо почаще промывать глаза ребенка. Я ей сказал об этом и оставил пакет борной кислоты. Да и властям пора бы уже позаботиться хоть о какой-то медицинской помощи населению северных районов. Одиночество? В ваших громадных европейских городах одиночества еще больше, об этом только и читаешь и смотришь в кино. Мне показалось, что слепой и его жена вполне счастливы, — закончил Джон.

Что ж, счастье — понятие относительное. Возможно, Джон и прав. Но вот то, что подобную жизнь «на лоне природы» нельзя назвать идиллической, так это точно. И вряд ли, несмотря на прогнозы некоторых западных футурологов, люди из современного индустриального общества захотят, а главное — смогут вернуться назад к первобытному образу жизни. Подсчитано, что если бы Земля находилась в первозданном состоянии, она способна была бы обеспечить пропитанием лишь 10 миллионов из 4 миллиардов населения планеты.

НЕФРИТОВОЕ ОЗЕРО

Тем временем местность принимала все более пустынный и суровый вид. Впереди, слева и справа, сколько мог охватить глаз, земля была покрыта черной лавой, ослепительно блестящей на солнце, словно антрацит. Лава раскалена, и даже в туфлях-сафари на каучуковой подошве долго стоять невозможно. Что это — преддверие ада или только дорога туда? Во всяком случае, грешников без всяких костров можно запросто поджаривать на обочине.

— Скажите, Джон, что случилось бы, если бы мы остались здесь без машин и воды?

— Через сутки погибли. Если бы вы попытались выбираться отсюда пешком, то смерть наступила бы часов через двенадцать, а если бы пришлось еще и вытаскивать застрявшие машины, то вы свалились бы через три-четыре часа и умерли часов через восемь.

— А вы?

— Ну, я протянул бы несколько дольше, но не настолько, чтобы успеть вас похоронить. Разве что по обычаю здешних племен мог бы слегка завалить ваши тела камнями.

— Спасибо и на этом.

Черный наш юмор основывался на реальных фактах. В этих местах дневные температуры достигают 38—60 градусов по Цельсию, и люди, привычные к более умеренному климату, нуждаются в трех литрах воды в сутки лишь для того, чтобы выжить. Для нормальной жизнедеятельности требуется воды как минимум вдвое больше.

Поворот, еще поворот, и глазам открылась бирюзовая полоса озера, ошеломляюще контрастирующая с черными берегами. Добрались-таки! Скорее к воде! Дорога

пошла под уклон, мы ехали уже по дну озера, которое в далекие времена занимало в два раза большую площадь, чем сейчас. Но, увы... По дороге навстречу машинам, вытянувшись на добрый километр, не спеша, под низкий звук вырезанных из дерева колокольчиков двигался караван верблюдов, груженных огромными калембасами и бурдюками с водой. Возглавлял караван сухопарый мускулистый африканец средних лет, в сандалиях из автомобильной покрышки, набедренной повязке из вылинявшего красного лоскута. На голове его каким-то чудом держалась крошечная глиняная шапочка, увенчанная роскошным страусовым пером. Преградив путь копьем, он сказал Джону, что мы должны подождать, пока он выведет верблюдов на обочину. Объехать караван мы не могли из-за камней. Тем временем подбежал, прыгая с камня на камень, замыкавший караван подросток. Вдвоем они осторожно «вытягивали» верблюдов с дороги; процедура заняла чуть больше часа, показавшегося нам вечностью. Освободив дорогу, африканцы за руку поздоровались с каждым из нас и заинтересовались, кто мы и откуда. Ни о Болгарии, ни о Советском Союзе они ничего не слышали. Мы для них были просто белые люди, как все европейцы — ни хорошие, ни плохие. Колонизаторы здесь не задерживались и в силу этого не посеяли неприязни к белому человеку, как это случилось в центральных районах страны. Сами они из племени рендилле. В сухой сезон раз в неделю приводят караван к озеру. Двое суток до озера, сутки на озере, двое суток от озера до деревни. И так почти круглый год. Можно представить, как рендилле ценят воду!

Оказывается, что на одного жителя планеты расходуется около тысячи тонн воды в год. В тысячу раз больше, чем топлива, и в 10 тысяч раз — чем металлов. Какое это соотношение у рендилле и других племен севера Кении? Понятно, что воды они тратят в сотни раз меньше — всего три литра в день! Кран в квартире — великое благо, но он в то же время и беспечный расточитель; люди перестают беречь воду, которая достается им с такой легкостью. Далеко не все знают, что, несмотря на то, что большая часть поверхности планеты Земля покрыта водой, пресные воды составляют лишь два процента всех водных запасов. Сегодня проблема пресной воды — острейшая в мире. Подумать только, существуют проекты «перегона» антарктических айсбергов к бе-

регам Австралии. Можно представить, сколько труда и средств потребует осуществление этого замысла! К тому же еще неизвестно, не нарушится ли экологическая система Южного океана, если человечество «выпьет» Антарктиду.

Топлива, в современном понимании этого термина (нефть, газ, каменный уголь, горючие сланцы, уран), рендилле не тратят совсем. А металлов? Наконечники для копья и стрел, мотыга, один-два котла для приготовления пищи на большую семью — вот, пожалуй, и все. Необходимых в каждой европейской семье вещей из металла — мясорубок, скороварок, кофейников, холодильников, пылесосов, стиральных машин, магнитофонов, миксеров и еще десятков менее нужных, а главным образом ненужных вещей, которыми обрастает человек, как днище корабля ракушками, само собой разумеется, у кочевников нет. Они живут «налегке», не обремененные вещами.

Выходит, что в представлениях этих народов о жизни, о бедности и богатстве, о счастье и несчастье вещи играют ничтожно малую роль. Выходит, их психология, моральные и нравственные критерии свободны от культа вещей, бытовых удобств, от всех богов и дьяволов общества потребления. Выходит, что они свободнее, а потому и счастливее современного человека, живущего, по образному выражению Ю. Бондарева, в условиях машинно-стеклянно-бетонной цивилизации, где асфальт, пластик, двуокись серы заменяют нам или уже почти заменили прекрасную естественность земли, воды, воздуха... Но существует ли единое для всех народов представление о счастье, смысле жизни, добре и зле, правде и лжи? Мужчины из племени рендилле вырезают из дерева изящные легкие скамеечки, которые носят всегда с собой и на которых любят сидеть. Иногда сидят целыми часами, о чем-то размышляя. Может быть, они ищут ответы на все эти «вечные» вопросы?..

Вот и берег озера, с которого открывается безбрежная ширь желтовато-зеленой воды с отчетливо различным черным островом, напоминающим очертаниями спящую женщину. Возможно, потому, что озеро лежит в каменной чаше посреди раскаленной лавовой пустыни и путь к нему труден и изнурителен из-за жары, бездорожья, а на последнем этапе и полного отсутствия

растительности, на которой хоть на мгновение могли бы отдохнуть глаза от слепящего блеска солнца и лавы, водная гладь, сливающаяся на горизонте с белесо-голубым небом, воспринимается как чудо, как феномен природы. Когда открывшие в 1888 году озеро венгерские исследователи Ш. Телеки и Л. Хенель увидели его, Хенель записал: «Долгое время мы смотрели в безмолвном восхищении; мы были ошеломлены прекрасной картиной, открывшейся перед нами».

Можно только удивляться, что за миллионы лет озеро не испарилось от ежедневной работы солнца и иссушающего дыхания пустыни, а по-прежнему, хотя и заметно мелея и становясь все солонее, колышет свои зеленые воды в обрамлении черных берегов, поддерживая жизнь в этих скудных и неласковых местах.

Озеро Рудольф — одно из цепи Великих африканских озер. Оно четвертое по величине после Виктории, Танганьики и Ньясы. Длина его 220 км, наибольшая ширина — 50 км, площадь — 8,5 тыс. кв. км. Глубины достигают 73 м. Залитые лавой прибрежные долины и оплавившиеся скалы свидетельствуют о значительной вулканической активности в бассейне озера.

Последнее извержение вулкана Телеки на южной оконечности озера произошло в 1898 году. На озере, не считая мелких, три главных острова вулканического происхождения — Южный, Центральный и Северный. Все они необитаемы, хотя черепки от посуды и мусорные кучи, найденные на Южном острове, доказывают, что когда-то люди умудрялись там жить. В озере сравнительно высокое содержание различных солей. Такой состав воды в сочетании с высокой температурой и продолжительным солнечным сиянием создает благоприятные условия для роста сине-зеленых водорослей. Поэтому-то озеро называют еще Нефритовым морем. А местные жители — и Бассо-Нарок — темной водой...

Времени у нас до устройства на ночлег оставалось в обрез, и все же было выше сил удержаться от купания. А крокодилы? Ну почему они должны быть именно здесь, как будто другого места у них нет? Во всяком случае, в факторе внезапности шансы у нас и у крокодилов были равны. Насыщенная содой вода, казалось, закипала от соприкосновения с нашими разгоряченными телами, и хотя вода была так же горяча, как и воздух, ощущение блаженства трудно передать. Надо было только, вынув все из карманов, лезть в воду прямо в одеж-

де — мы сразу убивали двух зайцев: отмывались сами и стирали одежду. Под здешним солнцем и ветром одежда высыхала буквально за пять минут! В дальнейшем мы не раз будем пользоваться этим, как оказалось, испытанным методом. Но под тем же солнцем и ветром эффект от купания испарялся за те же пять минут...

Лет пятнадцать назад я месяц жил на Байкале, у истока Ангары. Стоял тихий теплый август; в прибрежной тайге, в распадках, по которым я любил бродить, было даже жарко, все время тянуло в воду — прозрачную, холодящую зубы, манящую глубиной. И хотя говорили, что в этом месте Байкала не купаются, вода ледяная, я однажды увидел, как девушка из соседней деревни, живописно притулившейся в распадке, вышла со двора в купальнике, с разбегу бросилась в воду и довольно долго плавала. Попробовал и я. Обошлось, и купался потом каждый день. Больше двух-трех минут я не выдерживал, но этих коротких мгновений хватало, чтобы потом долго чувствовать себя как бы заново родившимся. Хорошо бы и сейчас окунуться в живительную воду Байкала!...

Вот и Лойянгалани. От разграбленного кемпинга уцелело тростниковое бунгало, в котором вполне можно укрыться. Присматривавший за помещением «по совместительству» настоятель католической миссии, единственный постоянно живущий в оазисе европеец, Джозеф Полетт, охотно предоставил его в наше распоряжение; он пустил воду горного источника в сохранившийся небольшой бассейн. Через недолгое время чаша наполнилась до краев и засверкала голубизной под светом выкатившейся из-за горы Кулал полной луны.

Джордж Адамсон, в дни своей молодости безуспешно искавший золото по берегам озера Рудольф, узнав, что я собираюсь на озеро, посоветовал «побыстрее работать ложкой».

— Надо бояться того, что крокодилы перехватят еду? — пошутил я.

— Нет, ветер.

— Простите, Джордж, при чем тут ветер?

— Во время моего бродяжничества по берегам озера ветер свистел с такой силой, что еду сдувало с тарелок раньше, чем мы успевали донести ее до рта.

Я сразу поверил: уж если молчаливый Джордж, обходящийся обычно скупыми «да», «нет», «хорошо», «плохо» да еще несколькими восклицаниями: «О, в са-

мом деле!», «Удивительно!» произнес такую длинную фразу, значит, так оно и есть — ветра надо опасаться. И действительно, каждую ночь, где-то ближе к рассвету, поднимался ветер и дул с такой бешеной силой, что сносил в озере все, что забывали спрятать, — одежду, миски, пустые канистры, коробки. Юго-восточный ветер дул временами со скоростью современного курьерского поезда — 120—150 километров в час. Но мы устроились надежно: сзади довольно высокий берег, а под ним — истерзанная ветрами полоска пальмовой рощи, среди которой и притулилось бунгало. Ветер безжалостно трепал деревья и крышу хижины, и не сразу можно было привыкнуть к неумолчному шуму, напоминавшему что-то знакомое и в то же время отличное от привычных с детства звуков. На вторую или третью ночь, проснувшись до света и вслушиваясь в шум рощи, я заметил, что мои спутники тоже не спят и, видимо, так же прислушиваются к ночным звукам. Кто-то шепотом стал читать известные, кажется, с рождения строки: «Лес шумит...» В том лесу всегда стоял шум — ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов. Пальмы же над нами никак не подходили на столетние сосны с красными могучими стволами, стоящими хмурой ратью, да и шумела роща как-то визгливо, непохоже на тихую песню...

В другой раз шум ветра напомнил мне иной, надолго врезавшийся в сердце звук. Было это давно, на Плещеевом озере. Тогда среди московских рыболовов бытовало твердое мнение, что с 28 апреля независимо от погоды плотва несметными косяками заходит метать икру в речку Вексу, ту самую, по которой в половодье Петр I спустил два корабля построенного на Плещеевом озере потешного флота, провел их через Нерль и Волгу и положил начало Каспийской флотилии. К 28 апреля у села Усолье собиралось множество рыбаков. Но в тот раз клева не было, рыба не шла. Один из местных жителей предложил нам купить крупную щуку, добытую, как нетрудно было догадаться, на нерестилище острогой. Сварили уху, наелись свежей щучьей икры и устроились вздремнуть до вечерней зорьки на просохшем пригорке под сенью корабельных сосен. Сквозь дрему и невнятный шум крон я услышал вдруг еле различимый звук скрипки. Откуда взялась скрипка? Приподнявшись на локоть, оглядевшись и не обнаружив скрипача, я долго не мог понять, откуда идет этот высокий мелодичный звук:

на ровном ветру пела золотистая, нежная, еще не затвердевшая кожица сосны, у которой я притулился. Сколько лет прошло, сколько стран потом пришлось повидать и всяческих экзотических растений, и диких зверей, и заморских птиц, и звуков разных слышать, а вот запомнился на всю жизнь этот полдень на берегу Плещеева озера и этот звук, похожий на звук скрипки.

Почему вспомнилось об этом? Почему на берегу далекого озера Рудольф встают картины Байкала, Плещеева озера?.. Хоронили талантливого журналиста, умного, скромного и душевного человека, много лет проработавшего корреспондентом центральной газеты в западных странах. На гражданской панихиде, воздавая должное заслугам покойного, один из ораторов развивал мысль о том, что советские люди, работающие в капиталистических странах, за редким исключением достойно проходят через соблазны и искушения вещного изобилия и бытовых удобств буржуазного общества. Они в массе своей не подвержены рже приобретательства, а всегда руководствуются принципами социальной справедливости, превыше всего ценят наш, социалистический образ жизни.

Хорошие слова, верная в общем-то мысль. Но я, только что вернувшийся из заграничной командировки, тянувшейся двенадцать долгих лет, слушал и думал: боже мой, при чем соблазны и искушения? И чем — вещами, удобствами! Да знали бы, что самое трудное испытание, которое выпадает на долю русских людей, несущих службу вдали от родных берегов, — это каждодневная тоска по Родине. Какое бы видимое изобилие ни окружало тебя, какая бы красота ни открывалась взору — память постоянно возвращается в родные пределы, в подмосковные, во владимирские ли березняки и ельники, шуршит осенними листьями, скользит по первой пороше, кутается от зимней стужи и отогревается в кругу друзей, говорящих на твоём родном языке о близкой и неотделимой от тебя жизни дома, в России!

По-разному складываются судьбы людей, и всегда почти счастье и беда, радость и боль, надежда и разочарование, уверенность и сомнение сопровождают на жизненном пути мыслящую и страдающую личность в её поисках истины. Лишь у немногих, подобно вересаевскому фельдшеру, «истина жизни вся целиком, до последней буквочки находится в жилетном кармане». По своей ли вине, в силу ли стечения обстоятельств

человек иногда впадает в такое состояние, когда ему кажется, что все потеряно, что смысл жизни утрачен, и для него больше ничего не существует. Но даже и тогда, подводя «предварительный итог» или чувствуя приближение «последнего срока», настоящий человек, забывая нанесенные обиды, становясь выше уязвленного самолюбия, освобождаясь от тщеславия и суетности, находит в себе душевные силы, чтобы вслед за поэтом сказать: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла».

ВЫЖИВЕТ ЛИ ПЛЕМЯ ЭЛЬ-МОЛО?

В первое же утро в Лойянгалани мы познакомились с единственными постоянными обитателями восточного берега озера — людьми из племени эль-моло. Несколько стариков помахивают трубками из рыбьих позвонков на прибрежном песке, сплошь усеянном костями от самых мелких до метровых рыбьих хребтов и голов размером с доброе ведро. «Как мы будем разговаривать, вы знаете язык эль-моло?» — спрашиваю Джона. «Нет, конечно, но объясниться сумеем, эль-моло давно забыли свой язык и говорят на языке туркана и самбуру».

Нерадостна история этого самого маленького и самого бедного в Кении, а, возможно, и во всей Африке племени, неясно и его происхождение. Старики рассказывают, что люди эль-моло издавна живут на берегах озера. Это же подтверждается лингвистическими изысканиями и антропалеонтологическими исследованиями ученых. Венгерские исследователи Ш. Телеки и Л. Хенель писали о трех рыболовных общинах эль-моло: на юге у бухты Эль-Моло, у бухты Алиа и на северной оконечности озера, неподалеку от дельты реки Омо. Возможно, и А. К. Булатович видел рыбаков племени эль-моло. Говорят, что эль-моло в прошлом были скотоводами. В тяжелые времена, в период длительной засухи они поневоле занялись рыболовством, ставшим впоследствии основным средством их существования.

Считают, что в давние времена, кочуя со своими стадами с севера на юг, эль-моло первыми обосновались в Лойянгалани, где благодаря источнику, стекающему с горы Кулал, сохранилась растительность. Но в оазисе останавливались на время и более многочисленные воинственные племена кочевников. В стычках с ними мирные

эль-моло, не имевшие военной организации и не знавшие вождей и старшин, теряли людей и скот. В конце концов скота у них совсем не осталось, кочевать по пустынным просторам в поисках пастбищ стало не нужно. Эль-моло окончательно осели на восточном берегу озера Рудольф и на двух крошечных островках Эль-Моло. Единственным их занятием стала рыбная ловля, охота на крокодилов, черепах и бегемотов.

Ко времени завоевания Кенией независимости эль-моло оставалось всего 75 человек. Как выглядели эль-моло в давние времена, когда они обосновались на озере, походили ли внешне на своих соседей — высокорослых, хорошо сложенных, крепких самбуру и туркана? Нынешние эль-моло невысоки ростом, не могут похвастаться здоровьем: у стариков больные суставы, за редким исключением, у всех эль-моло плохие зубы, кровоточат десны, дети страдают рахитом. Здесь рано седеют, нам встречались седые десятилетние мальчишки. Вероятно, из-за однообразной пищи, без мяса и овощей, и озерной воды, которая содержит множество солей, а эль-моло вынуждены ее пить. Старики, с которыми беседует Джон Омоло, философски смотрят на жизнь. «Снова завести скот и воевать из-за пастбищ с борана, туркана, самбуру? Нет, на это у нас нет сил. Вот если бы вернулись времена, когда у нас был скот, послушный только нам!» — хитро сощурил глаза один из стариков.

В давние, давние времена эль-моло разводили бегемотов, крокодилов и черепах. Их держали в загонах в воде и каждое утро выводили на берег кормить, а по вечерам загоняли обратно. Свой «скот» эль-моло доили и резали на мясо, как коров и верблюдов. Однажды, когда мужчины ушли на рыбную ловлю, молодая женщина, набиравшая воду, уронила горшок в озеро. Подгоняемый ветром, он поплыл, и женщина попросила бегемотов, крокодилов и черепах поймать горшок и пригнать его к берегу. Животные поплыли за горшком, но не вернулись...

Легенды легендами, а жить как-то надо. «Хорошо бы иметь хоть немного коров и коз, чтобы разнообразить пищу детей», — приходят к выводу старики. «А так в «нашей воде» (так эль-моло называют озеро) много рыбы, и мы давно стали рыбаками. Сам бог Вак велел нам жить у озера», — согласно кивают головами старейшины племени.

Эль-моло, как, возможно, только бушмены из пустыни Калахари, живут в полном согласии с окружающей их дикой природой. Все, что им нужно для жизни — пищу, кров и немногие необходимые для жизни предметы, — они так или иначе добывают либо в водах озера, либо на его берегу. Эль-моло сооружают плоты из стволов пальмы дум, которые не гниют в щелочной воде озера. Три ствола диаметром 25—30 сантиметров и длиной от двух до трех метров связывают веревками. Гарпуны для ловли рыбы, охоты на крокодилов изготавливают так: к древку длиной от двух до трех метров веревкой прикрепляют зазубренное металлическое острие, а к рукоятке привязывают длинную веревку. Острие на гарпунах для охоты на бегемотов крепят более основательно — не бечевкой, а с помощью рога антилопы, просверленного насквозь раскаленным железным стержнем. Бечевка, которую эль-моло используют для плетения рыболовных сетей, циновок, изготавливается из крученого волокна листьев молодых пальмовых деревьев. Сначала листья вымачивают несколько дней в озере, затем складывают на песчаном берегу, а потом отделяют волокно, разбивая листья между двумя округлыми камнями. Из полученного таким образом волокна женщины и девушки делают бечевки и толстые нитки, скатывая их ладонью на бедре. Более прочная и толстая веревка для охоты на крокодилов, бегемотов и для связывания плотов готовится таким же способом из волокнистой коры корней акации. Сами корни служат материалом для древка гарпуна. Посуду женщины эль-моло лепят из вулканической глины, добываемой на островах; в качестве кастрюль и мисок используют также панцири черепах. В таких горшках эль-моло варят или тушат рыбу, мясо.

Как и охота, рыболовство — самый древний промысел. Сколько различных способов рыбной ловли существует на земле? Десятки, сотни? Эль-моло добывают рыбу самым трудным из трудных: гарпунами с прибрежных скал или с плотов. На плоту из пальмовых стволов, вооружившись гарпуном, рыбак выплывает в озеро, когда ветер стихнет и вода станет прозрачнее. Он плывет, зорко высматривая рыбу, плывет час, другой. Мы с Володиёвым сидим на берегу и терпеливо ждем, а солнце печет, хочется укрыться в тень. Вдруг рыбак поднимает гарпун и резко бросает его. Раздается победный клич. Древко с привязанной к нему длинной веревкой резко

уходит в воду. Плот опасно кренится, все ускоряя ход. Рыбак напрягает мускулы ног, рук, всего тела, чтобы удержаться на плоту и не выпустить веревки. Потом начинает постепенно выбирать веревку, снова отпускает, дергает. Борьба продолжается минут тридцать-сорок. Но вот рыба всплыла, охотник подтянул ее, привязал веревку к плоту и, работая шестом, как веслом, поплыл к берегу. Я попросил Володю сбегать и принести из моей рыбацкой сумки весы. Тем временем к берегу потянулись женщины, старики и ребятишки, вернулся и Володя с весами. Взглянув на рыбину, я ахнул и спрятал в карман весы. Нижняя отметка на весах равнялась 28 фунтам, пойманная же молодым эль-моло рыбина на глаз весила не менее 100! Великолепный экземпляр нильского окуня переливался всеми цветами побежалости.

Сгорая от зависти, на другой день после полудня, когда стих ветер, мы сами отправились на рыбалку на мыс, который порекомендовал Джозеф Полетт. От мысли ловить с плота пришлось отказаться: не только махать спиннингом, но и просто стоять на расползающихся под ногами стволах мы могли, лишь опираясь на все четыре конечности. А если на блесну попадет стофунтовый окунь? Справились у Полетта насчет крокодилов. «Можете смело заходить в воду, в этом месте крокодилов нет, всех давно перебили. Крупные экземпляры сохранились лишь на островах». На мыс нас проводил седой мальчишка эль-моло. Пробираясь меж камней, мы увидели на галечном пляже крокодила длиной метра в четыре, гревшегося на солнце. Мы даже не успели как следует заснять его, как, почуяв опасность, он поднялся на лапы, неуклюже спустился в воду и скрылся в глубине.

Небольшие блесны едва перелетали прибрежную отмель, и поклевки не было. Хорошо хотя бы по колено зайти в воду. А крокодил? Но что может остановить истинного рыболова! Блесна уходит за отмель, где чувствуется глубина. Вскоре я ощутил сильный удар, удище согнулось, и через несколько минут на берегу переваливалась солидная рыбина. Хотя добыча не шла ни в какое сравнение с экземпляром, пойманным накануне, теперь мои весы «сработали», зафиксировав 12 фунтов; запеченный в углях окунь обеспечил всю компанию отличным ужином.

На следующий день, когда, отыскав грузила, снова отправились рыбачить на косу, нам суждено было стать

свидетелями зрелища, которое, уверен, редко кому из европейцев довелось видеть. С десятков молодых мужчин эль-моло, вооруженных гарпунами и камнями, отрезав путь крокодилу, легкомысленно выползшему греться на старое место (крокодилы, как уверяют, всегда возвращаются по своему следу), протыкали его гарпунами, забрасывая камнями. Вокруг охотников, торжествующе вопя во все горло, носился седой мальчишка — наш вчерашний проводник: он, как можно было догадаться, и привел мужчин к пляжу, где мы накануне видели рептилию. Добив крокодила, от драгоценной шкуры которого остались одни клочья, охотники, подняв и взвалив на плечи добычу, пошли с песней в деревню.

Кажется, что на берегу озера Рудольф попадаешь в каменный век. В деревне эль-моло люди почти не знают одежды, живут в примитивных тростниковых хижинах, похожих на копны соломы, рыба кость заменяет женщинам иглу...

Каменный век! Но ведь эль-моло не живут изолированно от двадцатого века с его социальными и техническими революциями. Воины из племени боран, совершавшие набеги и отбивавшие скот у эль-моло, пользовались огнестрельным оружием. Рядом с плотами эль-моло на берегу стоит современный изящной обтекаемой формы ярко окрашенный бот, принадлежащий одному чиновнику из Найроби; раз в год чиновник на два-три дня прилетает ловить рыбу и охотиться на крокодилов; в остальное время бот бездействует. Вблизи сгоревшего кемпинга сохранилась взлетно-посадочная полоса, и сюда несколько раз прилетали на самолетах иностранные туристы. Эль-моло начинают смутно понимать, что, помимо их жизни среди дикой природы с ее суровыми законами, тяжелым трудом, изнурительными болезнями, но зато «полной свободы» делать что хочешь, плыть и идти куда хочешь, есть другая жизнь — удобная, веселая, обеспеченная. Сталкиваясь лишь с внешней стороной этой «другой жизни», догадываются ли эль-моло, что ей свойственны жестокие законы конкуренции, соперничества, неравенства, господства и богатства одних, подчинения, несвободы и нищеты других?

Беседуя со стариками эль-моло, мы спрашивали, часто ли им приходится видеть иностранцев и что они думают о самолетах, моторных лодках, автомобилях, электричестве. Старики долго не могли понять вопроса, потом

оживленно заговорили меж собой. Затем один из них сказал: «Каждому свое».

Меня эта фраза потрясла потому, что я на всю жизнь запомнил прочитанное тридцать пять лет назад на воротах гитлеровского лагеря смерти в Бухенвальде изречение: «Каждому свое». Создатели фашистских концлагерей хорошо понимали, что смирение убивает надежду...

Одно время многие не сомневались, что крохотное племя обречено на вымирание: истощенные, страдающие от постоянного недоедания и однообразия пищи женщины оказывались слишком слабыми, чтобы рожать и кормить детей, а девушки из других племен — самбуру и туркана — не желали идти замуж за юношей эль-моло — по их мнению, эль-моло жалкие бедняки. Постепенно, однако, сначала за выкуп, а потом и по любви невесты из соседних многочисленных и жизнеспособных племен стали вступать в брак с молодыми рыбаками эль-моло. Смешанных браков стало больше, когда туркана и самбуру также стали промышлять рыбной ловлей и смогли оценить искусство, бесстрашие и трудолюбие эль-моло.

В начале 1980 года путешествие вокруг озера Рудольф совершил мой старый кенийский знакомый журналист Мухамед Амин. Побывал он и у рыбаков эль-моло. Они по-прежнему успешно ловят рыбу, и не только гарпунами, но и сетями с лодок. Крокодилы в районе Лойянгалани стали большой редкостью, и, когда людям эль-моло уж очень надоедает рыбный стол, они совершают экспедиции за 80 километров к северу от Нгуфа, Юро, Кары и Мойте; в этих необитаемых местах крокодилы по-прежнему спокойно греются на песчаных пляжах или в мутных лагунах. К северу от Мойте сохранились и бегемоты, но они стали много осторожнее, и охотятся на них по ночам на мелководье, куда они приходят пастись. У женщин эль-моло появились алюминиевые кастрюли, в них, кроме обычных рыбных блюд, варят кукурузную кашу. Алюминиевую посуду, кукурузную муку и сухое молоко эль-моло покупают в фактории в Лойянгалани. Рыбу продают рыболовецкому кооперативу на западном берегу озера Рудольф.

Нейлоновые сети, алюминиевая посуда и пищевые концентраты, которые появились у эль-моло за последние пять-шесть лет, — достаточно ли этого для возрож-

дения племени охотников Нефритового озера? Как знать! Во всяком случае, эти люди сделали первый робкий шаг в двадцатый век.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ОСТРОВА ЮЖНЫЙ

У мисс Элисс, старенькой учительницы музыки из маленького американского городка, был в Бирме «дорогой, милый друг» — миссионерша, о которой она не могла говорить без умиления. Как-то в религиозном обществе (мисс Элисс была рьяной его активисткой) выступал кенийский писатель, разъяснивший почтенным дамам, что религиозные миссии способствовали колониализму и империалистической эксплуатации Африканского континента. Лицо мисс Элисс посерело под слоем пудры и румян, прижимая маленькие пятнистые ручки к груди, вне себя от растерянности и негодования — вот неблагодарное животное, просто скотина, да еще, наверное, коммунист! — она поведала кенийцу о своем «дорогом, милом друге». Писатель с пониманием и учтивостью пояснил: миссионеры — подвижники, но из-за них Африка пошла исторически неверным путем.

Если бы Джозеф Полетт услышал подобный диалог, он скорее всего философски бы улыбнулся и погладил густую бороду. Чего только не насмотрелся и не наслушался он за долгие годы работы в северных районах Кении! Угощая нас ароматным арбузом, выращенным собственными руками, он с веселой иронией рассказывал, какой переполох в многолюдной эльзасской шахтерской семье вызвало его решение стать миссионером. Мать и братья, работавшие в угольной шахте, считали дело, выбранное Джозефом, несостоящим, пустым, разве что легким по сравнению с их тяжелым и рискованным трудом: отец и один из братьев Полетта погибли от взрыва рудничного газа. «Поверьте, постоянно жить здесь не легче, чем работать в угольной шахте, и я не раз рисковал жизнью, пробираясь дикими тропами, чтобы оказать медицинскую помощь семьям кочевников: вполне мог попасть в лапы льва или нарваться на отравленную стрелу». Познакомившись с Полеттом, мы при всем понимании механизма колонизации Африки, никак не могли применить к нему классическую схему «миссионер — торговец — солдат-колонизатор». Живой, подвижный, с руками мастерового, Джозеф Полетт никак не походил на святошу.

Он занимательно рассказывает о здешних местах, нравах и обычаях племен, живущих у озера и в его окрестностях; составляет библиографию об озере, и у него накопилось порядочно легенд и подлинных историй. Любопытны истории об острове Южном, который туркана называют Энвактенет, то есть «Остров, откуда не возвращаются». Этот остров длиною в шестнадцать километров находится в двадцати километрах от берега.

Эль-моло рассказывают, что в незапамятные времена молодая женщина, готовившаяся стать матерью, пасла коз у южного берега озера и от скуки бросала камешки в ручей, втекавший в озеро. Когда же она бросила в воду камень какой-то особой формы и цвета, устье ручья разверзлось и из него хлынули бурлящие потоки воды, затопляя все и вся. Женщина вместе с козами убежала в горы, которые скоро оказались со всех сторон окруженными водой. На этом острове женщина родила двух близнецов, а их потомки заселили со временем весь остров. Но однажды все люди на острове исчезли, остался лишь злой дух в облике ужасного козла, пожирающего всякого, кто отважится высадиться на остров.

По другой легенде эль-моло, одна их семья, не поладив с соплеменниками, ушла в горы и зажила там уединенной жизнью. Однажды ночью особенно сильно гремел гром, сверкали молнии и бушевал ливень, а утром люди увидели, что их гора со всех сторон окружена водой. Ни плотов, ни лодок у них не было, они не могли перебраться на материк и в конце концов вымерли: выжили на острове одни козы.

По легендам туркана, считающим остров Южный окаменевшим телом их богини плодородия, всякий, кто отважится поселиться на нем, исчезает потому, что их богиня весьма любвеобильна и забирает всех мужчин и юношей, а с ними исчезают в подземных ее владениях их жены, матери и сестры.

Ныне туркана известны не только своими легендами. Путешествуя по западному берегу озера Рудольф, недалеко от дороги из Лодвара в Локванканголо мы увидели холм с невысокими каменными колоннами, которые почти не выделялись на фоне других скал. Столбы напоминали ритуальные сооружения туркана, призванные «задобрить злых духов». Но некоторые ученые, исследовавшие 12 базальтовых колонн на холме Намуратунга,

склонны считать их остатками одной из древнейших обсерваторий.

Но самое удивительное, что известные факты последних десятилетий в какой-то мере подтверждают мрачные легенды.

В 1934 году на озере работала экспедиция Вивиана Фукса. На остров Южный на каноэ отправились опытные геологи, англичане Мартин Шэфл и Бил Дайсон, захватив запас продовольствия на десять дней. Через пятнадцать дней Фукс серьезно забеспокоился. Он отправился в Марсабит, чтобы вызвать самолет. Летчик в течение двух дней летал над маленьким островком, но никого, кроме нескольких коз, не обнаружил. Тогда Фукс мобилизовал все имевшиеся на побережье плоты и лодки, нанял несколько десятков туркана и самбуру, которые обшарили на острове каждый грот, каждую расщелину, но никаких следов геологов не нашли. Мартина и Била никто никогда больше не видел.

Спустя несколько лет, прельстившись обилием рыбы и спасаясь от нападений соседних племен, на острове Южном обосновалось несколько семей эль-моло. Много раз они приезжали на материк, чтобы повидаться с родственниками. Но через какое-то время приезжать перестали, а по вечерам не стало видно и отблесков костров. На острове нашли лишь хижины, вещи, следы костров, но люди, а их было около тридцати человек, исчезли.

Исчезновение Мартина и Била Джозеф объясняет вполне правдоподобно: у них кончились продукты, и, пытаясь вернуться в Лойянгалани, они попали в шторм и утонули. Нужно видеть, как спокойное озеро может в считанные минуты превратиться в бешеный поток. Когда задует сирата сабук, на озере поднимаются волны, как в Северном море, высотой в 6—7 метров. Что же касается исчезновения семей эль-моло, то здесь фантазия Джозефа явно берет верх над здравым смыслом: по его словам, люди в панике бросались в озеро, когда остров якобы бомбили во время итало-абиссинской войны, или же их захватил десант с подводной лодки, каким-то чудом появившейся в водах озера Рудольф во время той же войны.

Так или иначе, но за островом прочно сохраняется дурная слава, и, несмотря на обилие рыбы и крокодилов у его берегов, охотников поселиться на нем не находится.

Вернувшись с озера Рудольф, я спросил Джой Адамсон, что она думает о мрачных легендах и трагических былях острова Южный. Джой, как всегда, когда что-то ее интересовывало, необычайно оживилась и сказала, что она тоже слышала много легенд об этом острове, а поездка туда навсегда ей запомнилась, хотя с тех пор прошло много лет.

— Я объездила Кению вдоль и поперек, пересекала на автомашине Сахару, — говорила Джой, — бывала в самых диких местах, много раз оказывалась в исключительно трудных положениях, спасалась от наводнений, лесных пожаров, много раз лицом к лицу сталкивалась с хищными зверями, попадала в автомобильные катастрофы. Я не трусиха, и даже Джордж, который вообще не знает чувства страха, говорит, что я редко теряю присутствие духа. Но на острове Южном непривычное чувство страха просто сковало меня и не отпускало все дни, пока мы там находились.

Джой и Джордж Адамсон переправились на остров на плоскодонке с подвесным мотором, рассчитывая пробыть на нем два-три дня. Но прошли эти дни, провизия у них была на исходе, а от лазанья по скалам обувь разваливалась, одежда порвалась. Несколько попыток спустить лодку на воду и плыть на берег неизменно кончались неудачей: стихавший на какие-то минуты ветер дул с новой силой и поднимал такие волны, что, разбиваясь о скалы, они выбрасывали брызги высотой в десятки метров. Лишь на восьмой день ветер утих, и супруги благополучно вернулись в Лойянгалани. Здесь они узнали, что ожидавшие на берегу начали терять надежду на их благополучное возвращение, а полицейский комиссар из Исиоло «на всякий случай» резервировал две могилы на кладбище в городе Ньери. Джой даже не особенно этому удивилась: она признавалась, что в самый последний момент перед отплытием на остров, притаившись за камнем, она написала завещание, которое отдала шоферу, а на самом острове оставила один экземпляр своего дневника в надежде, что он может пригодиться будущим исследователям, если с ними случится несчастье.

Адамсоны считают, что они обнаружили на острове следы двух геологов из экспедиции Вивиана Фукса: у вершины одного из кратеров нашли пирамиду из камней — такие пирамиды путешественники обычно складывают в труднодоступных местах; в другом месте под

грудой камней Джордж обнаружил пустую бутылку из-под виски и несколько ржавых банок из-под сардин; в широкой бухте с отлогим берегом на прежнем уровне озера (на несколько метров выше нынешнего) Адамсоны увидели среди других обломков круглый резервуар для бензина. Они не сомневались, что это обломки разбившейся лодки Дайсона и Шэфла; было известно, что геологи, чтобы придать лодке большую устойчивость, использовали два таких бензобака. Становилось очевидным, что члены экспедиции Фукса, решив покинуть остров, попали в шторм и утонули, а перевернувшуюся лодку волны выбросили обратно на остров.

Деревню эль-моло, из которой, по рассказу Джозефа Полетта, люди исчезли, оставив все пожитки, «как бы отлучившись на час-другой», Адамсоны на острове не видели, хотя в двух местах Джой нашла черепки гончарных изделий, покрытых орнаментом. Но прошло ведь двадцать лет! Нехитрые хижины рыболовов могли разметать ветры, смыть дожди, затопить потоки лавы. Зато коз Джой и Джордж видели несколько раз; несмотря на недостаток растительности на острове, козы казались вполне упитанными. Козы щипали сухую траву на самом берегу, нисколько не опасаясь крокодилов, принимавших на гальке воздушные ванны. Адамсоны насчитали до 200 голов этих четвероногих обитателей острова. Они полагают, что козы попали на остров с плотами эль-моло.

Сам я побывал на острове в следующем году, когда ездил на западный берег озера Рудольф. Местечко Иляй Спрингс, где находится Клуб рыболовов, расположено несколько севернее острова Южный. На вполне надежном катере с мотором в 150 лошадиных сил мы ловили «на дорожку» нильского окуня, двигаясь в южном направлении. Озеро было на редкость спокойным, поклевки случались редко; в поисках рыбы мы довольно часто делали на полных оборотах рывки в несколько десятков километров и далеко ушли от базы. Мы уже хотели поворачивать обратно, когда я рассмотрел в бинокль полосу суши. Спросил моториста и гарпунера, молодого рослого туркана Оксйя, что это за берег. «Не иначе, как Южный остров. Как далеко мы заплыли! Надо возвращаться, скоро начнет темнеть». Я стал настойчиво упрощивать моториста «хоть на полчаса» заглянуть на остров, дескать, много о нем слышал и обидно не воспользоваться таким случаем, если уж до острова ру-

кой подать. Окойя очень не хотелось подплывать к острову, он смотрел на часы, на небо, ссылаясь на то, что ему может попасть от хозяина Клуба. «Хозяина я беру на себя, черная икра и русская водка наверняка придутся ему по вкусу и смягчат его суровое сердце», — заявил я уверенно, потому что накануне стал невольным свидетелем «заседания» правления Клуба, которое проходило на пляже под тростниковым «грибком». Пятеро белых джентльменов — хлебных королей с Нагорья — устроили такое шумное застолье, какого мне не приходилось видеть в среде в общем-то сдержанных и воспитанных англичан.

Упоминание об икре не произвело на Окойя никакого впечатления, зато слово «водка» вызвало понимающую улыбку. В конце концов, прибавив скорость, он направил лодку к берегу. Мы подошли сначала к северной оконечности острова. Здесь скалы из желтоватого туфа, сплошь покрытые черной лавой, отвесно уходили в воду. Обогнув их и двигаясь вдоль западного берега, спугнув несколько крокодилов, соскользнувших в воду, мы обнаружили песчаный пляж, удобный для высадки.

Я поднялся на пологий холм, шагая по каким-то розовым раковинам, змеиным выползкам — ороговевшим кускам змеиной кожи, сброшенной во время линьки, по скорлупе крокодильих яиц. Вершина холма была покрыта редким кустарником и какой-то ползучей растительностью, а на самой маковке росло одинокое ладанное дерево, от которого я отковырнул на память кусочек пахучей смолы. Окойя торопил, и мне оставалось лишь осмотреть окрестности в бинокль. Мягкие очертания холмов, разрезанных глубокими трещинами, нагромождения каменных глыб, на востоке цепочка угрюмых кратеров, покрытых красной лавой. Ничто не одушевляло безжизненного, сурового и величественного пейзажа. Меня вдруг охватило щемящее чувство одиночества...

Современная цивилизация чаще всего оказывается не в ладу с нетронутой природой. Не всегда мы знаем и что лучше: может быть, геологи обнаружат на острове Южном полесные ископаемые, и на одиноком острове появятся карьеры, рудники, поселки, придет жизнь, а может быть, на нем все останется, как есть, и современные робинзоны, не убоявшись штормов, будут приплывать сюда на несколько дней, чтобы побыть в полном одиночестве, вдыхать безмолвие.

КРОКОДИЛЫ ПРОСЯТ ПОЩАДЫ

Если об острове Южном еще можно гадать, будут ли там когда-нибудь жить люди, то об острове Центральном — вулканической глыбе высотой около 200 метров и площадью в 22 квадратных километра — с полной определенностью можно сказать, что его следовало бы вернуть крокодилам. Если, конечно, еще не поздно...

Метров за пятьсот до острова наш проводник выключил мотор и перешел на весла. Осторожно причалив к отлогому берегу, он прижал палец к губам, призывая соблюдать тишину, а затем, пригибаясь и скрадывая шаг, повел нас по едва приметному следу вверх по береговому склону. Вскоре след перешел в тропу. Наконец Ойя остановился, опустил на корточки, скупым жестом предложил нам последовать его примеру и замер. Метрах в двадцати впереди неожиданно открылось небольшое, округлой формы озеро в зеленых, заросших папирусом и раскидистыми кустами берегах. Озеро посреди не озера! Противоположный берег отвесной скалой уходил в воду; на ее вершине на высоких высохших деревьях в философском оцепенении сидели десятки марабу. Ближе к нам ровный отлогий берег, покрытый удивительно зеленой для этих пустынных мест травой, походил на уютный бережок какого-либо среднерусского прудика, облюбованного домашними утками и гусями. Но заселен этот веселый, прогретый солнцем уютный лужок был иной живностью.

Следя за Ойя, мы насчитали с полтора десятка крупных — до четырех метров в длину — нильских крокодилов, гревшихся на солнце; гигантские рептилии с темно-зелеными спинами в мелких черных пятнах и грязно-желтыми животами почти сливались с травой, но различить и пересчитать их не составляло труда — почти все лежали, широко раскрыв огромные пасти, словно бы похваляясь друг перед другом своими мощными зубами. На самом деле крокодилы «потели»: ученые утверждают, что раскрытая пасть — это своего рода терморегуляция организма рептилий, у которых отсутствуют потовые железы. Среди молчаливых страшилищ беспечно сновали птицы, похожие на чибисов. Особенно оживлялись пернатые, когда из воды на берег выходил новый крокодил: вся птичья орава тотчас же перелетала на его мокрую спину и всюю начинала работать клювами, поглощая

свежую порцию моллюсков и паразитов. Однако не все крокодилы принимали воздушные ванны; вдоль берега тут и там бороздили воду крупные рептилии, и можно было заметить некую систему в их передвижениях: доплывут до какой-то невидимой границы — поворачивают обратно.

Шепотом спрашиваем у Ойя, что делают крокодилы в воде. Ойя шепотом же объясняет, что это хозяева пляжей патрулируют свои участки, охраняют их от чужаков.

Убедившись, что мы вдоволь насмотрелись на диковинных обитателей острова, Ойя хлопнул в ладоши и встал. Крокодилы с неожиданной резвостью один за другим соскользнули в воду и скрылись в глубине. А мы не без опаски вышли на освободившийся берег. Вскоре на середине озера то здесь, то там появились круги и буруны от всплывших к самой поверхности животных. Выставив из воды глаза и ноздри, крокодилы спокойно лежали или неторопливо плыли, едва шевеля могучими хвостами. Лишь правее нас, на кромке мелкой, заросшей травой лагуны, из которой доносилось какое-то кваканье и хрюканье, одно животное не ушло в глубину, а, повернувшись в нашу сторону, приняло настороженную позу. Ойя объяснил, что самка крокодила сторожит потомство, подрастающее в лагуне. Постепенно освоившись с нашим присутствием, мамаша обратила внимание на шнырявших вокруг нее темного цвета крокодильчиков с непомерно большими головами — ни дать ни взять головастики. Крокодилиха двинулась к дальнему берегу лагуны, увлекая за собой потомство. Точь-в-точь утка со своими утятами!

Такую картину на острове Центральном я наблюдал восемь лет назад, во время третьей своей поездки на озеро Рудольф. А пятнадцать лет назад биолог М. Л. Модха, проживший на острове восемь месяцев, насчитал здесь 500 больших крокодилов! В 1980 году Мухамед Амин видел уже иную картину: «В течение целого дня мы ходили по берегам всех трех озер острова, образовавшихся в кратерах вулканов, а также объехали его на лодке. За все это время только однажды видели взрослого крокодила, который моментально исчез, небольшого крокодила длиной 4 фута на берегу и, наконец, скелет новорожденного крокодильчика. И это все».

Что же случилось с крокодилами? Ведь они считаются наиболее высокоорганизованными из всех ныне

живущих пресмыкающихся, они благодаря удивительной приспособляемости к условиям окружающей среды на целых шестьдесят миллионов лет пережили ближайших родичей — архозавров.

У крокодилов в пресных или солоноватых водах, в которых они живут, практически нет врагов. На суше тоже. Разве что, когда перебираются из одного водоема в другой и потревожат слонов, те могут затоптать рептилию или лев с голоду прельстится крокодильим мясом. Сами же крокодилы питаются не только рыбой, пресмыкающимися, птицами — взрослые нильские крокодилы едят все, что подвернется: коз, собак, антилоп. У них достаточно силы и зубов, чтобы перекусить человека пополам и проглотить его в два приема! В Африке от крокодилов погибает больше людей, особенно детей и женщин, чем от всех наземных хищников, вместе взятых, включая львов и леопардов. Да что человек! Крупные нильские крокодилы нападают на таких гигантов животного мира, как буйволы и носороги. Но это в воде. На суше крокодилы чувствуют себя неуютно, они неуклюжи и медлительны. Лишь молодые крокодилы могут бежать со скоростью до десяти километров в час. Поэтому для человека на суше крокодилы, в сущности, не представляют опасности, к тому же они не вытаптывают поля, как слоны, не нападают на стада, как львы и другие хищники. И все же именно человек истребил крокодилов на острове Центральном. Точнее — бездумная и алчная деятельность человека.

У подавляющего большинства европейцев крокодилы ассоциируются с дорогими, модными дамскими сумками, туфлями, портфелями из крокодиловой кожи. Мода дорого обходится древнейшим животным. Несмотря на почти повсеместный запрет или строго лимитированную охоту на крокодилов, их бьют тысячами и тысячами. Одиночки браконьеры и организованные банды контрабандистов нанесли непоправимый урон и крокодильему царству на озере Рудольф. Однако, как это ни парадоксально, самая многочисленная популяция нильских крокодилов на острове Центральном больше всего пострадала не от вооруженных хищников-браконьеров, для которых здешние условия, где жара достигает 36—42 градусов, кажутся непомерно суровыми и плавание на пирогах по бурному озеру слишком рискованным, а от вполне мирных и практически безоружных рыболовов-туркана.

Чтобы понять это, вернемся в Калоколо — один из поселков племени туркана с отелем для туристов и рыбоперерабатывающим заводом. Калоколо — единственное место на всем побережье озера, где обосновался XX век. Именно здесь свыше трех тысяч кенийских рыбаков с помощью норвежских специалистов наладили промышленный лов и переработку рыбы.

Прежде чем скрыться за крепкими каменными стенами пропахшего рыбой Калоколо, путешественник в изумлении и восхищении задержится на берегах залива Фергюсона, где на отмелях плещутся и ныряют несметные стаи диких уток. Невольно вспоминаешь Давида Ливингстона, который писал, что песчаные отмели реки Замбези кажутся совершенно белыми от пеликанов, а другие отмели — сплошь коричневыми от уток. «Одним выстрелом мне удалось убить четырнадцать штук», — замсчает путешественник. Но одно дело — увидеть такое почти полтора столетия назад, а другое — в наши дни! С тех пор как много тысячелетий тому назад утки изменили свой оседлый образ жизни, у них в процессе эволюции выработался некий передающийся по наследству механизм, который предупреждает об опасности и определяет пути их миграции.

Озеро Рудольф и его заливы, по всей видимости, пользуются их доверием, поскольку ежегодно, по подсчетам орнитологов, сюда прилетает до 300 тысяч уток. Только ли тепло и обилие корма привлекают их? Возможно, какую-то роль играет и то, что в этих местах, где люди нередко голодают, утки не представляют для них ни кулинарного интереса, ни спортивного. Зато полный опасности перелет можно сравнить, пожалуй, лишь с полетом камикадзе. На всем пути с севера на юг Европы, вдоль Альп и через Средиземное море уткам приходится лететь под прицелами самых современных ружей многих легионов охотников-гурманов и браконьеров-хищников, открывающих такую стрельбу, словно в Европе началась новая война. Но те утки, которым удастся преодолеть эту зону огня, в полную меру наслаждаются птичьим раем в заливе Фергюсона.

Дикие утки не единственные европейские птицы, избравшие озеро Рудольф для зимовки. Здесь встречаются золотистые ржанки, черноголовые трясогузки, много куликов и чаек, численность которых в последние годы заметно увеличилась. Что привлекает их? «Чайки чуют пищу за десять тысяч миль», — шутит орнитолог Б. Ме-

доуз, занимавшийся изучением птичьих колоний на озере.

Отмечают ли ученые «интеллектуальный рост» представителей пернатого мира? С одной стороны, перелетные птицы вроде бы не поумнели. Иначе почему бы им, избавившись от доверчивости, не научиться облетать стороной места, несущие им смерть? А с другой... Взять хотя бы ворону. Ну, известная воровка, где что плохо лежит, она своего шанса не упустит. Но ведь какой изощренности достигла, какими навыками овладела! Сидит рыболов на зимнем подмосковном водоеме, потаскивает ершишек, плотвичек, окуньков и бросает на снег у лунки. Никого вроде вокруг нет. Рыбак отошел метров за десять-пятнадцать к другой лунке. Откуда ни возьмись налетели вороны, и не успел рыбак ахнуть, как половина улова исчезла, причем выбрано что покрупнее. Оказывается, каналы сидели на прибрежных деревьях и терпеливо следили за действиями рыболова, ждали момента, когда он отойдет. Но это еще не самое удивительное. У моего приятеля, отошедшего на два десятка метров от своих вещей, вороны развязали рюкзак, вытащили из него целлофановый мешок, в котором хранился завтрак, расклевали упаковку и утащили увесистый кусок сала. Суметь развязать рюкзак, согласитесь, это уже навык высокого класса! Сам я наблюдал, как ворона пыталась открыть оставленную на берегу около удилиц деревянную коробку с мотылем. Все попытки открыть коробку с помощью клюва и лап не увенчались успехом. Тогда ворона схватила коробку лапами, взлетела в воздух метров на десять, а потом выпустила ее. От удара о землю она раскрылась, и ворона склевала мотыля.

Но вернемся к «нашим крокодилам»...

Туркана с западного берега озера Рудольф испокон веков занимались скотоводством, а к рыбной ловле прибегали лишь во время сильных засух, когда гибли стада. Мне не раз приходилось с изумлением наблюдать, как туркана ловят рыбу почти руками. Круглая конусообразная корзина диаметром побольше метра и высотой около метра состоит из нижнего обода, нескольких сходящихся вверху дуг, оплетенных грубой бечевой, образующей крупные ячей, в которые свободно проходит рука.

Полтора-два десятка обнаженных мужчин (у многих в волосах яркие перышки), облюбовав мелководный за-

*Вольное дитя
пустынных
берегов.
Мальчик
из племени
эль-моло.*

*На озере Рудольф
еще можно
поймать рыбу
«дедовским
способом» —
примитивными
вершами.*

*Рифт Велли —
часть великого
Афро-Аравийского
разлома земной
поверхности.*

*Десятки видов
птиц гнездятся на
озере Накуру.*

*На лицах этих
африканцев —
добродушие и
веселость.*

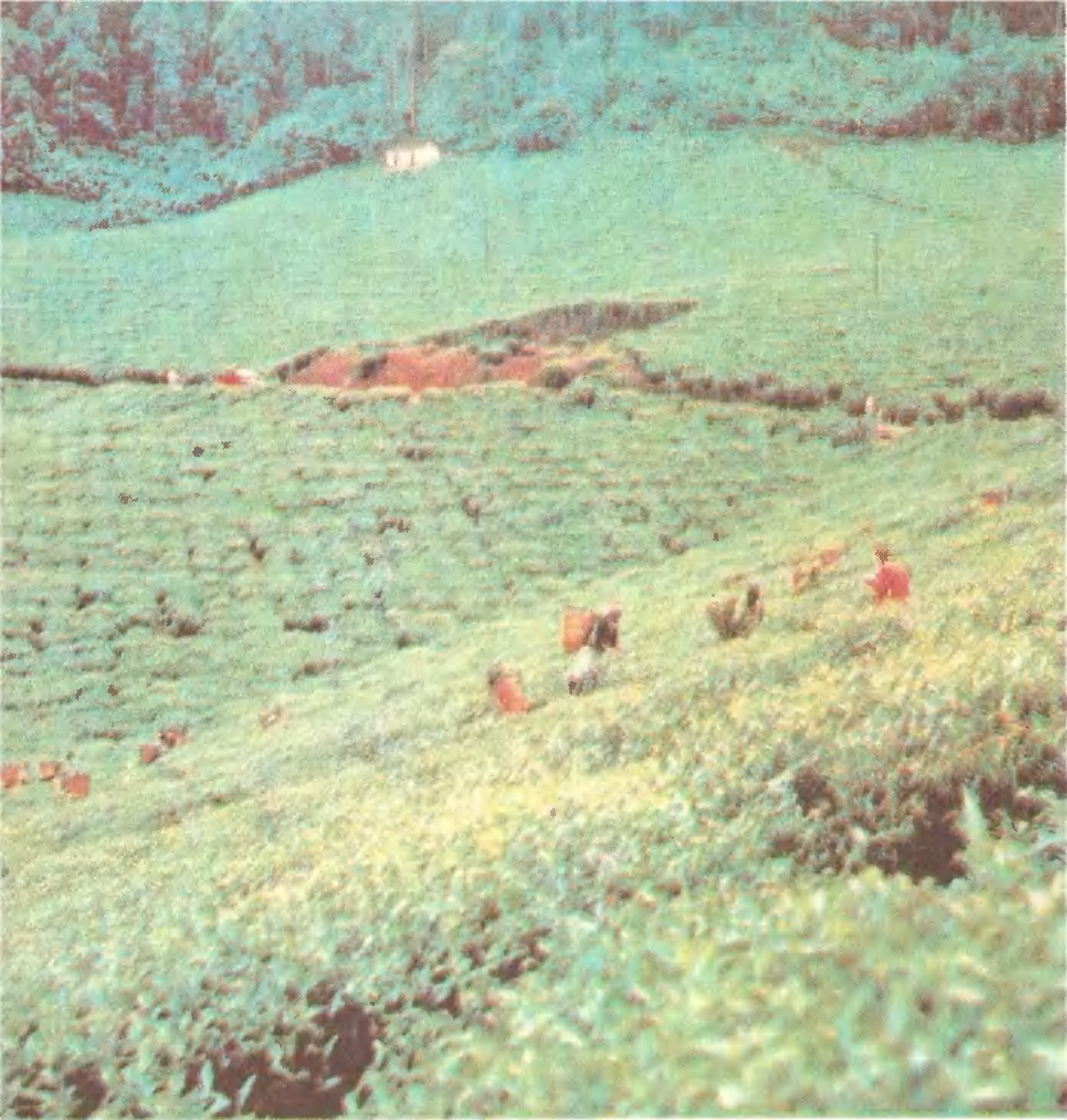

*В таких хижинах живут
масаи — скотоводы-кочевники.*

*Кения занимает первое место
в мире по производству
перетрума. Сбор цветков.*

*Чай — вторая
экспортная
культура Кении.
Чайная плантация
в районе Керичо.*

*Завтрак в пути
под сенью
зонтиковых акаций.*

*Улочка в городке
Исиоло.*

*Рыбаки озера Баринго
не жалуются на уловы.
Их легкие лодки бывают
до краев наполнены
рыбой.*

Заросли папируса.

*Молодые воины-масаи
помогают
друг другу делать
прическу.*

*«Поющие» дюны
на острове Ламу.*

*Пусть никого не обманут
яркие краски этого
ландшафта.
Так начинается
эрозия почвы.*

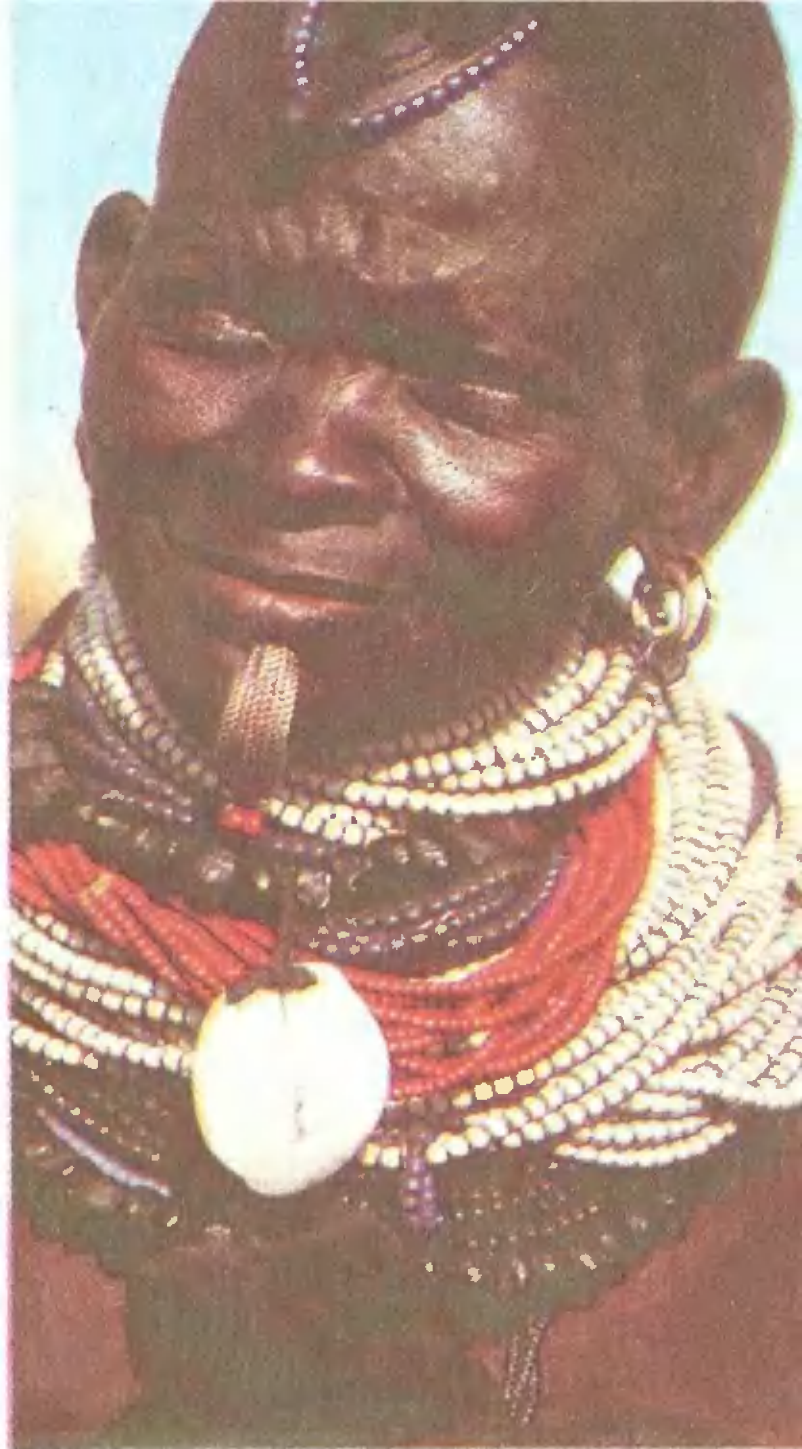

*Вечными снегами покрыты
вершины
горы Кения.*

*Украшения не только
привилегия женщин.
Мужчина из племени
туркана доволен своим видом.*

*Мальчишки везде мальчишки —
любопытны и общительны.*

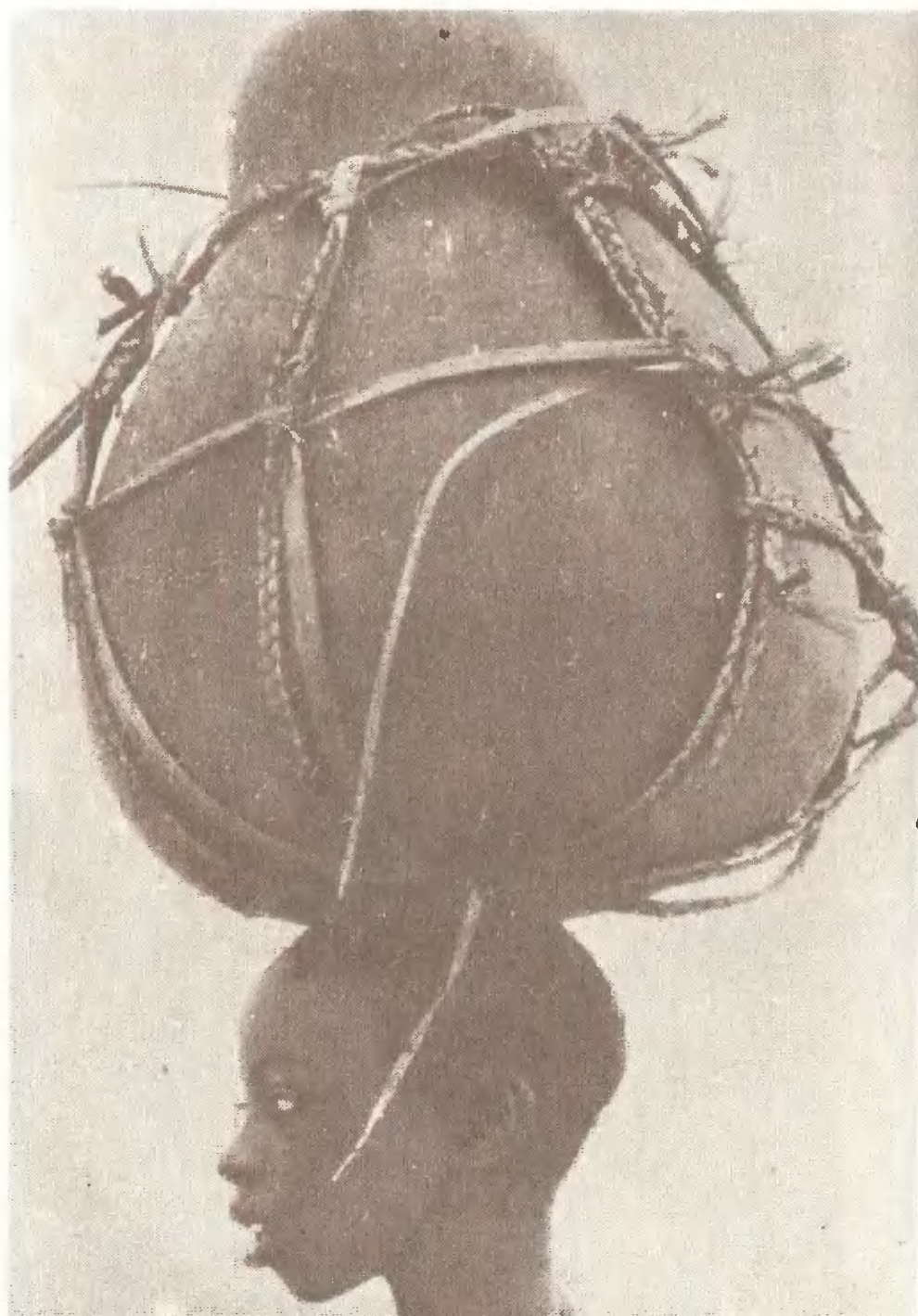
*Последняя тень на краю
выжженной солнцем пустыни.*

*Караван верблюдов
возвращается с озера Рудольф
с недельным запасом воды.*

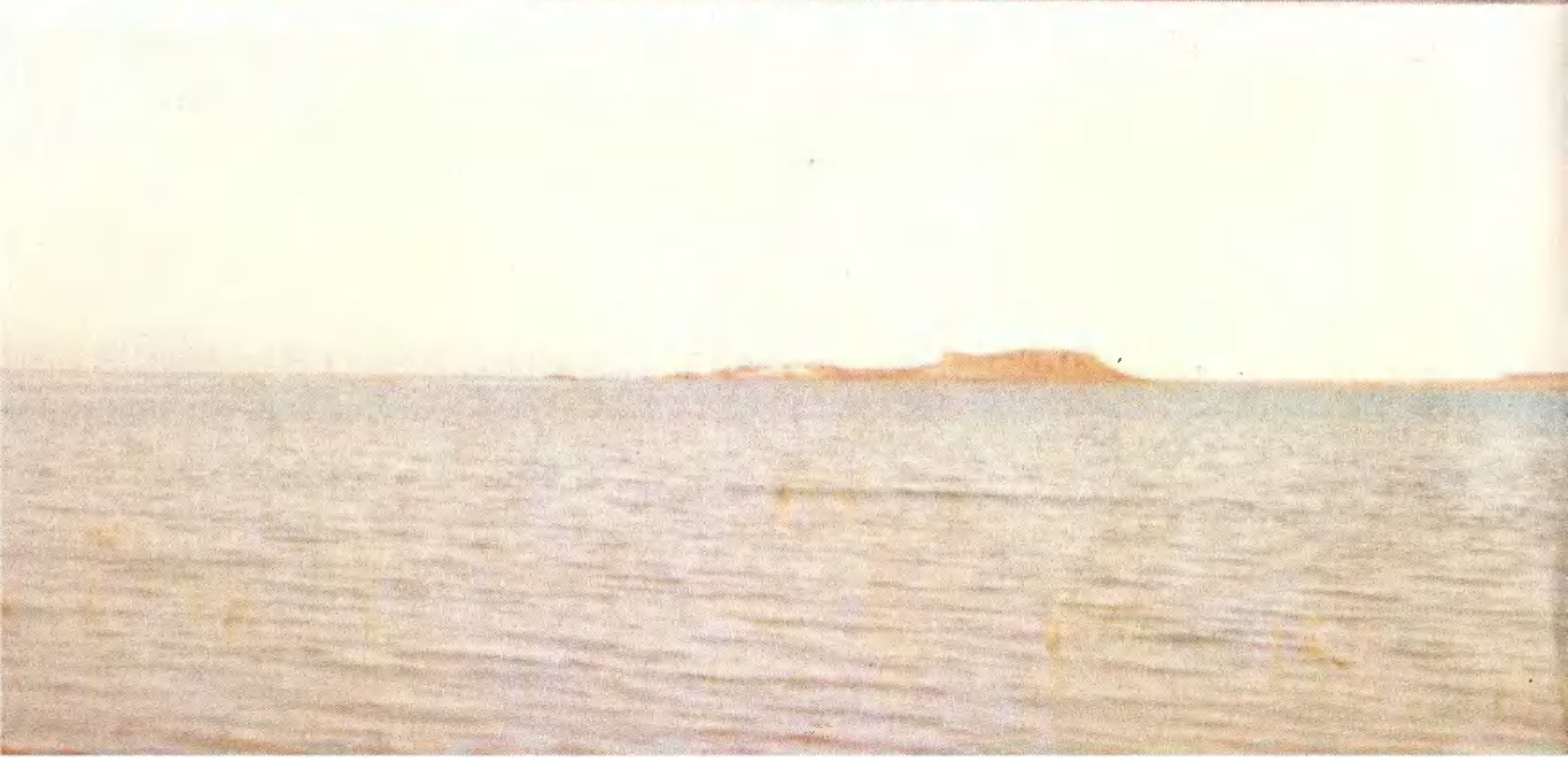
*Берега озера Рудольф
покрыты черной лавой,
сверкающей как антрацит.*

*Женщины из племени
самбуру.*

*Девочка несет кибую —
сосуд с водой из высушенной
гигантской тыквы.*

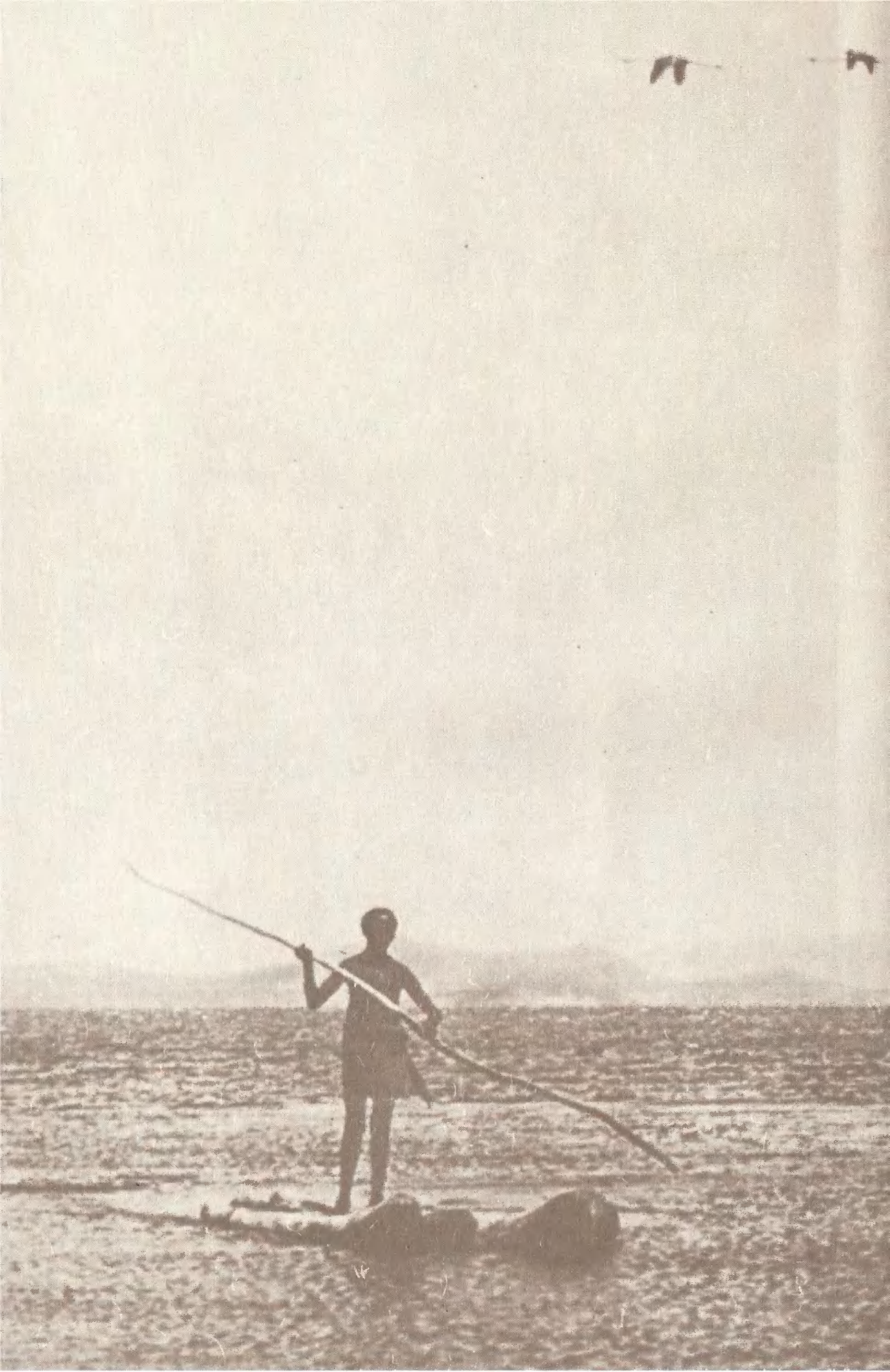
*В таких хижинах,
напоминающих
копны соломы,
живут люди из
племени эль-моло.*

*Женищины из
племени эль-моло.*

*Озеро Рудольф,
воды которого
похожи на зеленый
суп, называют еще
и Нефритовым
морем.*

*Столица Кении
Найроби — вполне
современный город.*

*На плоту из
стволов пальмы
рыбак эль-моло
плывет по озеру,
высматривает
добычу, которую
можно взять
гарпуном.*

*В рыболовном
клубе взвешивают
мой «рекордный»
улов.*

*Под жарким
солнцем рыба
быстро сохнет.
Сушеную рыбу
кенийцы
экспортируют в
соседние страны.*

После церемонии посвящения в воины мать сбивает юноше волосы.

Эта девочка из племени боран считается «божественным ребенком»: она первой родилась в семье колдуна.

Луис Лики с сыном Ричардом рассматривают палеонтологические находки в лагере Кооби Фор на восточном берегу озера Рудольф.

лив, одновременно заходят в него, выстраиваются в шеренгу и идут, взбалтывая ногами воду, пугая рыбу криками, загоняя ее к берегу. Ошалевшая рыба мечется из стороны в сторону, выбрасывается на поверхность. Тут-то рыбак, держа вершу за одну из дуг, накрывает рыбину, прижимает снасть ко дну, а затем, просунув руку в ячею, нащупывает добычу, вытаскивает из корзины и сажает на веревочный кукан. По мере приближения к берегу темп ловли и азарт нарастают, кто-то, «промазав», досадует, кто-то, бросившись за убегающей рыбой, поскользнулся и упал в воду, вызывая общий смех, а двое, погнавшись за одной добычей, сталкиваются лбами и наскоро «выясняют отношения». Шум, гам, смех, брызги во все стороны. В радуге водяной пыли блестящие под ослепительным солнцем крепкие мускулистые тела, поднимаясь в полный рост, нагибаясь и приседая, ускоряя и замедляя движения, устремляясь вперед и поворачивая вспять, кажутся участниками какого-то древнего колдовского ритуала.

Но вот ловцы достигли берега, похвастались друг перед другом уловом — в основном это тилапия весом в килограмм и более, — водрузили верши на головы и, помахивая куканами, неторопливой вереницей двинулись к другой лагуне. До наступления темноты есть еще время сделать один-два захода и обеспечить семью не очень-то любимой, но все же пищей.

Такое рыболовство, спасая в трудные годы от голода, в общем-то никак не влияло на экономическое положение скотоводов-туркана, на их образ жизни. По-прежнему занятие рыбной ловлей носило эпизодический характер, а снасти, позволявшие ловить рыбу только на мелководьях, в лучшем случае обеспечивали лишь ненадежный улов. Но на рубеже шестидесятых-семидесятых годов засухи повторялись все чаще и чаще, а в 1973 году бедствие приняло массовый и трагический характер. На землях туркана, растрескавшихся и побелевших от жажды, гибли стада верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота. Тысячи пастухов и их семьи лишились средств к существованию, умирали с голоду. Вспыхивали межплеменные распри, кровопролитные схватки за подышающих от жажды животных.

Надо было что-то делать. И взоры людей с надеждой обратились к озеру. Не поможет ли оно? Ведь озеро Рудольф — одно из богатейших угодий; подсчитано, что здесь можно вылавливать до 10 тысяч тонн рыбы в год

без риска уменьшить ее запасы. В озере водится до 30 видов различных рыб. Когда однажды я поймал окуня в 82 фунта (мой личный рыбацкий рекорд, хотя мне приходилось ловить в Индийском, Атлантическом и Тихом океанах), то мой улов не был даже записан мелом на доске регистрации рекордов в Клубе рыболовов. Оказалось, что на доску заносятся экземпляры весом свыше 100 фунтов. Последним значился некий Брук Андерсен — американский турист, за две недели до меня приезжавший на озеро Рудольф с Гонолулу и поймавший окуня в 290 фунтов.

Вот тогда-то в районе Калоколо с помощью государства и норвежских специалистов было образовано кооперативное общество рыболовов-туркана. Туркана научились ловить рыбу с лодок современными кошельковыми неводами, длинными удилищами и стали сдавать ее в шести приемных пунктах, разбросанных на протяжении 210 километров западного берега. Кооператив обрабатывает и реализует соленую, сушеную и копченую рыбу не только в Кении, но и экспортирует ее в соседние африканские страны. Когда будет сдан в эксплуатацию разделочно-морозильный завод, кооператив сможет получать куда больше доходов, продавая свежую рыбу. А в главном магазине кооператива в Калоколо и в филиалах на закупочных пунктах можно приобрести практически все продовольственные и хозяйственные товары, необходимые рыбакам.

Так озеро Рудольф становится источником постоянного и надежного существования прибрежных жителей. Промышленное рыболовство, кооператив вносят существенные изменения во всю экономическую структуру сообщества скотоводов-кочевников, влияют на весь уклад их жизни. Таким переменам можно только радоваться.

Ну а какова связь между прогрессом на западном берегу озера и гибелью колонии крокодилов на острове Центральном? Увы, самая прямая и непосредственная. Сразу шагнув из первобытного общества в сферу капиталистических отношений, почти сплошь неграмотные туркана быстро усвоили пока только одно — рыба дает неплохой доход и надо брать ее как можно больше любыми средствами. Обуреваемые духом предпринимательства и наживы, туркана устремились на остров Центральный, где в глубоких заливах водится множество рыбы всех видов. Поездки на остров — довольно

долгое и опасное путешествие. Даже опытным рыболовам оно стоит больших трудов. Пятнадцать миль, что отделяют остров от берега, современный моторный катер преодолевает за час, а лодке рыбака требуется почти полдня. К тому же погода должна быть благоприятной. Когда рыбаки-туркана решаются на такое плавание, они рассчитывают прожить на острове недели две, пока их лодки не заполнятся вяленой рыбой.

Но даже для неприхотливых туркана пропитание на острове представляет немалую трудность. Они съедают те продукты, которые привозят с собой, питаются выловленной рыбой, а также всем, что попадает. А попадают прежде всего яйца — птичьи, черепаши, крокодилы. Туркана любят и крокодилье мясо, особенно мясо молодых крокодилов. Я тоже пробовал мясо молодых крокодилов и могу сказать, что его трудно отличить от телятины. Вот почему, пока не было на острове людей, были крокодилы, появились люди — исчезли крокодилы.

Исчезают с острова птицы. Наиболее многочисленными на Центральном были фламинго. Одно из вулканических озер, в водах которого содержится много соды и водорослей — идеальное сочетание для размножения этих птиц, — было названо озером Фламинго. Но вот появились рыболовы, стали собирать яйца, ловить птенцов, насаживать их на крючки в качестве приманки — количество фламинго стало катастрофически убывать. А когда к этому прибавились необычно обильные дожди, изменившие уровень воды в озере, птицы не выдержали и улетели, чтобы никогда больше не возвращаться.

В одном из парков Висконсина (США) установлена бронзовая мемориальная доска с надписью: «В память последнего странствующего голубя, убитого в Бабкоке в сентябре 1899 года. Этот вид вымер из-за алчности и легкомыслия человека».

Неужели крокодилов на острове Центральном ждет такая же участь?

НАШ ПРАПРАПРА...

Как-то Джой Адамсон пригласила меня на обед в свой дом Эльсамер на озере Наиваша. «Приезжайте, будет Луис Лики», — сказала Джой. «Лики?» —

«Он самый. Я же вам рассказывала, что очень давно дружу с ним и его семьей».

Действительно, Джой не раз говорила о Луисе и Мэри Лики и их сыновьях, об упорных поисках ими «родословного дерева» человека в Африке. Всякий раз, когда заходила речь об одержимости и подвижничестве в жизни ли вообще, в науке ли, в частности, Джой неизменно ставила в пример эту семью. От Джой я много узнал о жизни и работе старшего и младшего поколений Лики. Позже мне попала в руки увлекательнейшая книга известного советского археолога Виталия Епифановича Ларичева «Сад Эдема». Начинающаяся и кончающаяся рассказом о находках членов семьи Лики, она помогла по-настоящему понять выдающийся вклад Лики в современное научное представление о происхождении человека.

Луис Лики родился в начале века в семье английских миссионеров в кенийской деревушке Кабета, недалеко от Найроби, бывшего тогда заштатным поселком, в постройках которого даже при самом богатом воображении трудно было предугадать облик нынешней столицы независимой Кении с ее центром, блистающим многими урбанистическими шедеврами. Луис едва ли не первый белый ребенок, появившийся на свет божий среди зеленых холмов Кикуйюленда *, рос и воспитывался, как и его черные сверстники, свободно говорил на их языке, играл в их игры, распевал их песни, знал кикуйские легенды и притчи, умел делать все, что умели и делали они, а они, эти во все времена года босоногие и едва одетые дети вольной природы и дымных хижин, умели, многое: орудовать мотыгой и пангой **, пасти скот, собирать хворост, выжигать уголь, таскать воду, распознавать и выслеживать зверя, метко метать копье. Про Луиса можно было сказать словами африканской поговорки: «Если ты попал в страну, где каждый подражает льву, то там нельзя подражать козе». Когда Луису исполнилось тринадцать лет, вожди племени сочли его полноправным членом общины и нарекли почетным кикуйским именем Вакаручи — «Сын воробьиного ястреба».

Окончив в Англии Кембридж и получив диплом археолога, Луис вернулся в Кению и посвятил себя поискам

* К и к у й ю л е н д — так принято называть местность, населенную народностью кикуйя.

** П а н г а — широкий и длинный нож, применяемый при работе в поле, в лесу, в домашнем обиходе.

древнейшего предка человека. Он стал последовательным дарвинистом и не только поборником эволюционной теории Дарвина, но и его предположения, что возможной прародиной человека является Африка, хотя после находки голландцем Эженом Дюбуа на острове Ява питекантропа в ученом мире преобладало мнение, что человек, вероятнее всего, впервые появился на Азиатском континенте. Свою приверженность «африканской гипотезе» Луис Лики подтвердил в первом же научном труде — диссертации «Каменный век Кении».

В Африке Луис нашел и свое личное счастье: ведя раскопки в каньоне Олдовэй в соседней с Кенией Танганьике (нынешняя Танзания), он познакомился со студенткой-практиканткой Лондонского университета Мэри Николь, которая на следующий год стала Мэри Лики. Любовь к археологии у Мэри оказалась наследственной, можно сказать «генетически закодированной»: Джон Фрер, первым в Англии в XVIII веке обнаруживший в своем родном Саффолке рубило и справедливо посчитавший его изделием рук первобытного человека, был прапрадедушкой Мэри.

Трое сыновей Лики — Джонатан, Ричард и Филипп пошли по стопам родителей, принимали самое деятельное участие в раскопках.

И вот встреча в Эльсамере. Луису Лики уже под семьдесят, но выглядит он моложе своих лет. Хорошо сложен, подтянут, черты лица правильные и приятные. Светлые волосы оттеняют невероятно темный загар. Внимательные, цепкие, кажется, все видящие и все знающие глаза «Сына воробьиного ястреба». Джой умело направляет беседу, побуждает Лики побольше рассказать новому слушателю об удивительных находках семейства Лики в Кении и Танзании. Ведь многие ученые считают именно Восточную Африку прародиной человечества. Существует даже гипотеза, что человек появился на юге Африки раньше потому, что здесь благодаря крупнейшим запасам урана возникла повышенная радиация, вызвавшая мутацию у человекообразных обезьян, завершившуюся появлением гоминид — семейства людей.

Поначалу Луис отшучивался, сетовал на то, что почти тридцать лет проползал на коленях в поисках останков древнего человека, а попадались в основном лишь «черепки» и «черепушки», да и те раздавленные на сотни частей пластами породы. Попробуй сложить их

и доказать, что это — останки древнего человека, а потом вслед за Дарвином утверждать, что человек с его божественным умом произошел от «волосатого, четвероногого, да еще и хвостатого животного». Насколько проще библейская легенда о божественном сотворении человека, тем более что ее не раз пытались «научно» обосновать. Джон Лайтерун, архиепископ из Кембриджа, «безошибочно» подсчитал, что создатель сотворил человека в 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождества Христова! А один из членов Французской академии дал представление о внешнем облике прародителей человека. После «тщательных» подсчетов он пришел к выводу, что рост Адама достигал 37 метров 73 сантиметра, а Ева, как и положено женщине, была миниатюрнее. Ее рост составлял 36 метров 19,5 сантиметра. Луис Лики с улыбкой говорил, что его особенно умиляют эти полсантиметра; при такой «точности» всякие сомнения должны отпасть сами собой!

Посмеявшись, Лики рассказал о своих многолетних поисках. Они велись главным образом в ущелье Олдувэй в Танзании. Олдувэй — часть великого африканского разлома — представлялся ему идеальным местом, самой природой созданным огромным полигоном для археологических и антропологических поисков. Лики невероятно везло на орудия труда древнего человека — рубила, ручные топоры и другие предметы, которыми пользовался наш далекий предок. Лики установил, что на заре каменного века человек располагал довольно широким набором инструментов: рубила, скребла, топоры, ножи и другие лезвия, с помощью которых он мог убить зверя, разделать тушу. Лики сам научился делать такие инструменты и применять их на практике; как-то на глазах старейшин из племени масаи он за 20 минут снял шкуру с газели Гранта и разделал ее на куски так, что масаям оставалось лишь положить их в котел. Джой по этому поводу шутила, что Луису давно следовало бы вручить Оскара за блестяще сыгранную роль человека каменного века.

Древних инструментов — чопперов и чоппингов, как их называл ученый, попадалось много. Но где же их мастера? Лики обнаружили множество костей древних вымерших животных, на которых угадывались следы каменных топоров. Но где же охотники, добывшие и разделавшие туши? Многие годы, словно заколдованные, они ускользали от исследователей. Наконец, как нередко

случается в жизни, количество находок перешло в их качество. На 28-м году раскопок в Олдувэе, 17 июля 1959 года, Мэри нашла костные останки древнего человекообразного существа. Исследователи назвали его «зинджантроп», то есть «человек Восточной Африки». Ласково же Луис и Мэри называли своего «мальчика» (судя по всему, существу было не более 18 лет) «Щелкунчиком». У него были громадные зубы, как бы самой природой предназначенные для щелканья крупных орехов, и к тому же — может же быть такое удивительное везенье! — рядом с черепом оказалась раздробленная ореховая скорлупа.

Юный «Щелкунчик» явился для семейства Лики счастливым проводником в дом своих предков. Уже в следующем году старший сын Луиса и Мэри — Джонатан (я рассказывал о встрече с ним на его змеиной ферме на озере Баринго) нашел челюсть еще более древнего существа, «презинджантропа». Анализ с помощью калийаргонового метода, произведенный в Калифорнийском университете, показал, что возраст вулканического туфа, в котором были найдены костные останки, а значит, и возраст предка человека 1 миллион 750 тысяч лет. А спустя десять лет средний сын Лики, Ричард, на восточном берегу озера Рудольф в районе Кооби Фора нашел череп человекообразного существа, которое было старше презинджантропа по крайней мере на 800 тысяч лет. Таким образом, находки семейства Лики отодвинули «рождение» человека на миллион восемьсот тысяч лет!

В конце 70-х годов, уже после смерти Луиса Мэри Лики на равнине Лаэтоли обнаружила окаменевшие следы человекообразного существа, благодаря которому родословная наших предков насчитывает минимум 3 миллиона 600 тысяч лет.

Начало восьмидесятых годов ознаменовалось новой научной сенсацией — в пустыне Афар в Эфиопии были найдены останки древнейшего обезьяночеловека «в возрасте» 4,5 миллиона лет!

— Я уверен, — говорил в Эльсамере Луис Лики, — что *Homo habilis* — «человек умелый» — является истинным предшественником *Homo sapiens* («человека разумного»), то есть нас с вами. Подобная родословная меня лично не смущает, а вас? — сверкнув очками, пошутил Лики.

Меня родословная тоже не смущала, тем более что я

не происходил из семьи миссионеров, которым, веришь не веришь, а надлежит утверждать миф о божественном сотворении человека. После встречи с Луисом Лики нам захотелось побыстрее совершить поездку на восточный берег озера Рудольф, взглянуть на прародину человека, а если удастся, познакомиться с находками Ричарда. На всякий случай я запасся рекомендательным письмом к нему от Джой Адамсон...

И вот уже несколько дней мы живем совсем рядом с Кооб Фора — песчаной косой, глубоко вдающейся в Нефритовое озеро. Советуемся с Джозефом Полеттом, как и на чем туда добираться. Оказалось, что дорога не-близкая: если не заплутаемся и не случится поломок, дня за два на машинах-вездеходах можно, пожалуй, добраться, а если ехать на верблюдах — дней за пять.

— Джозеф, почему на верблюдах?

— Во-первых, на верблюдах наверняка доберетесь: во-вторых, значительно больше увидите. Именно с верблюда Ричард Лики обнаружил останец, в котором хранился череп примата.

— Но мы не собираемся искать черепа, мы в этом не разбираемся.

— А вдруг повезет, и вы найдете самый древний череп? Разбогатеть не разбогатеете, а в историю можете войти, — шутит Джозеф.

Но, к сожалению, Ричарда Лики в Кооби Фора не было; за неделю до нашего приезда в Лойянгалани он уехал по делам в Найроби. Поскольку тогда не существовало международного института имени Луиса Лики по изучению древнейшей истории Африки и в Кооби Фора не работали, как в настоящее время, десятки геологов, ботаников, анатомов, археологов, антропологов и других специалистов из различных стран мира, мы решили туда не ехать. Без Ричарда мы, вероятно, увидели бы там то же самое, что видим вокруг себя, — выжженную солнцем, продуваемую всеми ветрами безжизненную каменистую пустыню, где лишь нагромождение застывшей лавы напоминает о тех космических силах, которые превратили эту землю в горнило творения, в место, где, возможно, зародилась человеческая жизнь.

В Кооби Фора, как и в Лойянгалани, миллионы лет назад скорее всего была лесистая саванна, а возможно, и тропические леса; их населял причудливый животный мир — овцы высотой в два метра с размахом рогов в четыре метра, свиньи с клыками, наподобие бивней слона,

жирафы с рогами лося, гигантские страусы, слоны с бивнями в полтора метра и другие дикие звери. Кости этих вымерших животных во множестве находил Луис Лики. Он описал этих обитателей африканских лесов и саванн в книге «Древние животные Африки».

Полные впечатлений, как бы заново прочувствовав прекрасную поэзию Книги Бытия, возвращались мы домой. Сбылась ли наша мечта увидеть то, что в других местах не увидишь? Да, конечно. Но это не были «блаженные острова», которые искал Иван Александрович Гончаров, путешествуя на фрегате «Паллада». Писателю страстно хотелось увидеть «золотой век» человечества. На Ликейских островах Гончаров «дивился не тропической растительности, не теплоте, мягкому и пахучему воздуху — это все было и в других местах, а <...> почтенному виду стариков, строгому и задумчивому выражению их лиц, нежности и застенчивости в чертах молодых. <...> Здесь, как все родилось, так, кажется, и не менялось целые тысячелетия. Что у других смутное предание, то здесь современность, чистейшая действительность, здесь еще возможен золотой век. <...> Это не дикари, а народ — пастыри, питающиеся от стад своих, патриархальные люди с полным, развитым понятием о религии, об обязанностях человека, о добродетели. Идите сюда поверять описания библейских и одиссеевских местностей, жилищ, гостеприимства, первобытной тишины и простоты жизни. Вас поразит мысль, что здесь живут, как жили две тысячи лет назад, без перемены. Люди, страсти, дела — все просто, несложно, первобытно. В природе тоже красота и покой: солнце светит жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висят готовые. Книг, пороку и другого подобного разврата нет. Посмотрим, что будет дальше. Ужели новая цивилизация тронет этот забытый древний уголок?

Тронет, и уж тронула. Американцы, или люди Соединенных Штатов, как их называют японцы, за два дня до нас ушли отсюда, оставив здесь больных матросов да двух офицеров, а с ними бумагу, в которой уведомляют суда других наций, что они взяли эти острова под свое покровительство <...>».

То, что писатель увидел за несколько дней пребывания на Ликейях, заставило его воскликнуть: «Увы, прощай, идиллия!»

Я вспомнил и историю Поля Гогена, всю жизнь испытывавшего тягу к простоте, противопоставлявшего цивили-

лизацию Запада первобытному состоянию человеческого рода. Гоген искал счастья в далекой Полинезии, где он писал желтое море, оранжевые реки, лиловые деревья, розовые луга, крепко сложенных, плодовитых людей. Как и Гончаров, Гоген не нашел «золотого века» на экзотических островах. Увы, земной рай, о котором он грезил, был так же трудно достижим, как и небесный. Во второй свой приезд на Таити он написал самую пессимистическую картину, которую считал своим духовным завещанием. Картина изображала группу людей и называлась «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?»...

Мы ехали в Найроби не прежней дорогой через Ба-рагойи и Маралал, а другой, круто забиравшей от Лой-янгалани на восток. Минуя гору Кулал, она вела к оазису Марсабит. Первые десятки миль машины споро катились по утрамбованным ветром песчано-глинистым холмам, а потом потянулась гладкая, как тарелка, нескончаемая унылейшая пустыня, покрытая солончаками, как зеркало отражавшими беспощадное солнце и до боли слепившими глаза. Мне приходилось бывать в нашей Средней Азии, ездил я и по Каракумам, но ни разу не видел миражей. А здесь в призрачном мареве возникали белые города с крепостными стенами, высокими минаретами, ажурными дворцами халифов, голубые русла рек с пальмовыми рощами по берегам, обещавшими и тень, и прохладу, и утоление мучительной жажды. Картины представлялись настолько реальными, что мы с трудом подавляли соблазн свернуть с дороги и устремиться к благословенным берегам, укрыться под сводами причудливых замков.

— Какая унылая, бесплодная земля, — произнес кто-то из моих спутников.

— Не скажите, в этой земле скрыто наше главное богатство, — уверенно заявил Джон.

— А ведь правда. Была бы вода, можно создать цветущие оазисы. В Советском Союзе, например, в зоне пустынь выращивают почти весь хлопок.

— Воды здесь нет, к тому же ирригация — дело сложное и долгое, а нам надо как можно скорее вырваться из отсталости. Здесь есть нефть! — сказал Джон.

— Нефть! Уже нашли?

— Пока нет, но она тут есть!

— Почему вы так уверены?

— Посмотрите на карту. Рядом Персидский залив, Саудовская Аравия. Такие же пески, а где ни ткнуть — всюду нефть. Почему ее не должно быть в наших песках?

С подобной, несколько наивной, но такой понятной верой и нетерпением что-то найти и быстро решить все проблемы страны мне не раз приходилось сталкиваться, беседуя с кенийцами. Молодой, энергичный комиссар одной из провинций, которому я рассказывал о советской космической программе, вдруг спросил, дорого ли стоит искусственный спутник Земли. Ответив, что точной цифры не знаю, но думаю, что дорого, я спросил, почему комиссара интересует цена спутника.

— Если бы мы могли приобрести спутник, мы с его помощью быстро нашли бы в нашей земле нефть или алмазы и сразу бы разбогатели...

Ближе к Марсабиту дорога превратилась в каменный ад: бесформенные нагромождения гранитных глыб и валунов то и дело преграждали путь, раскаленные завалы приходилось объезжать со скоростью пешехода, дышать становилось все труднее. Но всему приходит конец. Дорога запетляла круто вверх, появилась первая зелень, замелькали домики Марсабита, переживавшего строительный бум в связи с сооружением автомагистрали Найроби — Аддис-Абеба.

В Марсабите мы намеревались переночевать, осмотреть живописный горный лес, полюбоваться двумя вулканическими озерами — прибежищем многих экзотических птиц, а если повезет, повстречаться с обитавшим в этих местах слоном Ахмедом. Слон этот особенный — он славился огромными размерами, самыми крупными бивнями: предполагали, что каждый бивень весит от 150 до 200 фунтов. В гору Ахмед поднимался задом, чтобы не «пахать» землю бивнями, и отдыхал, опираясь на бивни. Считалось, что Ахмеду 60 лет. Слон отличался спокойным нравом, интересовался людьми, не уходил от них; несколько лет назад он даже прошелся по городку, не причинив ущерба. Декретом президента была запрещена охота на Ахмеда, он должен умереть собственной смертью, а его бивни, по мнению общности, должны быть переданы Национальному музею страны. Местная пресса регулярно сообщала, где и при каких обстоятельствах в последнее время видели знаменитость.

Строя такие планы, мы сочли долгом нанести визит комиссару района. После знакомства и обычного обмена любезностями комиссар спросил:

— Как съездили, какие впечатления?

— Великолепно! Воспоминаний — на всю жизнь. Одно обидно — не доехали до лагеря Лики и не увидели череп самого древнего человека.

— Я могу вам помочь.

— Каким образом?

— У меня хранится один из черепов, найденных Ричардом Лики.

С этими словами комиссар встал с кресла, вынул из кармана связку ключей и направился к стоящему в углу просторного кабинета сейфу. Пока тот возился у сейфа, я вспомнил, что, когда в 1948 году Мэри Лики нашла на острове Рузинга озера Виктория женский череп, она полетела в Лондон, чтобы ознакомить специалистов с «Миоценовой леди», как называли череп Луис и Мэри. Возраст «леди» определялся примерно в 26 миллионов лет. Череп застраховали в 5 тысяч фунтов и предупредили экипаж самолета о лежащей на нем ответственности за сохранность перевозимой ценности. А когда на пресс-конференции в Лондонском аэропорту Мэри отвечала на вопросы многочисленных корреспондентов, два дюжих детектива не спускали глаз с окаменевшего черепа «леди», лежащего на столе. Через некоторое время череп как одну из самых ценнейших находок поместили в сейф тщательно охраняемого Британского музея. Но ведь «Миоценовая леди» была «всего лишь» древнейшей обезьяной и только предположительно могла представлять своего рода «начальное звено» длинного, во много миллионов лет пути становления человека. Могли ли Лики оставить череп *Homo habilis* на хранение в провинциальном городке?

— Пожалуйста, любуйтесь, — сказал комиссар, водружая на середину овального стола, за которым мы сидели, серовато-белый предмет округлой формы.

Костяной гребень на черепной крышке, огромные надглазные валики, плоская лицевая часть, небольшая черепная коробка — да, это был череп человекообразного существа, бесстрастно смотревшего на нас из глубины веков пустыми до жути глазницами. С разрешения комиссара я взял череп в руки и, не почувствовав каменной тяжести предмета, понял, что это всего лишь слепок.

На другой день, исколесив с опытным проводником окрестности Марсабита, которые не обманули наших ожиданий и были действительно восхитительными, мы к вечеру напали на след Ахмеда и лишь в бинокль увидели его на опушке тропического леса. Расстояние не скрадывало гигантские размеры слона, огромную голову и бивни, упиравшиеся в землю. Кажется, Ахмед отдыхал, его поза выражала спокойное величие. Могучее животное на фоне девственного леса — какое это великолепное зрелище! Увы, теперь этого зрелища никому не дано увидеть: несмотря на «охранную грамоту» президента, «монарх Марсабита», как именовали Ахмеда в печати, был убит браконьерами.

Оставшееся до Найроби расстояние мы преодолели без всяких приключений по новой, почти законченной магистрали.

На озере Рудольф нам открылась неведомая жизнь, казалось бы, такая простая и бесхитростная, а на деле трудная, суровая. Результаты независимого развития Кении лишь в малой степени облегчили жизнь людей на пустынных берегах озера. На этих берегах, возможно, миллионы лет назад зародилась человеческая жизнь. Сохранится ли она, будет ли развиваться на разумных началах в согласии с природой, примет ли формы, достойные человека?

Мы никогда не забудем чудесное ощущение свободы, простора, ночевки под открытым небом, когда перед сном слышали, как лают шакалы, рычат львы, смотрели на хрустальный свет звезд на черном небе и просыпались утром на рассвете, слушая, как шумит ветер, щебечут птицы и плещется в озере рыба.

Со многим из всего этого нам хотелось бы никогда не расставаться.

НОВЕВ КОВЧЕГ НА ЭКВАТОРЕ

ГЛАВНАЯ ПРИМАНКА

Кения считается раем для путешественников. Недаром она занимает первое место в Тропической Африке по развитию иностранного туризма. Сюда едут из Европы, США, Канады, Японии, Австралии — со всех концов земли. Что их влечет в эту страну?

Много примечательных мест в Кении. И все же не красота ее ландшафтов, мягкий климат нагорий, теплые воды Индийского океана служат главной приманкой для сотен тысяч туристов со всех концов земли. Подавляющее большинство путешественников прилетает сюда за тем, чтобы увидеть удивительных животных, которых вне Африки можно встретить лишь в зоопарке. Но зоопарк не дикая нетронутая природа. Я знаю многих людей, побывавших в Африке, наблюдавших животных в естественных природных условиях и после этого переставших посещать зоопарки, — нестерпимо трудно видеть рожденного для вольной жизни прекрасного и сильного зверя за железными прутьями клетки. И какое же восхищение испытываешь, видя десятки, сотни редкостных животных на воле, в родной стихии. Когда находишься в компании туристов, впервые наблюдающих африканских зверей через огромное стекло смотровой веранды в каком-нибудь отеле, расположенном в национальном парке в Абардерах, то и дело слышишь восторженные возгласы: «Бьютифул!», «Вандерфул!», «Фантастик!». Прямо-таки Ноев ковчег на экваторе!

По свидетельству кенийских старожилов, еще в начале века на львов охотились там, где сейчас стоят города, и били слонов с паровозов первой железной дороги, а всадники, которым предстояло пересечь долину Кедонг, чтобы попасть в Найроби, с трудом пробивались через громадные стада канн, зебр и гну. А теперь уже некоторые животные Кении значатся в Красной книге: десять видов млекопитающих, обитающих в этой стране, находятся на грани исчезновения. Но в национальных

парках и резерватах можно наблюдать «дикую жизнь» в ее нетронутом виде.

В представлении многих парк — это что-то строго спланированное, разлинованное, подстриженное, с балюстрадами, фонтанами, павильонами, скамейками, скульптурами, вазами, цветниками. Даже ландшафтные или пейзажные парки, как правило, огорожены, хорошо ухожены, самые старые деревья находятся под наблюдением, их лечат, как, например, знаменитые дубы в Коломенском, помнящие еще Ивана Калиту, или липы в «аллее Керн» в Михайловском, хранящей легкие шаги Пушкина. Национальные парки Кении ничем не похожи на такие ухоженные уголки. Они в буквальном смысле участки дикой природы. Здесь полностью запрещена всякая хозяйственная деятельность: строительство промышленных предприятий, добыча полезных ископаемых, распашка земель, выпас домашнего скота, рубка леса, заготовка сена, сбор плодов и растений, охота, рыбная ловля. Участки эти немалые. На них могут разместиться целые государства, такие, например, как Бельгия. Заповедные территории Кении составляют почти десять процентов всей площади страны. И кенийцы этим гордятся. Ведь в Японии, например, под заповедники отведено четыре, а в США — два процента территории.

Заповедные участки — вся эта огромная территория заселена обитателями африканских саванн, горных лесов и пустынь! Здесь они ведут привычный образ жизни — пасутся, охотятся, размножаются, воспитывают потомство, старятся и умирают.

Кенийские парки и резерваты (в настоящее время их тридцать) не огорожены, и животные свободно могут покидать их, переходить в места, где раньше выпали дожди, появилась растительность. Такие переселения в прошлом были массовым явлением. Я видел со служебного самолетика, вроде нашего «кукурузника» времен войны, массовый переход животных из знаменитого танзанийского национального парка Серенгети в соседнюю Кению, где раньше выпали дожди. Тысячные стада антилоп-гну, зебр, газелей шли нескончаемыми потоками и сверху напоминали упорный, неукротимый ход косяков рыбы, идущей на нерест. В настоящее время животные значительно реже покидают национальные парки, хотя зачастую страдают от недостатка воды и растительности, от наплыва туристов. Куда идти? Земли

распахивают под посевы, леса вырубают, возникают новые поселки, деревни, дороги.

Животные Африки в настоящее время прочно обосновались в национальных парках и резерватах, находя здесь относительно надежную защиту от полного истребления. Специалисты утверждают, что животные чувствуют границы парков и ведут себя в них, не проявляя особой осторожности, как будто знают, что здесь закон на их стороне. Вне парка они все время начеку, пугливы, в любое мгновение готовы скрыться в буше.

Профессор Б. Гржимек говорил, что надежное место для диких животных в нашем сегодняшнем урбанизированном мире — это национальные парки, территории, свободные от городов и поселков. Наибольших успехов на этом пути достигли африканские страны; это бедные страны, но они сохраняют удивительную природу для всех нас, для всего человечества.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ ЖИВОТНЫМ

У национальных парков две задачи. Первая и самая главная — охрана животного мира, сохранение богатейшей и неповторимой фауны Африки. Животные в национальных парках пользуются неоспоримой привилегией. Уже говорилось, что парки не огорожены, да в этом и нет нужды: буш и бездорожье создают непреодолимые препятствия для автомашин, на которых только и можно посещать парки. К сожалению, браконьеры, как и везде, находят достаточно лазеек. Но в каждом парке и резервате есть въездные и выездные ворота, здесь собирают плату, впрочем вполне умеренную, учитывают и регистрируют посетителей. На воротах и на развилках дорог висят внушительные щиты с перечислением основных правил поведения человека в парке. Здесь нельзя шуметь, кричать, нельзя выходить из машины, подъезжать близко к животным, приманивать и кормить их, нельзя пересекать дорогу зверям, нужно терпеливо ждать, пока они ее перейдут, нельзя двигаться со скоростью более 20 километров в час. Предписывается до наступления сумерек, то есть до половины седьмого вечера, покинуть парк или вернуться в отель. И еще одно уведомление, весьма внушительное: на территории парка посетители находятся на свой страх и риск и администрация не несет ответственности за их безопасность. Что ж, к правилам не придерешься:

здесь хозяин — дикое животное, и его покой и безопасность оберегаются прежде всего. Ну а человек? А человека здесь принимают как временного посетителя, вежливо, но не более того...

Вторая задача национальных парков по принятой у нас терминологии — культурно-познавательная, а по сложившейся в Кении практике — привлечение туристов, главным образом иностранных, приносящих развивающейся стране так необходимую ей валюту. После главных экспортных культур, кофе и чая, иностранный туризм — третья статья валютных поступлений государства. Доходы от туризма составляют до 200 миллионов долларов в год.

Турист в национальном парке «привязан» к дороге, двигаясь по которой он осматривает окрестности из окна автобуса или машины. Но сетовать на это не приходится. Сеть грунтовых дорог в парках весьма разветвленная, дороги поддерживаются в хорошем состоянии, проложены по наиболее живописным местам, ведут к водосмам, куда приходят на водопой звери, к кущам деревьев, где они скрываются от солнца в жаркое время дня, пересекают травянистые саванны, где они пасутся. Если местность позволяет, с дороги можно и свернуть, чтобы лучше рассмотреть животных, сфотографировать с близкого расстояния. Особым вниманием в этих случаях пользуются львиные прайды, терзающие добычу или отдыхающие после трапезы. Даже не обращаясь к егерям, часто удавалось по скоплению машин безошибочно определить, где в данный момент львы.

Не знаю, насколько это хорошо с точки зрения зоологов, но сегодняшним туристам невероятно «повезло» в смысле изменения отношения дикого животного к человеку, а точнее, к его транспорту. Звери в национальных парках довольно быстро привыкли к шуму моторов, не боятся машин. Мои московские знакомые, побывавшие в Кении, даже за один день поездки по национальному парку умудрялись наснимать коллекцию цветных слайдов. Конечно, это были не те уникальные снимки — моменты охоты хищников, например, за которыми профессиональные фоторепортеры и кинооператоры гоняются долгими месяцами, или изображение того самого «Большого Куду», которого неделями выслеживал Э. Хемингуэй среди зеленых холмов Африки. Кенийские старожилы уверяют, что еще тридцать лет назад животные были значительно пугливее, ко многим антилопам

приблизиться было трудно; тогда считалось, что гепард слишком «быстр» для фотографирования. А теперь... В Самбуру-парке я как-то почти столкнулся с семейством гепардов. Мы долго любовались играми самки гепарда с четырьмя годовалыми детенышами. Животные, казалось, не обращали на нас никакого внимания. Каковы же были наши удивление и восторг, когда малыши перебрались на капот нашей машины, а мамаша легко вспрыгнула на крышу автомобиля, свесив роскошный полосатый хвост с белым кончиком как раз против моего сиденья. Соблазн был так велик, а голос разума столь робок, что, осторожно опустив стекло, я высунул руку и погладил хвост. Молниеносный удар лапой, слава богу, пришелся по стеклу. Прошло столько лет, но, кажется, и сейчас моя ладонь хранит тепло этого мимолетного прикосновения.

Когда я спросил кенийского зоолога Переса Олинде, что я могу увидеть в национальных парках его страны, он сказал: в Абардерах и Маунт-Кения — облесенные горы; в Самбуру и Марсабите — пейзаж дикой пустыни; в Цаво и Амбосели — плоские песчаные буши; в Масай-Мара и Найроби-парке — травянистую саванну.

— Простите, а как же животные? — воскликнул я.

У Олинде добрая, обезоруживающая улыбка. Поняв мое недоумение, он рассмеялся и сказал:

— О животных не беспокойтесь. Животных везде много, в некоторых местах их слишком много. Животных вы увидите в любом парке, даже не покидая гостиницу.

Путешествуя по национальным паркам и резерватам, я не раз вспоминал эту первую беседу с Олинде. В «плоском песчаном буше» Цаво на плато Ятта я видел живописнейшие холмы, а по берегам Цаво и Ати, сливающихся на территории парка и образующих впадающую в Индийский океан реку Галану, растут гигантские акации и тамаринды, служащие прибежищем для многих животных. Встречались здесь и исполинские баобабы, одно из самых экзотических деревьев на земле. Кстати, мой приятель, раньше меня приехавший в Кению, уверял, что баобабы цветут только ночью. Каково же было его смущение, когда в жаркий полдень на полпути между Найроби и Момбаса мы увидели великолепный цветущий баобаб; мы подняли с земли несколько опавших белых ароматных цветков диаметром

в двадцать сантиметров. В Цаво со скалы Муданда приходилось любоваться, как десятки слонов, выпив по пять-шесть «хоботов», купались внизу в заводи. В Самбуру в «пейзаж дикой пустыни» никак не вписывались поросшие сочными кустарниками, высокими акациями, пальмами дум террасы непересыхающей даже в сухой сезон реки Эвуасо-Наиро; ее коричневые воды далеко за пределами парка впадают в болота и исчезают, не достигнув океана. Никак не укладываются в понятие пустыни и холмы Ломовара и возвышенность Мерти. В «травянистой саванне» Масай-Мару, в высоких зарослях акаций скрываются от зноя сотни буйволов, и только на опушках можно различить грозные рога вожаков стад.

Национальные парки Кении непохожи один на другой, каждый своеобразен и неповторим.

ЗВЕРИ У ПОРОГА

Перес Олинде был прав, говоря, что диких животных в национальных парках можно увидеть, даже не покидая отеля. За редким исключением отели в парках и резерватах строятся около водоемов — естественных или искусственных, куда животные приходят на водопой. Здесь же насыпают солонцы. В одном из старейших и известнейших отелей — Тритопсе, построенном на высоких деревьях и столбах у лесного озера, с открытой галереи пришлось увидеть за один вечер и ночь антилоп, газелей, кабанов, носорогов. Особенно много было буйволов. Стада по 16, 20, 30 животных неторопливо выходили из леса, забредали в воду, не спеша, с большими перерывами пили, какое-то время неподвижно стояли в воде, выходили на берег и так же медленно уходили обратно в лес. На рассвете на водопой пришло самое большое стадо — я насчитал в нем 46 голов. На солонцах, почти под самой верандой, между животными разыгрывались сценки ухаживания, ревности, вражды. Два буйвола с могучими рогами цвета старой бронзы схватились в короткой драке. Отступив друг от друга на несколько шагов, они яростно бросались навстречу, сталкиваясь бронированными лбами; при этом раздавался звук, похожий на удар тяжелого молота о наковальню. У одного из буйволов потекла кровь. Столкнулись в драке и два носорога, норовя пропороть страшными рогами бока друг друга. Хотя схватка была

почти молниеносной, чувствовалось, какой силой обладают эти исполины. Оба вскоре разошлись со свежими кровоточащими шрамами. Зато два самца газели Гранта, обладавшие завидными рогами, долго примеривались друг к другу, лениво скрещивали рога, подолгу стояли, упершись лбами. Затем схватка приняла яростный характер и закончилась бегством одного из противников. Кстати, в Тритопсе остро чувствуешь полную противоположность национального парка зверинцу — люди здесь как бы заперты в клетке, а животные на свободе.

В Цаво туристы, сидя в удобных креслах на просторной открытой веранде отеля, могут любоваться купанием слонов, видят, как они часами стоят под высокими деревьями, отдыхая от жаркого солнца. К озеру выходят зебры, газели Томсона и Гранта, бушбоки. На озеро прилетают птицы, которых в Цаво огромное множество, а блестящие скворцы до того привыкли к людям, что садятся на перила веранды, охотно подхватывают всякую еду. Здесь же снуют мангусты — быстрые и нахальные, но, по всей видимости, явно уступающие в храбрости киплинговскому Рики-тики-тави. В первый раз я прилетел в Цаво с коллегами по дипломатической службе на самолете найробийского аэроклуба. И хотя за штурвалом сидел англичанин — бывший военный летчик времен второй мировой войны, продолжавший поддерживать «спортивную форму», а вторым пилотом — вице-маршал авиации одной из азиатских стран, мы долго не могли приземлиться: полосу оккупировали десятка два слонов, принимавших песчаные «ванны». Попытка спугнуть их бреющим полетом не сразу дала результат, и мы приземлились лишь с пятого захода.

В Цаво же великолепный, прямо-таки гигантский, с огромными бивнями слон заставил нас немало поволноваться на одной из дорог, ведущих к выезду из парка. Слон был яркого кирпично-красного цвета. Он стоял на самой дороге и объедал ветви сваленного им дерева. Мы остановили машину метрах в пятидесяти и стали ждать. Объехать слона было невозможно; по обе стороны буш — дремучие заросли кустарников, словно пучки ржавой колючей проволоки на свалке.

День угасал, отпылал фантастическими красками закат, какой случается, пожалуй, только в Цаво; небо становилось то малиновым, то розовым, то оранжевым, то желтым — да можно ли передать словами всю гамму нежнейших тонов! Огненный шар солнца торжественно

закатился за фиолетовые холмы. Вот-вот в считанные минуты, как и всюду на экваторе, спустится ночь. Мы спешили — моим московским друзьям, которых я знакомил с прелестями «дикой жизни», наутро надо было вылетать из Найроби.

Прошел уже час, а слон, как видно, не торопился заканчивать ужин. Попросили Овиди, отлично осведомленного о повадках диких животных, послать сигнал слону. С большой неохотой он несколько раз нажал на клаксон. Никакого результата — слон даже не повернул головы в нашу сторону. Когда полностью стемнело, решили включить фары и дальним светом попытаться прогнать слона. Подействовало! Слон оставил дерево, повернулся в нашу сторону, оттопырил уши и стал размахивать ими. Потом приподнял голову, при этом кончик хобота полез кверху и поднимался все выше и выше, а затем слон затрубил. Что бы это значило? Но не успели мы разобраться в маневрах слона, как наш вежливый, предупредительный Овиди, никого не спрашивая, включил мотор, резко развернул машину на сто восемьдесят градусов и отъехал от слона на добрую милю. Убедившись, что слон не преследует нас, он остановил машину и, извинившись, объяснил, что оттопыренные уши, приподнятая голова — верный признак того, что животное возбуждено и раздражено. А предугадать заранее, что еще взбредет в огромную голову толстокожего великана, никогда нельзя. Слон может поддеть и приподнять своими бивнями машину, встряхнуть ее со всем содержимым, оттащить в сторону от дороги, сбросить в кювет, а в худшем случае сплющить ее, как консервную банку. Такие случаи крайне редки, но береженого бог бережет, и мы не стали искушать судьбу. Сделав крюк «всего» в 80 миль, мы благополучно, хотя и глубокой ночью, вернулись в Найроби.

Об этом «бегстве от слона» я рассказал чешскому профессору Йозефу Вагнеру, с ним я познакомился в Найроби.

Я часто перелистываю дневник ученого с великолепными цветными фотографиями африканских животных, который он мне подарил. Вагнер много лет путешествовал по Африке, изучал ее животный мир и отлавливал редких зверей для европейских зоопарков.

И он сказал, что Овиди поступил совершенно правильно.

— Принято считать льва царем зверей, но самое

сильное животное, безусловно, слон, и все звери это знают, — говорил профессор. — Однажды в Конго я долго наблюдал за четырьмя огромными львами с роскошными черными гривами. Львы спокойно лежали, разморенные полуденным солнцем. Вдруг на плато появился молодой, лет десяти-пятнадцати, слон. Он медленно направлялся к тому месту, где отдыхали львы. Потом поднял хобот и почувствовал львов. Я напряженно ждал, что будет дальше. В бинокль я видел раскрытые пасти львов, сверкающую белизну клыков и приготовился увидеть драматическую сцену. Но слон, казалось, не обращал внимания на львов и двигался прямо на них. Схватка не состоялась. Львы поднялись, уступили слону дорогу, а он равнодушно прошел мимо, даже не взглянув на львов. Если уж царь зверей уступает дорогу слону, то человеку, хотя и в машине, не задумываясь, надо ретироваться при встрече с исполином африканских саванн.

Труднее всего в Кении увидеть леопарда. Я знал людей, которые прожили здесь всю жизнь и ни разу не видели «желтую молнию» — так часто называют этого красивого, осторожного и быстрого хищника. Но в парке Маунт-Кения в отеле «Сикрет велли», можно (разумеется, за весьма солидную плату) увидеть леопарда с открытой галереи отеля в каком-нибудь десятке метров. Туристов привозят в таинственную долину под вечер, когда надвигаются сумерки, сгущаются тени, и все вокруг — кустарник, скалы, тропический лес — принимает загадочные краски и очертания. Мертвую жутковатую тишину временами разрезает пронзительный визг даманов. После ужина, когда наступает ночь, включают юпитеры, направленные на деревянную площадку, поднятую на высоких столбах до уровня веранды отеля. На площадке, привязанная к ней цепями, лежит освеженная туша газели. Все, кто находится на веранде, замирают в ожидании. Я не спускаю глаз с площадки, стараюсь не пропустить малейшего шороха, звука и все-таки не успеваю заметить момент появления хищника. Леопард уже на площадке!

Крупная, изумительной расцветки кошка, щуря глаза от яркого света, хищно оглядываясь по сторонам, принялась жадно рвать добычу. Леопард исчез так же неожиданно, как и появился, но на сей раз шорох в кустах явственно показал, в какую сторону направился зверь. Юпитеры погасли, туристы разбрелись по своим

комнатам, чтобы утром покинуть таинственную долину. Строго говоря, зрелище походило на цирковой аттракцион, но в памяти осталась таинственная атмосфера ночной долины и внезапное появление сильного красивого зверя.

«На чистой натуре» мне удалось увидеть леопардов лишь однажды. У озера было много разных животных; я нагляделся на них вдоволь и уже собирался уходить со смотровой веранды, как вдруг сидевший рядом турист воскликнул: «Леопарды! Леопарды!» И я увидел двух леопардов, пересекавших мощными прыжками прогалину между кустами. Я даже не пытался их сфотографировать: леопарды исчезли в считанные секунды. Действительно, «желтая молния».

НА «ГАЗИКЕ» ЧЕРЕЗ БУШ

Значительно интереснее, конечно, смотреть на животных не из окна отеля, а путешествуя по паркам на машине, да еще повышенной проходимости. Наш «газик» вполне оправдал себя в таких поездках, давал возможность уходить в сторону от туристских маршрутов, двигаться «по целине», углубляться в буш, продираясь через густые колючие заросли, пересекая сухие русла рек, изрытые «слоновыми колодцами», объезжая завалы валежника и нагромождения туфа, заглядывать в укромные малодоступные места. В одном из таких укромных уголков национального парка Меру мы долго следили за большим стадом слонов. Среди них был новорожденный слоненок с маленьким смешным хоботком, но с большущими ушами, доходившими почти до земли. Когда стадо стало пересекать поляну, несколько взрослых слоних окружили малыша и своими хоботами заботливо направляли и поддерживали его со всех сторон. Малыш шел пошатываясь, возможно, делая первые шаги, но шел не останавливаясь, и длинные его уши волочились по траве.

В Масаи-Мару рано утром мы совершенно случайно заметили недалеко от дороги какую-то возню в высокой траве. Свернув и подъехав ближе, увидели, как львица с двумя, по всей видимости годовалыми, львятами завтракала убитой ночью зеброй. Львица ела спокойно, молча и неторопливо, зато львята рычали, с жадностью рвали куски, морды у них были перепачканы в крови. Хотя мяса было предостаточно, львята

старались вырывать куски друг у друга и часто, вцепившись в один кусок, яростно тянули его каждый в свою сторону, азартно мотая головами, крепко упирались в землю лапами. Мамаша время от времени легкими шлепками утихомиривала драчунов. Насмотревшись на семейную трапезу, мы двинулись было назад, но случился, как здесь говорят, «трабл»: одно из задних колес попало в невидимую в траве яму. В машине было трое мужчин, и мы, конечно, могли бы ее вытолкнуть, но понимали, что делать это на виду у львицы, да еще с детенышами, нельзя. Оставалось ждать, когда львы уйдут или нас заметит с дороги какая-либо машина. Действительно, примерно через час к нам подъехал на «лендровере» служащий парка. Он, однако, не решился выйти, чтобы подцепить тросом нашу машину. Предложив нам подождать, он выехал на дорогу, перехватил первый попавшийся туристский автобус, попросил шофера поставить машину ближе к львице. Отгородив таким образом от хищников нашу и свою машины, он со всеми предосторожностями взял нас на буксир и вывел на дорогу. Мы увидели, как туристы, раздвинув крышу и высунувшись наружу, застрекотали кино- и фотокамерами. Егерь, выручивший нас, в ответ на нашу благодарность сказал, что мы тоже оказали ему услугу, первыми обнаружив львицу с львятами. «Теперь сюда наверняка потянутся другие машины с туристами. Несколько проводников уже спрашивали меня о львах».

В парке Самбуру я стал свидетелем еще одной трапезы. Ближе к полудню мы возвращались с холмов Ломовара, чтобы поспеть в отель к ленчу. Вскоре мы заметили в небе большую стаю грифов, явно обнаруживших добычу; птицы быстро снижались, а потом пикировали в одну точку метрах в семидесяти от нас. В бинокль было отчетливо видно, что они напали на крупного самца газели Гранта, убитого львами или другими хищниками, но почему-то оставленного почти не тронутым. Какое это было пиршество! Несколько десятков крупных птиц (размах крыльев у грифов достигает трех метров!) сбились в один огромный, живой, шевелящийся темный ком. Минут через тридцать-сорок птицы одна за другой стали рассаживаться на сухих деревьях. Что осталось от газели Гранта? Я был почти уверен, что один скелет.

Незадолго до поездки в Самбуру я был на охоте с Генрихом — заядлым охотником. Мы заметили ста-

до антилоп-гну. Остановились. Дорога не позволяла двигаться дальше — сплошные камни и ямы. Охотник с карабином пошел в сторону стада, а мы с шофером — африканцем Джеймсом остались у машины. Примерно через час раздался выстрел, а спустя пять минут после него еще два — условный сигнал: дичь убита. Мы с Джеймсом пошли по направлению выстрелов и километрах в двух от машины нашли Генриха, уже свежавшего убитую с первого выстрела антилопу. Джеймс тоже включился в работу, умело орудуя пангой. Разделав тушу, мы двинулись в обратный путь: охотник нес шкуру, завернутую в целлофан, я — пластиковое ведро с вырезкой и потрохами, а Джеймс взвалил на каждое плечо по окороку. Солнце стояло в зените и пекло нещадно. Даже моя самая легкая ноша свинцовой тяжестью оттягивала плечо. Ноша Джеймса была явно ему не по силам, он весь обливался потом и часто останавливался отдохнуть. Примерно на полпути к машине мы предложили ему оставить одну ногу у приметного куста, с тем чтобы вскоре вернуться за ней. Так и поступили. У машины мы уговорили Джеймса выпить чашку кофе с бутербродом — все мы порядком проголодались. Шофер быстро управился с сэндвичем и кофе и пошел в буш. Он вернулся буквально через 20—25 минут. Увидев его ношу, я ахнул: Джеймс принес не окорок, а начисто объеденную кость, на которой не осталось и клочка мяса. Кто же сумел за какие-то двадцать минут так усердно потрудиться? Расстроенный Джеймс напропалую ругал стервятников, а заодно и себя за то, что оставил ногу.

Путешествуя по кенийским саваннам, я довольно часто находил кости диких животных, черепа слонов, панцири черепах, рога разных антилоп и газелей: винтообразные рога больших и малых куду, лирообразные рога импал, «шпаги» ориксов, броню буйволов. Как правило, они были совершенно чистые, как будто пролежали в саванне годы и годы, и все это время их мыли дожди, обдували ветры, высушивало тропическое солнце. Готовые оригинальные сувениры, просто бери и без всякой дополнительной обработки вешай на стену для украшения интерьера! Из таких находок за семь лет жизни в Кении я мог бы составить великолепную коллекцию. Не тут-то было! Иностранцам в Кении хорошо известен закон: кости диких животных, в особенности такие ценные, как рога, являются собственностью госу-

дарства. Соблазнишься, подберешь находку, но встретишь егеря или полицейского инспектора — будут неприятности. В лагере Джорджа Адамсона в Кора я видел прислоненные к ограде кости и рога животных, огромный череп слона. Я спросил Джорджа, как долго пролежал в пустыне этот череп?

— Неделю-другую.

Надо же! А все очень просто: после шакалов, гиен, хищных птиц «очистку» довершают муравьи, свирепые создания с прямо-таки стальными челюстями. Не приведи господь, если такой муравей попадет на голое тело (со мной такое случилось!). Избавиться от него можно, лишь разорвав насекомое на части.

Судя по описаниям сочинителей приключенческих повестей и романов, носорог весьма свирепое животное, отличающееся прямо-таки слепой яростью. Конечно, я не изучал повадок носорога, но мои встречи с ними никак не подтверждают подобных описаний. Первого носорога я увидел в Амбосели. Серый гигант лежал, на три четверти погрузившись в липкую грязь пересыхавшего болота, и, вероятно, испытывал такое блаженство, что не обращал никакого внимания на нашу машину и на озорные шутки моих спутников, пытавшихся вывести животное из нирваны тем, что бросали в его сторону апельсины и бананы. Я подумал тогда, что заставить носорога тронуться с места можно, пожалуй, только взяв его «на буксир», накинув трос на выступавший из грязи рог. Да и то вряд ли: как-никак две тонны!

Много раз нам приходилось видеть мирно пасущихся носорогов. Однако все попытки приблизиться на расстояние «крупного кадра» без телеобъектива, а иногда и преследовать их на приличной скорости приводили лишь к тому, что животные фыркали, поднимали свечкой до смешного маленькие для таких исполинов хвостики и опрометью бросались в кусты. В Абардерах я наблюдал любопытную картину. На горной звериной тропе встретились носорог и буйвол. Разойтись им было невозможно: с одной стороны — отвесная скала, с другой — обрыв. Буйвол низко опустил голову, а носорог выставил рог. Потоптавшись друг перед другом несколько минут и, вероятно, проверив крепость нервов, животные отступили на несколько шагов, а потом, повернувшись, медленно разошлись.

Но самый большой сюрприз ждал меня в Меру, не-

далеко от Скалы Леопарда. Возвращаясь в кемпинг, я неожиданно увидел двух носорогов, пасущихся под наблюдением аскари — служащего парка, пожилого африканца. Положив руку на круп носорога, аскари рассказал, что в Меру с юга Африки завезено несколько белых носорогов, которые некоторое время акклиматизировались в загоне и так привыкли к людям, что и на свободе позволяют трогать себя и даже садиться верхом. Услышав эту новость, мой молодой спутник не долго думая уговорил аскари разрешить ему сесть на носорога. Африканец погладил животное за ушами, прикоснулся к глазам, а потом посадил смельчака на широченный круп. Я приготовился снимать, но «всадник» попросил обождать, пока он не примет подходящую позу. Он долго ерзал на спине носорога, но его длинных ног явно не доставало, чтобы обхватить круп великана. За исключением этой детали, снимок получился весьма эффектным: среди высокой травы на фоне зонтиковых акаций, пальм дум и голубого неба мирно пасется носорог с плотным, словно вылитым из бронзы туловищем с наездником на спине. Нашего благодетеля аскари, вооруженного старым карабином, на снимке не видно, я предусмотрительно попросил его пригнуться, и он полностью скрылся за носорогом. Я тоже взобрался на смиренного гиганта, но, представив на миг его метровый рог между собственных ребер, испытал такое «острое ощущение», что, опираясь на плечо аскари, быстро спрыгнул на землю и предпочел любоваться прекрасным обитателем саванн на почтительном расстоянии.

Нет, страус не прячет голову при виде опасности, он храбро вступает в бой, защищая свое потомство от сильного и хищного зверя, будь то шакал или гиена. И вовсе не трусостью объясняется его исчезновение во многих районах, где он раньше обитал. Профессор Б. Гржимек отмечает: пока страусовые перья красовались только на шляпах средневековых рыцарей, диких страусов еще было довольно много. Но когда в прошлом столетии эти перья вдруг вошли в моду у дам, для страусов настали тяжелые времена. В короткий срок страусы были полностью истреблены в Северной Африке, на Ближнем Востоке. Они, вероятно, совсем исчезли бы с лица земли, если бы... если бы предприимчивые люди не догадались создать страусовые фермы. Эти «птичники» обеспечили рынок перьями и шкурками, из которых изготавливают модные дамские сумки и бумажники. Пыл бра-

коньеров, лишившихся баснословных барышей, поубавился, и в Кении, например, дикий страус и ныне не является исключительной редкостью. Терпеливый путешественник может увидеть, как страусы щиплют траву, брачные игры птиц с сумасшедшими танцами, изблюбленные страусами «купания» в песчаных «банях». Молодые страусята, едва начав твердо держаться на ногах, подражая родителям, затевают бешеные танцы. Если же очень повезет, можно в качестве бесплатного сувенира подобрать беспризорное страусовое яйцо весом в два килограмма!

Мне довелось убедиться в отличных беговых способностях страусов. Севернее Марсабита, в каменистой пустыне, прилегающей к озеру Рудольф, мы ехали по раскаленной дороге; по сторонам не встречалось ни деревца, ни кустика, ни травинки, одни только пышащие жаром камни. Вдруг впереди показались два страуса, двигавшиеся по дороге в том же направлении, что и мы. Подпустив машину метров на пятьдесят, страусы побежали. Шофер стал догонять птиц. Стрелка спидометра качалась где-то между 40 и 50 километрами — больше не позволяла дорога. Но гигантские птицы почти трехметрового роста с синими лапами бежали легко, словно шутя и играючи делали саженные шаги. Время от времени они поворачивали головы, как бы поддразнивая нас и приглашая прибавить ходу. Гонка продолжалась минут двадцать. Тут дорога круто свернула вправо, страусы помчались напрямиком, а нам ничего не оставалось, как, признав полное поражение, двигаться по накатанной колее. Вскоре страусы растаяли в мареве, окутавшем раскаленную землю.

Чем чаще видишь животных, чем больше их узнаешь, тем сильнее поражаешься их совершенству, законченности их форм, оправданности и целесообразности их существования. Известно, что многие сигналы, которыми наполнен мир вокруг нас, не воспринимаются человеком, но улавливаются другими живыми существами. Летучая мышь, например, обладая звуковым локатором, спокойно летает в темноте; в свою очередь, ночным бабочкам ультразвуковая ориентация позволяет избегать опасности; «магическое» зрение есть у ламандры... Животные составляют единое и нераздельное целое с природой, которая ныне подвергается катастрофическим испытаниям.

Я был довольно хорошо знаком с тогдашним министром туризма Кариуки — энергичным политическим деятелем радикальных взглядов. Он подробно рассказывал о предпринимаемых мерах для увеличения доходов от «дикой жизни».

— Девяносто процентов туристов приезжают посмотреть африканских животных на воле, а не в зоопарке. Легче всего встретить животных в национальных парках. Мы стремимся к расширению сети парков и резерватов и в целях сохранения нашего национального достояния — уникальной флоры и фауны, — и в целях увеличения доходов от туризма, что, кстати, дает возможность финансировать деятельность парков и работы по их расширению. Парки созданы для охраны животных, но они открыты для посетителей. Раз так, мы требуем от дирекции парков и туристских компаний образцового обслуживания. Верно, львиную долю доходов от иностранцев получает не государство, а частные компании — туристские, транспортные, владельцы отелей, — но скоро все это мы возьмем в свои руки.

Побывав к этому времени почти во всех национальных парках, я подтвердил, что дело обслуживания туристов в них поставлено, можно сказать, на широкую ногу.

— Вы ограничены временем, и у вас нет возможности переезжать из парка в парк на автомобиле? — оживленно и не без иронии подхватил министр. — Какой вопрос! Вы можете летать в парки на самолете, и на каждом аэродроме вас будет ждать машина. Вы не хотите объезжать парк в туристском микроавтобусе с 3—5 случайными спутниками, а желаете созерцать животных в одиночку? Пожалуйста! Арендуйте машину любой марки и катите по парку один или в сопровождении опытного проводника. У вас своя компания друзей, и вы не хотите ночевать в отеле и ужинать в шумном разноязычном обществе туристов? Тоже не проблема! В парках отведены места для кемпингов, и туристская компания может раскинуть для вас одну, две, три палатки со всеми удобствами, вам подадут на ужин блюда не из стандартного ресторанного меню, а то, что вы пожелаете, — хотите черепаховый суп, хотите жаркое из мяса дикобраза.

— А сколько может стоить такое удовольствие?

— Прямо скажем, дороговато. Мы с вами вряд ли можем себе это позволить.

Как-то в районе Гариссы в Северо-Восточной провинции пришлось искать ночлег. Комиссар района, к которому я обратился за советом, порекомендовал остановиться в палаточном городке, организованном недавно одной туристской компанией на живописном берегу реки Тана. Палатки в городке оказались просторными, с верандами, газовыми фонарями, удобной легкой мебелью. Под большим тентом разместился ресторан с баром, и официанты в белых перчатках неторопливо накрывали столы к ужину. Справился, сколько будет стоить ночлег. Оказалось — 500 шиллингов. По тому времени это составляло двухмесячный заработок сборщика чая! Пришлось вернуться в Гариссу и переночевать в местном отеле, заплатив за комнату 10 шиллингов.

Почти все гостиницы в национальных парках Кении называются лоджами — Келагуни-лодж, Аруба-лодж, Самбуру-лодж. В переводе с английского «лодж» означает «охотничий домик», «сторожка», «хижина». На самом деле многие лоджи — капитальные сооружения и не уступают приличным отелям ни по удобствам, ни по ценам. С годами гостиницы в парках строятся все более комфортабельными. Тритопс, когда-то наиболее дорогой и потому считавшийся «отелем для снобов», давно уступил пальму первенства. Собственно, в Тритопсе нет искусно созданных интерьеров. Хорошо, что при его строительстве не срубили деревьев, не обрубали сучья: через одни комнаты проходят стволы деревьев, через другие — сучья. В коридорах сучья обиты шкурами животных, дабы туристы ненароком не набили шишек. Единственная примечательная деталь интерьера здесь бронзовая плита, на которой начертано, что время пребывания в Тритопсе английской принцессы Елизаветы совпало с провозглашением ее королевой Великобритании. В лоджах более поздней постройки интерьерам придается первостепенное значение. В целом интерьеры носят современный характер — большие окна, низкие столики и кресла, камин. Но дизайнеры с большим знанием и вкусом используют национальные художественные традиции, широко применяют местные материалы. Если в жилых комнатах «африканский колорит» создает коврик из сизаля, абажур из полый тыквы или

незатейливая картинка на стене — вышитый соломкой на коре банана рисунок, то в холлах, в ресторанах — шкуры зебр, редких антилоп, чучела животных, рога газелей, головы львов, буйволов, пепельницы из ноги слона, панно из батика, масайские щиты и копья, знаменитые африканские маски и другие предметы народного искусства. Все это производит немалое впечатление.

Я спросил Кариуки, почему гостиницы в национальных парках называются лоджами, а не отелями, какими они на самом деле являются.

— Просто маленькая хитрость, — засмеялся министр. — Некто в Нью-Йорке, Лондоне, Токио или Франкфурте-на-Майне, собирающийся в поездку по Кении, листая туристский проспект, узнает, что он будет жить среди африканского буша по соседству с хищниками. Разжигает воображение, щекочет нервы? Безусловно! А вооруженные карабинами служители парков, провожающие туристов от машин до порога отеля? Многие из них забыли, когда последний раз стреляли. У туриста создается впечатление, что, посещая парки, он подвергает себя риску. Это льстит самолюбию. Так уж устроен современный человек. Почему бы нам не пойти ему навстречу? Живя в Кении, вы когда-нибудь пользовались москитной сеткой? Нет! Но такие сетки в лоджах висят над каждой кроватью.

Действительно, москитные сетки висят, но те, кто постоянно живет в Кении, ими не пользуются. В засушливых районах страны комаров и прочих кровососущих не больше, чем в лесах Подмосковья, не говоря уже о сибирской тайге. Верно, один раз мы порядком струхнули. Было это в Масаи-Мара. В машине с проводником остановились фотографировать буйволов. Для удобства опустили стекла. Сняв животных, двинулись дальше. И тут обнаружили, что в машине полным-полно мух с желтоватыми крыльями. Спросили проводника, что это за мухи.

— Цеце, — спокойно ответил он.

— Как цеце? Это же опасно!

— Опасно? В принципе да. Но из многих тысяч мух лишь одна может быть переносчиком сонной болезни, к тому же сейчас в нашем районе эпидемии нет, масаи не жалуются на болезнь скота. А впрочем, откройте окна и езжайте побыстрее, мухи вылетят.

Так мы и поступили. Мухи вскоре вылетели, и никто из нас сонной болезнью не заболел. В машине, по-видимому, не оказалось той самой одной из многих тысяч...

БЕСПОКОЙНОЕ ПЛЕМЯ

Может сложиться впечатление, что путешествовать по Кении, посещать ее национальные парки могут позволить себе лишь богачи. На самом деле это не так. Подавляющее большинство иностранных туристов — люди средних слоев: клерки, врачи, учителя, люди так называемых свободных профессий и очень много пожилых супружеских пар, вдов и вдовцов пенсионного возраста. Миллионеры, прилетая в Кению, предпочитают отелям палатки и путешествуют как, к примеру, английский наследный принц Чарльз, по пустынным северным районам на верблюдах. Экзотика в наш век машин и бешеных скоростей — самое дорогое удовольствие! Как-то я разговорился с представителем западногерманской авиационной компании «Люфганза» в Найроби.

— О, вери гуд! Мы делаем здесь хорошие деньги.

— Каким образом? Перевозите богатых бизнесменов?

— Вовсе нет. Мы зарабатываем на туристах.

Немец пояснил механизм коммерческих взаимоотношений между различными компаниями. Оказалось, что туристу из ФРГ десятидневный тур по Кении обходится не дороже, чем обычному пассажиру авиабилет от Франкфурта-на-Майне до Найроби: рейсовые самолеты нередко вынуждены летать полупустыми, а туристские компании договариваются о чартерных рейсах, то есть рейсах, когда все места в самолете проданы, но с максимальной скидкой. На тех же условиях перевозят туристов внутри страны, размещают и кормят в отелях. Отели в Кении и особенно лоджи в национальных парках в наиболее благоприятное для путешествий время бывают полностью зарезервированы на два-три месяца вперед. Таким образом, компании получают выгоду, а турист, оплативший лишь стоимость авиабилета, десять дней путешествует по Кении — купается в Индийском океане, любитесь дикими животными в парках, живет в комфортабельном отеле — как бы бесплатно. Раз в жизни это может позволить себе и клерк и пенсионер.

Европейцы, постоянно живущие в Кении, нередко

*Слоны у порога отеля
Тритонс в национальном
парке Абердэры.*

*Этот носорог не боится
людей и даже позволяет
«оседлать» себя.*

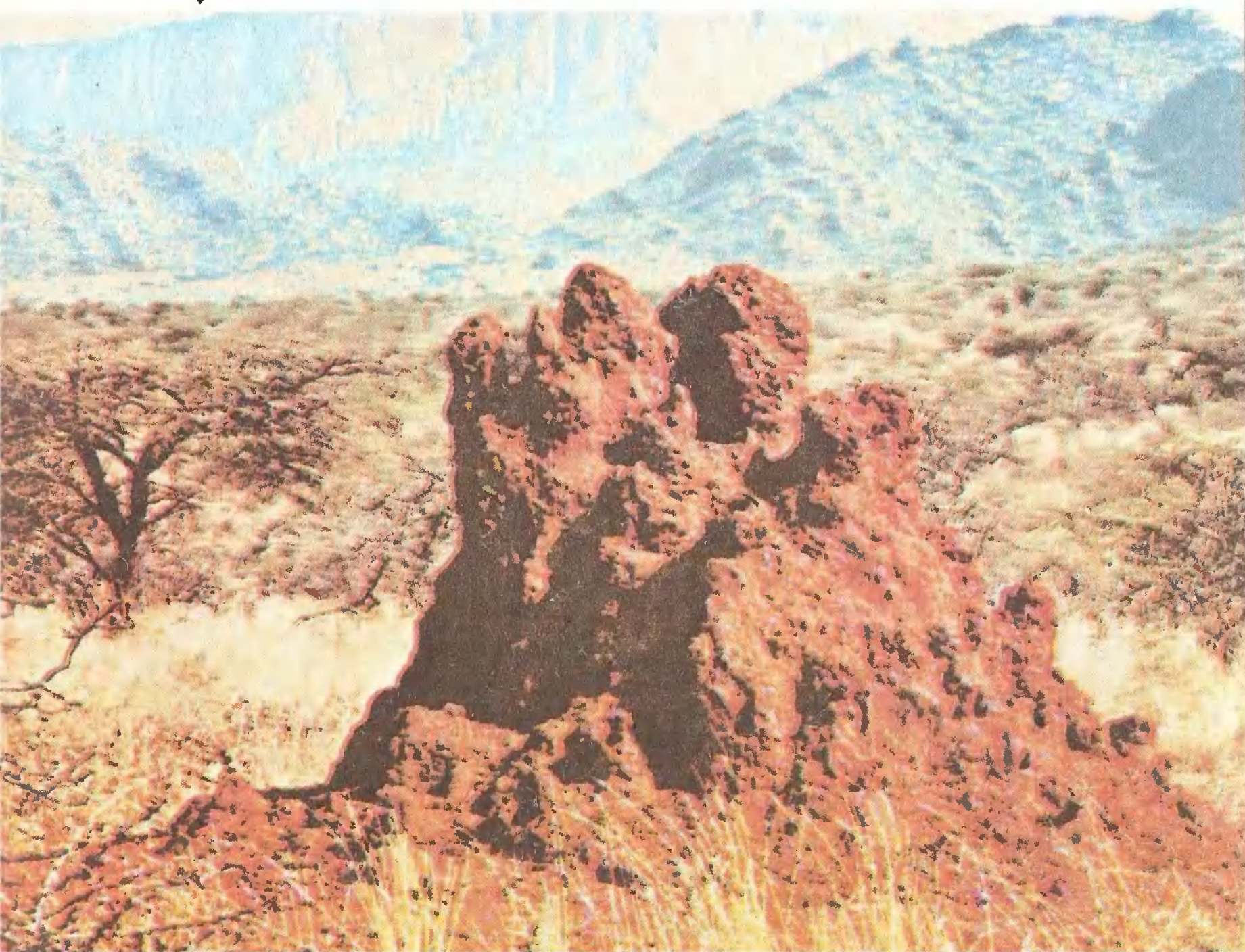
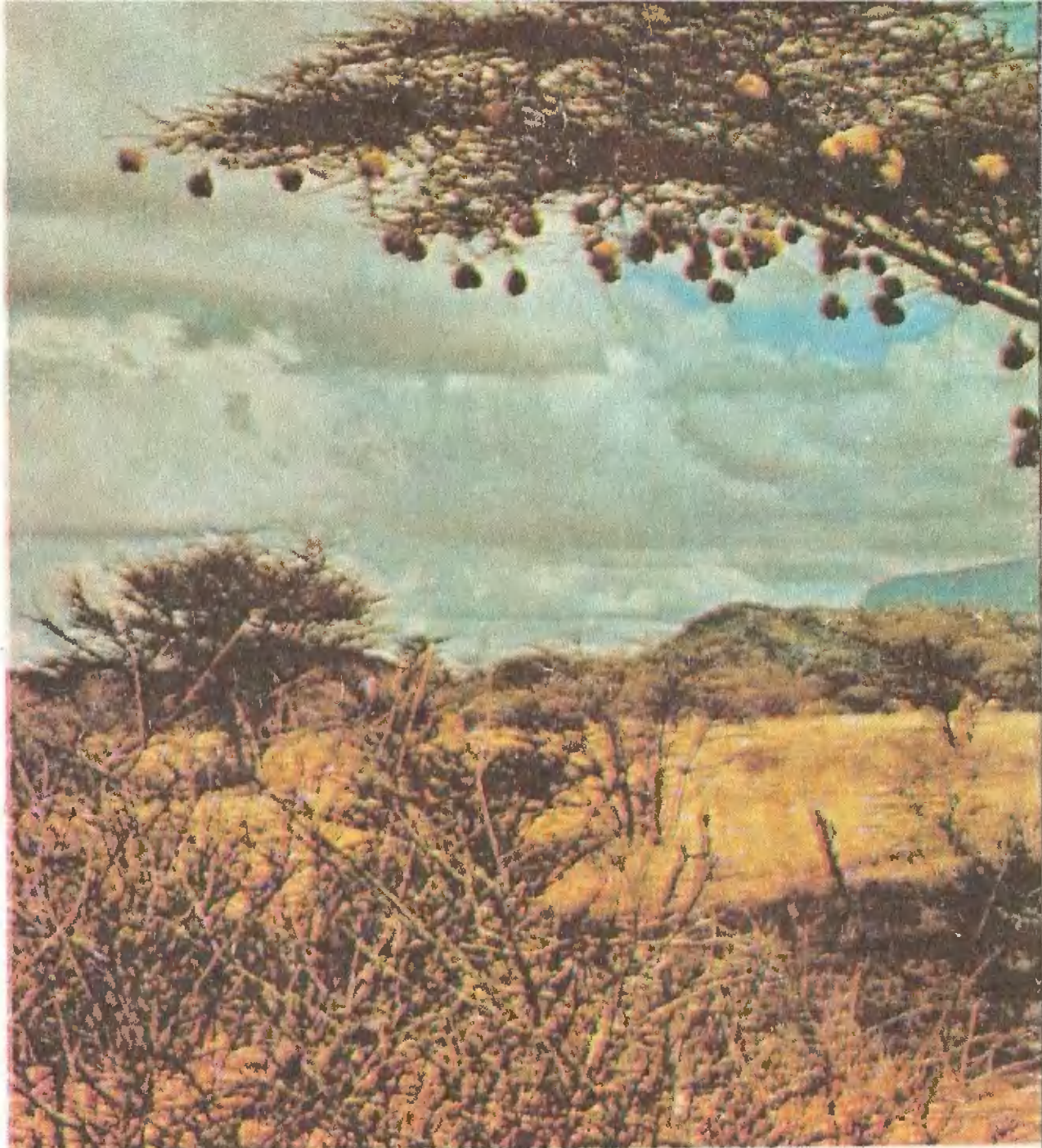

Венценосные журавли, пеликаны и другие птицы на газоне одного из туристических отелей.

Розовые фламинго на озере Накуру.

Типичный представитель африканской саванны — терновое дерево с гнездами птиц-ткачиков.

Красные холмики термитников оживляют ландшафт полупустынной саванны.

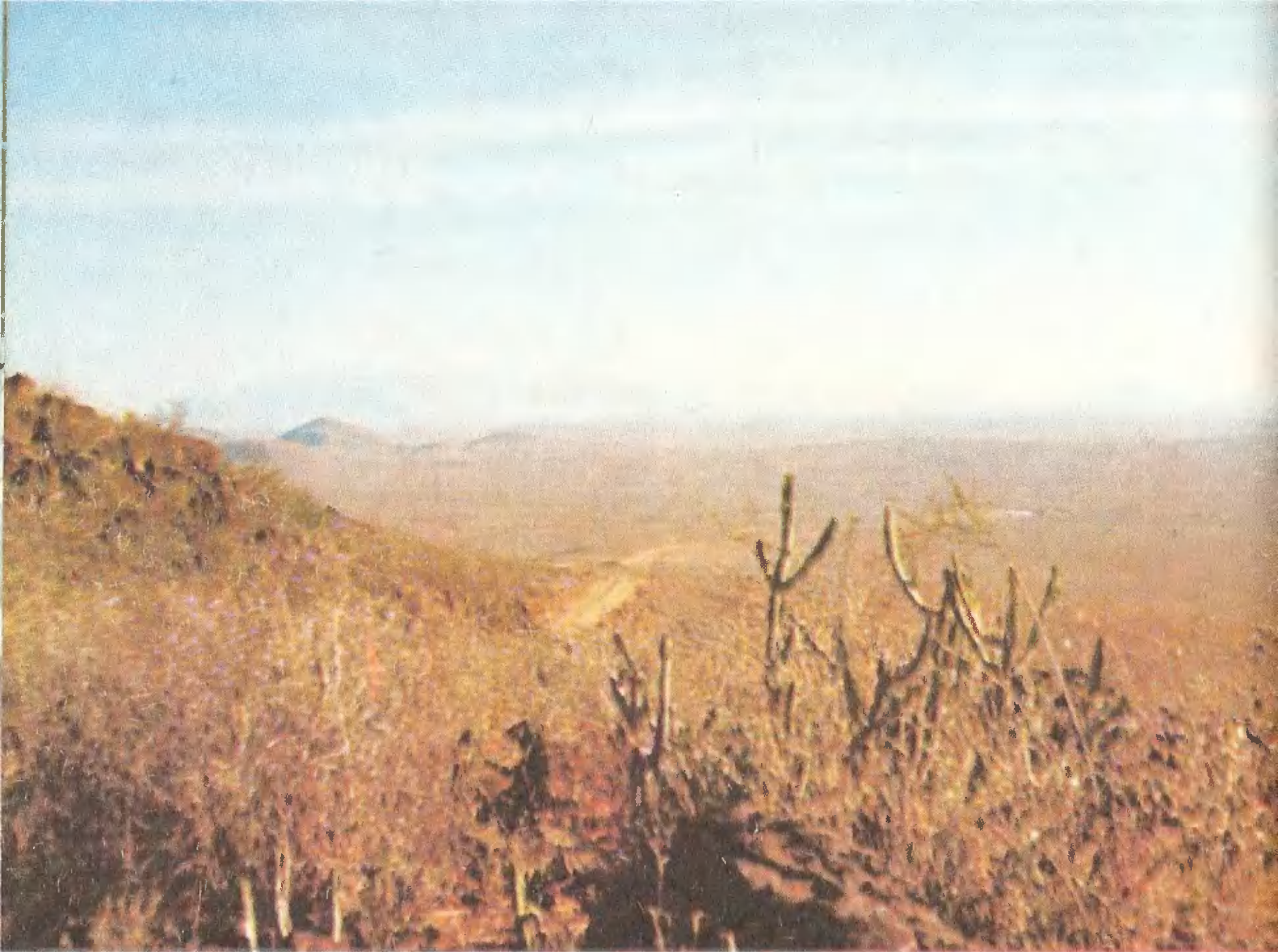
У озера Наиваша.

*После первого
дождя сухие
колючие
кустарники
покрываются
зеленым пушком.*

*Трудно поверить,
что тонкий росток
(на первом
плане) со
временем станет
гигантским
баобабом
(второй план).*

*Неоглядные дали
рифтовых долин.*

*Саванна в
национальном
парке Самбуру.*

*Горное озеро в
окрестностях
Марсабита.*

Голова франколина.

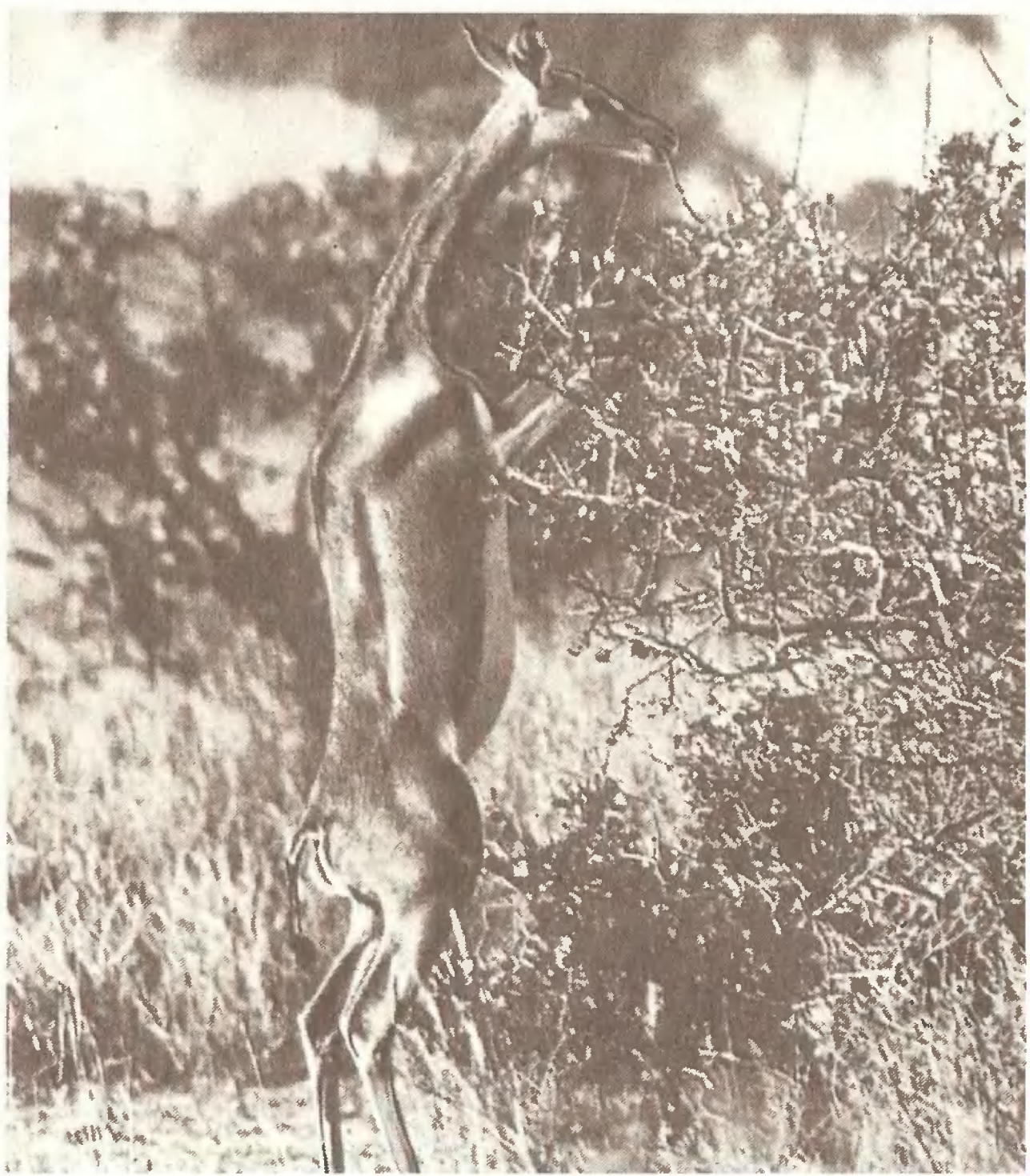

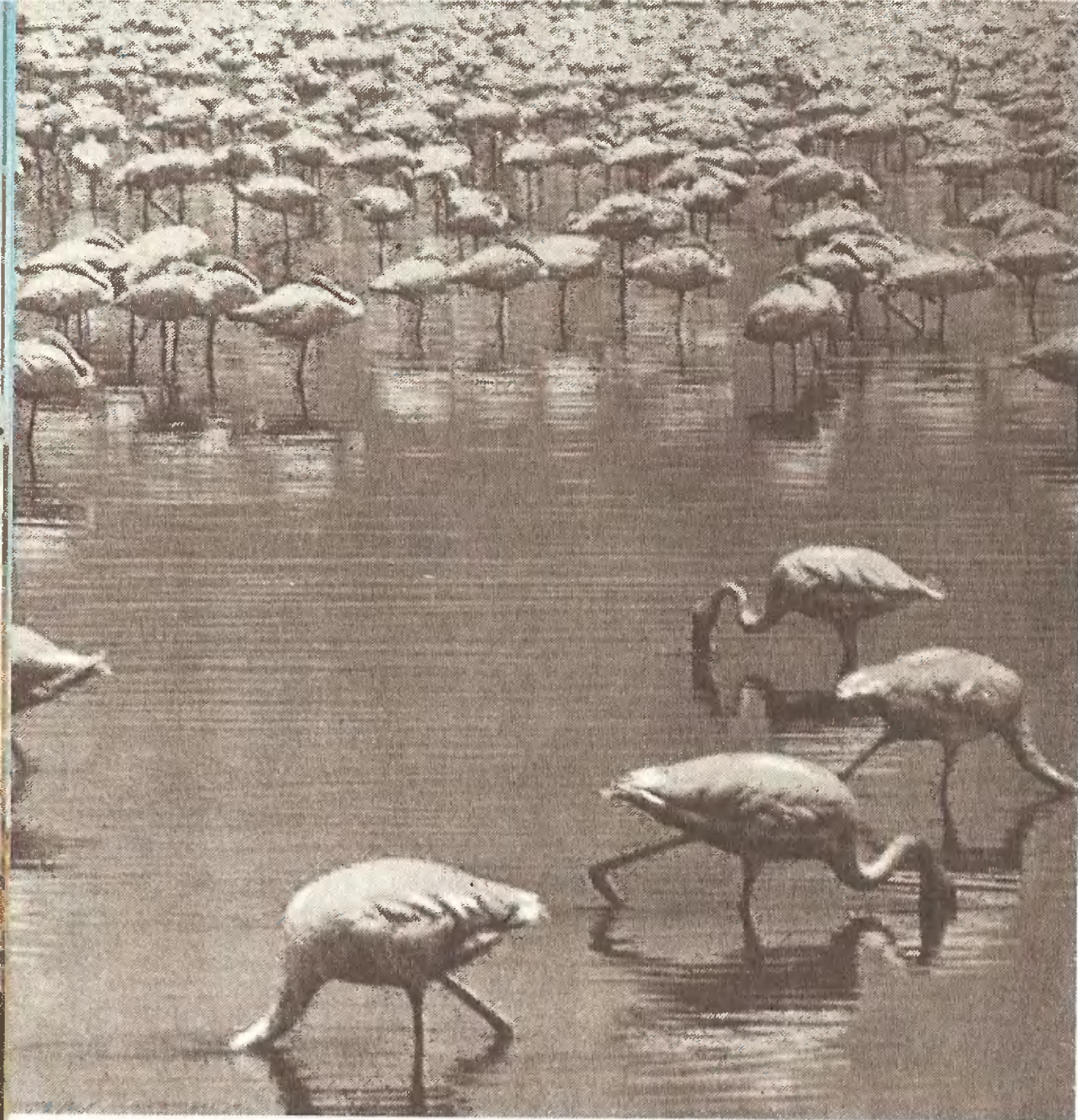

*Буйволы на
свежей траве.
В течение месяца
трава станет
настолько высокой,
что почти скроет
животных.*

*Антилопа большое
куду считается
«Аполлоном»
среди антилоп.*

*Стоя на задних
ногах, антилопа
геренук запросто
объедает
листья и ветви
высоких
кустарников.*

*Ни одно зрелище
не может
сравниться с
видом тысяч
розовых фламинго.*

*Такие сосуды для
хлеба, фруктов,
орехов плетут из
сизаля.*

*Пеликаны в
полете.*

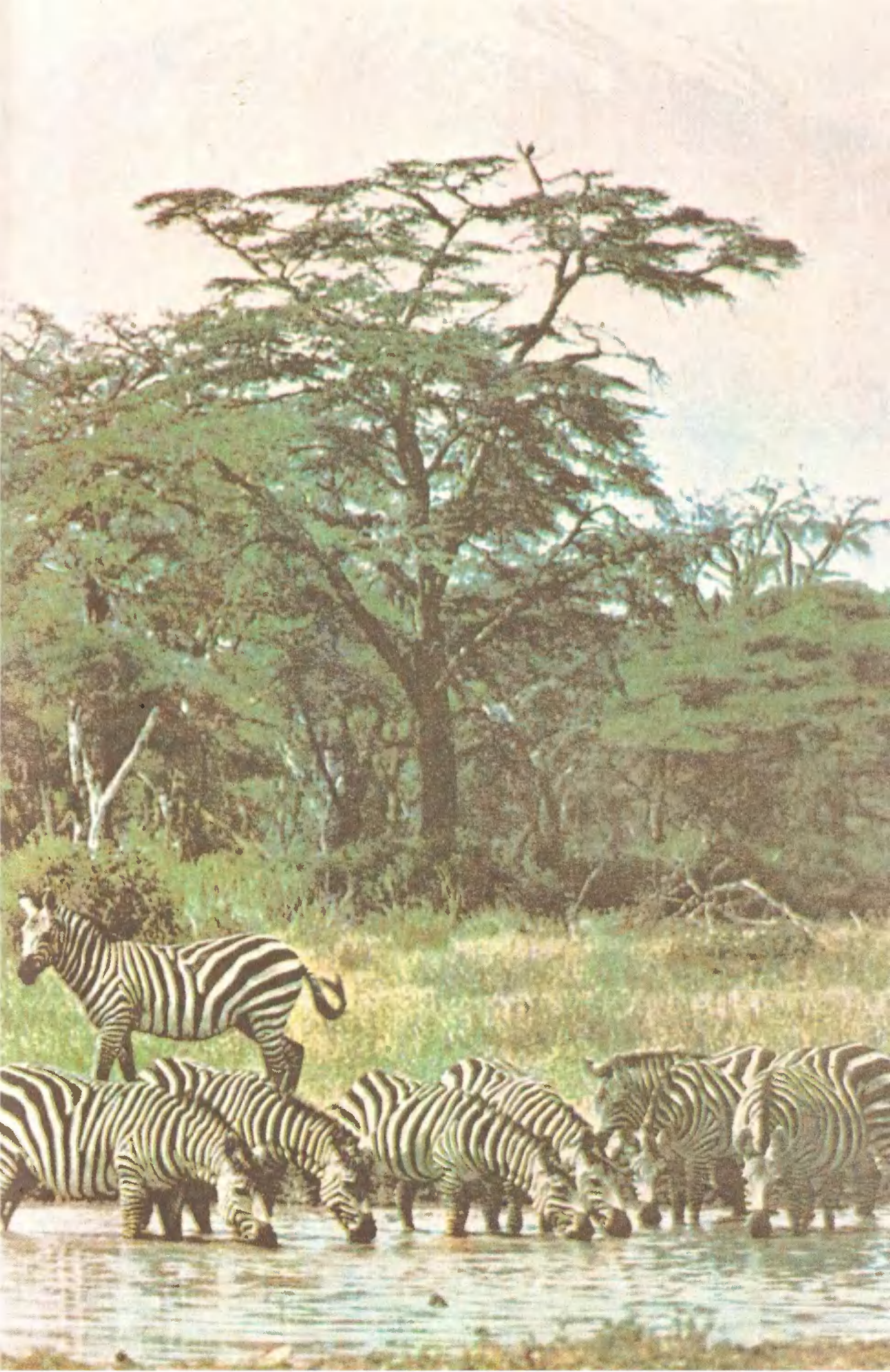

*Антилопы канна
пасутся вместе с
домашним скотом.*

*В высокогорных
районах Кении
растут
гигантские
крестовики.*

*Снежная шапка
Килиманджаро
служит прекрасным
фоном для зебр
в парке Амбосели.*

Этот исполин с могучими рогами сфотографирован 10 лет назад, когда в Кении насчитывалось 15 тысяч носорогов, сейчас их осталось полторы тысячи.

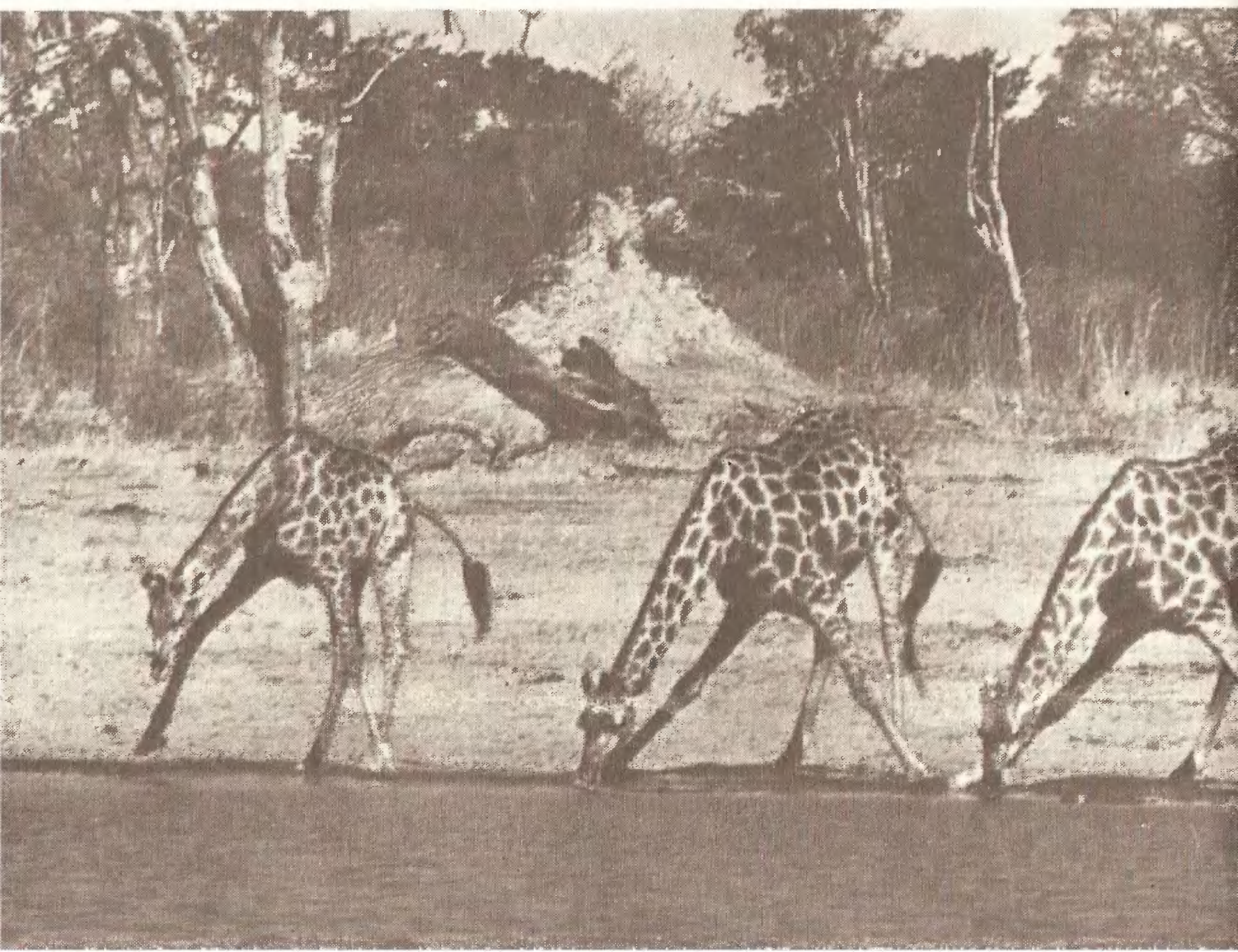
Так транспортируют жирафу, отловленную для зоопарка.

Кочевники-масаи ведут стадо на водопой.

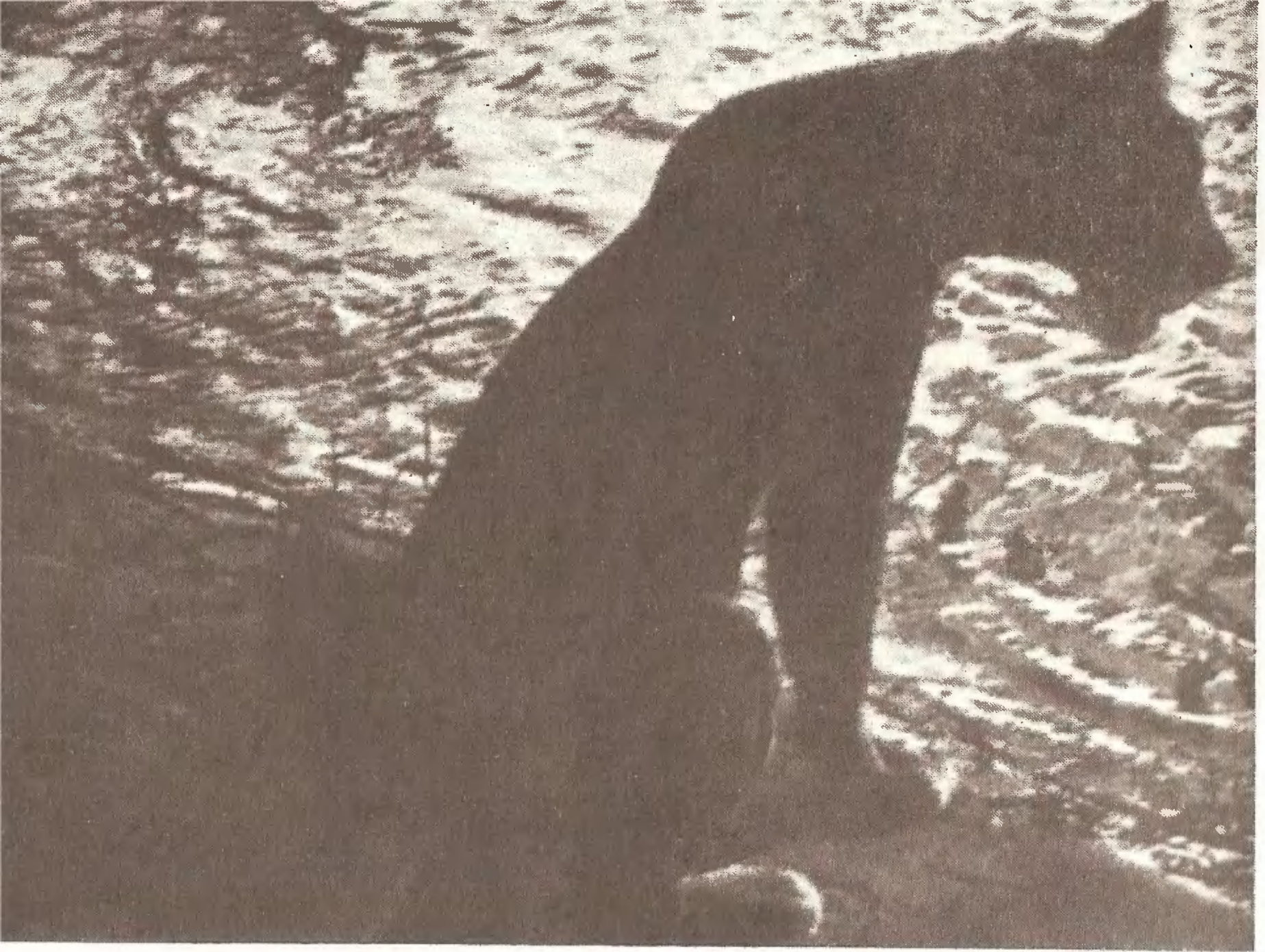

*Верблюды и
жирафы
на водопое.*

Джой Адамсон с львятами.

Эльса не боялась воды и даже плавала в море.

Джой «разговаривает» с Эльсой.

«Тебе хорошо живется?» Джой и львица.

*Джой играет в
мяч с гепардом
Пиппой.*

*Пятнистый
сфинкс.*

*Так путешествовала
Эльса по саванне.*

Один из воспитанников Джорджа на скале.

Джой со своей последней подопечной — Пенни.

Сейчас Джой будет кормить морковкой горных даманов.

*Джордж Адамсон
ведет львов на
прогулку.*

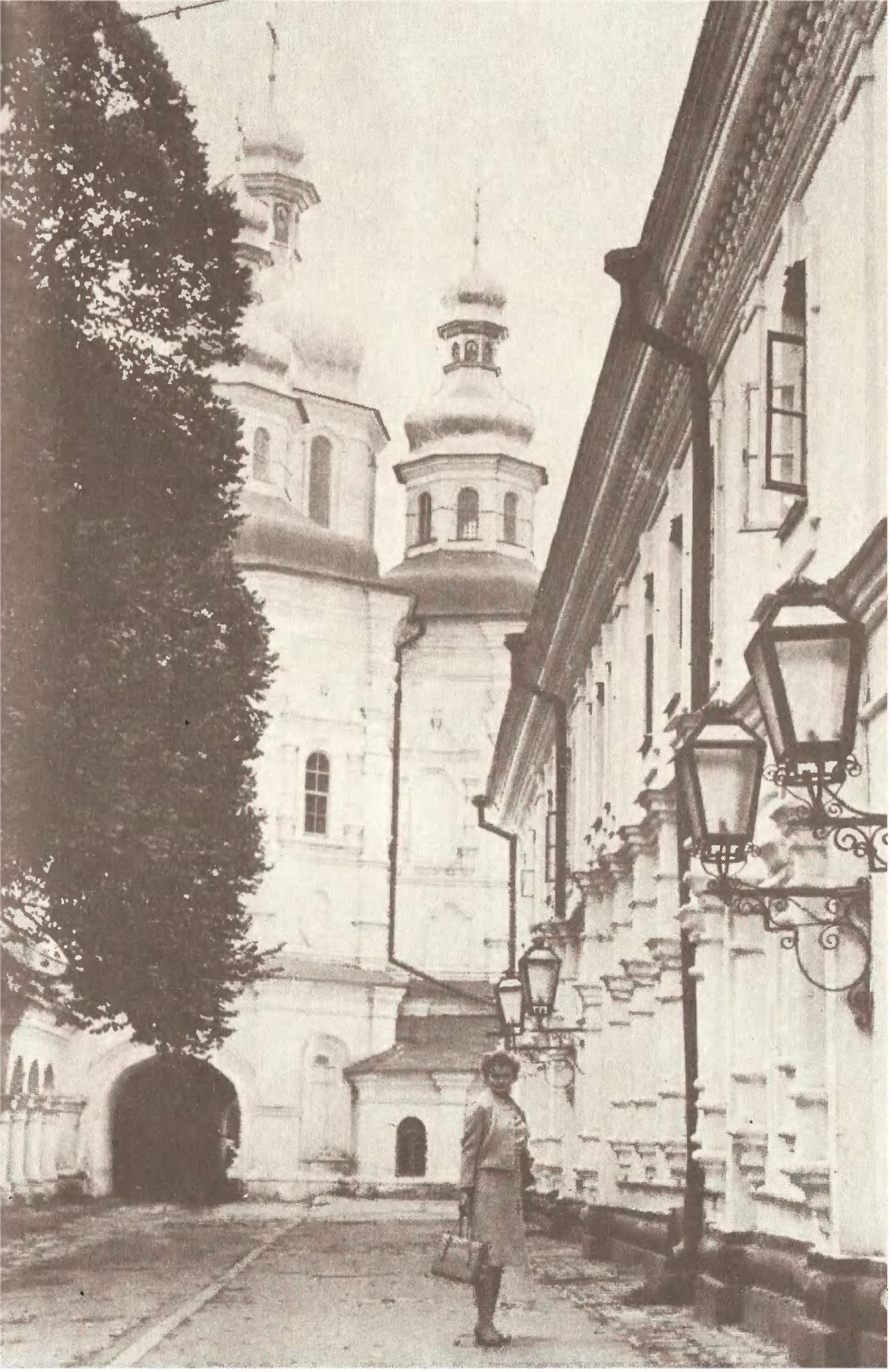
*Джой и Джордж
на реке Тана.*

В присутствии Джорджа лев Бой позволял погладить себя и посторонним.

Джой Адамсон в Киеве. 1973 г.

Эльса на раскладушке.

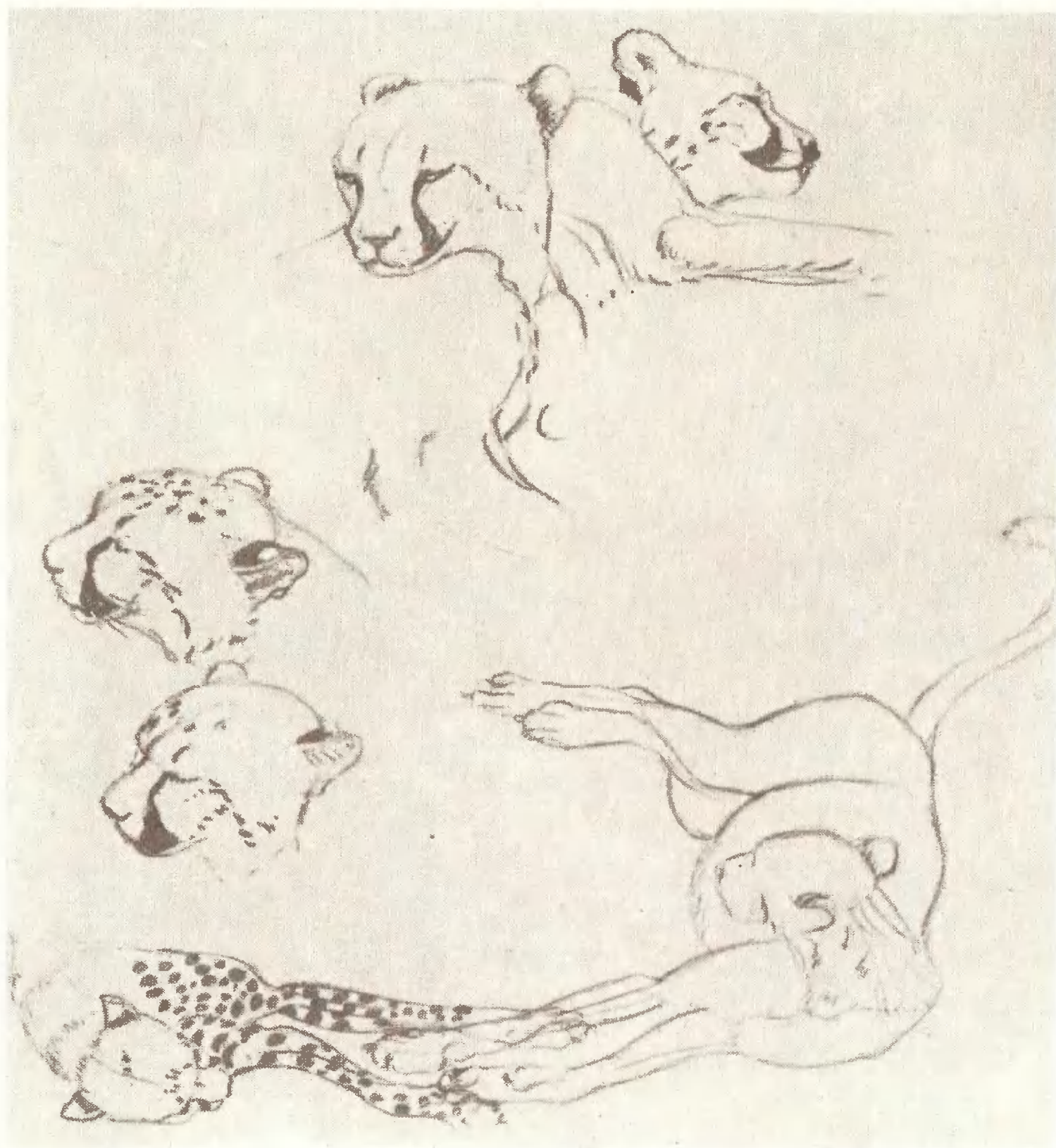
Львы.

Он стал воином.

*РИСУНКИ
ДЖОЙ АДАМСОН.*

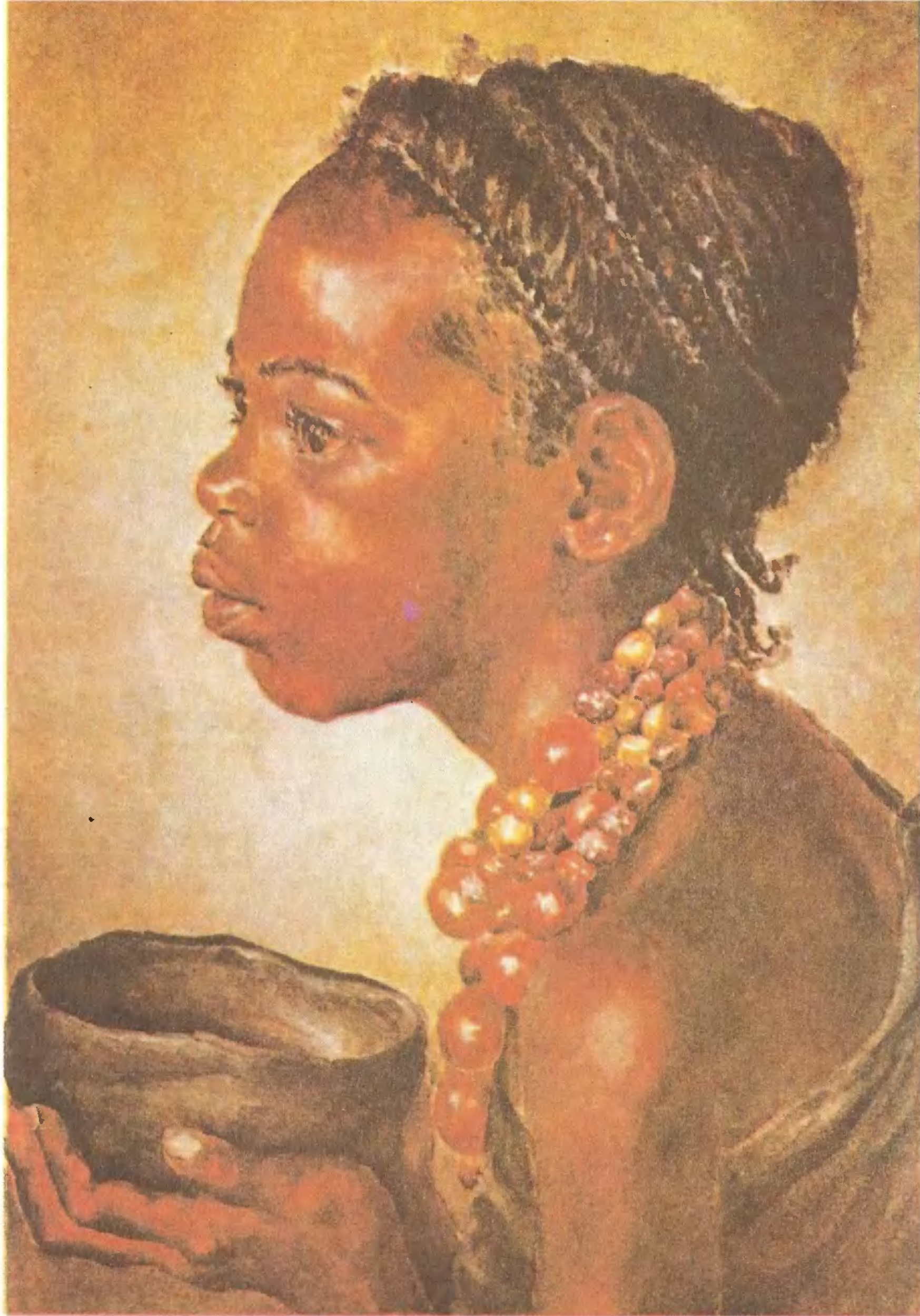

*Военный вождь
племени.*

Гепарды.

РИСУНКИ
ДЖОЙ АДАМСОН.

Девочка с чашей.

Африканская мадонна.

иронизируют над туристами, подсмеиваются над их «стадностью», шумливостью, наивностью, восторженностью. Туристы часто восхищаются тем, чем постоянные жители давно перестали восхищаться. «Ах, масаи! Ах, мораны!» — щебечут хорошо причесанные, искусно подкрашенные старые дамы при виде двухметровых красавцев в красных туниках с яркими щитами и сверкающими копьями.

Конечно, иронизировать над туристами нетрудно, повод всегда найдется. С другой стороны, туристам, особенно людям преклонного возраста, нельзя отказать в известной доли храбрости. Все-таки Африка остается Африкой, экватор — экватором, расстояние — расстоянием, дикий зверь — зверем. А ведь спокойно могли доживать век и коротать время в ливерпульских или гамбургских квартирах, сидеть у телевизоров или убивать скуку игрой в бридж.

С завидной выдержкой и терпением туристы колятся по красным грейдерным дорогам национальных парков на четырех-шестиместных автобусах, как правило, раскрашенных под зебру. Одновременно таких автобусов оказывается в парке не один десяток, однако в большинстве парков скопления машин не бывает. Достигается это отличной организацией дела. Вся отведенная для осмотра территория парков, как правило, разбита на квадраты. Отбывая почти одновременно рано утром (на экваторе круглый год светает в одно и то же время — в половине седьмого) от главного подъезда лоджа, автобусы разъезжаются в разных направлениях, придерживаясь строгого расписания. Один двигается в квадрат А, другой — в квадрат Б, третий — в квадрат С и т. д. После осмотра квадрата А автобус переезжает в квадрат Б тогда, когда прибывший туда первым автобус, в свою очередь, двинулся в квадрат С. Африканцы — проводники туристских групп прекрасно знают, какие места в парке предпочитают те или другие животные. Кроме того, встречаясь на дорогах, они обмениваются информацией, и вскоре все проводники оказываются хорошо осведомленными: где находятся и чем занимаются львы, слоны, носороги, жирафы...

Турист в восторге. Впечатлений хватит до конца жизни. Однако туристу часто и невдомек, что увидел он лишь часть богатейшего животного мира Африки: львов, слонов, носорогов, буйволов, бегемотов, жираф, зебр, антилоп-гну, газелей Томсона, импал. Далеко не всегда

встречаются крокодилы, сетчатые жирафы, зебры Грэви, геренуки, дик-дики, большие и малые куду, бонго, ориксы, гиеновые собаки, гепарды, колобусы... Побывав в Цаво, он наверняка видел сотни различных птиц, ибо пернатый мир здесь богат, как нигде, — в Цаво 450 видов птиц. Но узнает и запомнит скорее всего лишь страуса, грифов, марабу, птицу-секретаря, поскольку о других видах мало что знает. И конечно же, умилился при виде белых аистов, тех самых, которые отыскивают лягушек на всех лугах Европы.

Турист видит животных в национальных парках вблизи дорог. Ему не приходится наблюдать тех же животных в глубине африканского буша, в полупустынях Северной Кении. Вряд ли ему удастся увидеть тяжелый галоп стада ориксов с совершенно прямыми, как шпаги, рогами, напуганных внезапно появившейся машиной; стремительный бег-полет импал, заметивших вблизи пастбища человека: в высокой траве видны лишь головы и рога вытянувшегося в линию большого стада, которое через считанные минуты вдруг появится на дальних, окутанных фиолетовой дымкой холмах. Даже в Амбосели не всегда повезет увидеть сказочную картину: медленно бредущее стадо слонов на фоне ослепительно сверкающей снежной шапки Килиманджаро — гора не каждый день открывает свою вершину. Много чего еще не увидит турист. Скрытая жизнь буша с ее драматическими сценами, как правило, недоступна ему.

Будем, однако, справедливы и снисходительны: ни за десять дней тура, ни за месяц, ни даже за год «дикую жизнь» не узнаешь. Но и увиденное навсегда останется в благодарной памяти человека неравнодушного и не раз будет согревать его сердце надеждой в минуты тревожных раздумий о судьбе животного мира на нашей планете.

СТРЕЛЯТЬ ИЛИ НЕ СТРЕЛЯТЬ?

В тот год национальный парк Цаво являл собой печальное зрелище. Деревья стояли черными, без единого листочка. Многие были повалены, их объединенные и засохшие стволы и ветви белели на красной земле с выщипанной и вытоптанной травой, как старые кости на поле брани. Жесткий, колючий кустарник перепутан, местами объединен до самой земли так, что остались одни пеньки. Даже великаны баобабы стояли с ис-

калеченными, выдолбленными стволами. В небе не парили, как обычно, грифы, высматривающие добычу. Сытые птицы дремали на скалах и высохших деревьях. Ветер разносил сладковатый трупный запах. В парке гибли слоны! Это они, спасаясь от голода и жажды, повалили деревья, объели кустарник, уничтожили траву, искромсали стволы баобабов, добираясь до влажной пульпы. В следующем году трагедия повторилась. Склад научного центра в Цаво — просторный двор площадью в полгектара — от края до края оказался заваленным тысячами слоновых черепов, собранных на территории парка. В Цаво погибло 6 тысяч слонов — почти треть популяции, обитавшей здесь.

Причиной бедствия явилась жестокая засуха и чрезмерная концентрация слонов на территории парка. Над засухой человек пока не властен, а вот плотность животных он может регулировать. Встал вопрос об отстреле части слонов. Но какая буря поднялась! В газетах появились статьи: «Готовится бойня», «Начало конца национальных парков», «Грубое вмешательство в природу», «Не допустить злодеяния!» Судьба слонов в Цаво стала темой жарких дискуссий в научных кругах, дебатов в кенийском парламенте. Многие общественные деятели, представители интеллигенции, натуралисты выступали за невмешательство в жизнь животных в национальных парках. «Природа сама справится со своими проблемами, не надо только ей мешать». На этих позициях стояла и Джой Адамсон, взгляды которой я в ту пору полностью разделял. Голоса экологов, выступавших за регуляцию численности животных, утонули в хоре протестов, и власти не пошли на радикальные меры: в 1971—1972 годах в Цаво было отстрелено всего 300 слонов. А когда прошли дожди и все покрылось свежей зеленью, сработал механизм авторегуляции, и популяция слонов в парке стабилизировалась. Общественность успокоилась.

В начале 1973 года в Найроби приехала делегация советских ученых-биологов во главе с известным зоологом, путешественником и деятелем по охране природы профессором Андреем Григорьевичем Банниковым. Делегация знакомилась с работой национальных парков, ездила в Цаво, встречалась с кенийскими и зарубежными учеными, работающими в области охраны животного мира и природных ресурсов. Было очень интересно узнать мнение советских ученых о проблемах охраны

природы в Кении. Андрей Григорьевич рассказывал много интересного, особенно из области научных исследований, ведущихся в парках. Вот, например, меченье животных. Даже неспециалисты знают о нем, а зоологи хорошо понимают, сколь важна широкая постановка этого дела. Но надевать на шею диких животных специальный пластиковый ошейник или укреплять в ухе цветную метку и трудно, и ненадежно, и опасно, ибо при отлове животное может быть травмировано. Африканские зоологи нашли оригинальный способ опознавать животных без всяких меток. Нет двух совершенно одинаковых людей, и нет, оказывается, двух одинаковых животных одного вида: рисунок окраски животного уникален и неповторим. В Цаво на каждое животное заведено «досье» — на фотографиях или рисованных схемах отмечены те особенности, которые позволяют опознать именно это животное. Ему дается порядковый номер, а затем на карте регистрируется каждая встреча с ним. Такой метод особенно результативен, в отношении полосатых и пятнистых зверей — зебр, жираф, куду, гепардов, леопардов. Андрей Григорьевич просмотрел пачку досье, заведенных на слонов, и убедился, что сравнительно легко можно держать в памяти десятки и сотни животных, которые на первый взгляд кажутся одинаковыми.

— Ну а что вас, как ученого, больше всего беспокоило в заповедном деле в Кении? — спросил я профессора.

— Проблема слонов в Цаво!

— Как? Она решилась сама собой. Мне рассказывали, что в парке сейчас слонов столько же, сколько было до катастрофы двух последних лет — примерно 20 тысяч.

— Вот это-то и беспокоит.

— ?

Андрей Григорьевич рассказал о том, что считается африканскими зоологами «проблемой номер один».

Когда в Африку из Европы нахлынул поток переселенцев и разного рода авантюристов, слонов беспощадно истребляли ради слоновой кости. Кроме того, рубка леса, распашка и освоение земель ограничивали и сужали круг привычных мест обитания слонов, нарушали привычные миграционные пути. Численность слонов повсеместно катастрофически сокращалась, и к началу XX столетия африканский слон оказался на грани исчезнове-

ния. Запрет бесконтрольной охоты в 1933 году не ликвидировал опасности: масса слонов продолжала гибнуть от пуль браконьеров. Лишь создание в 20—40-х годах нашего века национальных парков и резерватов существенным образом изменило положение, и слоны обрели надежное убежище. В короткий срок национальные парки приютили почти все сохранившееся к тому времени поголовье. К началу 60-х годов в Африке насчитывалось уже более 200 тысяч слонов. При этом продолжалась концентрация слонов на заповедных территориях. Вот тогда-то и возникла «проблема номер один», а проще говоря, перенаселение, нехватка пищи и воды.

Слоны неприхотливы в выборе кормов, они поедают более 500 видов травянистых растений, кустарников и деревьев, едят листья, ветви, плоды, кору, корни. Однако, учитывая их вес (до 7,5 тонны!), пищи им требуется много. Подсчитано, что один слон в течение года съедает растительность с площади около 5 квадратных километров. В Цаво же их плотность составляет: 1 слон на 1 квадратный километр. Такая концентрация в Африке раньше не наблюдалась. Жизнь слонов протекает в странствиях. Во время дождей они приходят в саванны, в засушливый сезон уходят в леса, в горы, поднимаясь иногда на высоту до 3 тысяч метров. Я видел слонов на такой высоте на горе Кения. Мы поднимались на «газике», и как раз на отметке 3 тысячи метров машина забуксовала, мотор начал чихать и глохнуть, вода в радиаторе закипела. Пытались пешком подняться до привала, но где там: ноги скользят, дышать нечем. Воздух до предела был насыщен влагой, и, казалось, мы не дышали, а пили ароматный настой из тропической растительности. Двигаться вверх мы не могли и остановились на обочине передохнуть. И тут мы увидели слонов — хорошо упитанных серых великанов. Высота, разреженный влажный воздух их, видимо, не смущали, они неторопливо лакомились свежими листьями.

В наше время миграциям слонов положен конец. На привычных путях их встречают бдительно охраняемые плантации кофе, чая, сизаля, пшеничные поля, животноводческие фермы. Волей-неволей слоны вынуждены перейти к оседлому образу жизни, питаться тем, что растет вокруг. Большую часть года слоны нуждаются в водопоях. В период засух они сосредоточиваются около немногих источников, уничтожая всю окрестную растительность. Перенаселение приводит к двум тяжелым по-

следствиям: во-первых, ухудшается общее состояние популяции (падает упитанность, увеличиваются интервалы между родами, замедляется наступление половой зрелости, слоны чаще болеют); во-вторых, в неблагоприятном направлении изменяется биогеоценоз — качественно определенный природный комплекс. Перенаселение значительно ухудшает условия существования и других животных — жирафов, носорогов, некоторых антилоп, буйволов. Лесистые местности превращаются в бедные луга (злаковники) и даже полупустыни. Лесные животные исчезают: зебры и гну вытесняют куду и ориксов, привлекательность парка для туристов снижается.

В случае новых засух Цаво как резерват слонов может быть надолго выведен из строя. Национальный парк потеряет свою уникальность, и ехать туда станет неинтересно, — закончил свой рассказ Андрей Григорьевич.

— Где же выход?

— Необходимо искусственное регулирование численности слонов, изъятие лишнего числа животных.

— Значит, отстрел?

— Да не бойтесь вы этого слова! Кстати, не думайте, что отстрел слонов простое и легкое дело. Уцелевшие животные могут стать чрезвычайно пугливыми. Это затруднит их наблюдение и фотографирование, а, собственно, ради этого приезжают сюда туристы. Есть еще одна опасность — могут остаться ненайденные подранки, которые становятся весьма агрессивными и нападают на людей, автомашины, кемпинги. Ученые ищут оптимальные способы регулирования численности слонов, но изъятие лишних слонов совершенно необходимо. Здравый смысл экологов обязательно победит.

Советский ученый оказался прав. В 1973 году в Цаво было изъято около 900 слонов, и с тех пор регуляция численности животных проводится ежегодно. Конечно, экологам виднее, но не хотел бы я быть на месте тех, кому приходится проводить «изъятие» лишних слонов, убивать великанов на их собственной земле.

В национальных парках немало трудных проблем. Опасно перенаселение отдельных видов животных. Но есть «перенаселение» и другого рода — чрезмерная насыщенность отдельных парков посетителями. От наплыва туристского транспорта особенно страдают небольшие по территории и расположенные близко от столицы парки. Национальный парк Найроби, к которому

почти вплотную примыкают городские новостройки, по существу, превращается в зоосад. Животным в нем становится тесно, неудобно, и они стремятся покинуть его. А уходить, собственно, некуда: это единственный парк, огороженный с двух сторон, а с двух других к парку примыкают обжитые и плотно заселенные местности. Покидая парк, животные обрекают себя почти на верную гибель. Один из самых привлекательных по насыщенности разнообразными животными парк Самбуру в последние годы стал настолько популярным, что в воскресные дни движение машин на его красных дорогах напоминает движение на улицах Найроби. Подобное «перенаселение» отрицательно влияет на животных: нарушается среда их обитания, неестественно протекают все жизненные процессы — размножение, питание, смертность. «Туристская эрозия» волнует ученых. Они считают, что в парке должно быть три зоны: зона покоя, зона массового посещения и промежуточная, или буферная зона. При этом зона массового посещения не должна превышать 5 процентов от площади парка.

У кенийских властей не исчерпаны возможности для расширения площади национальных парков. Большинство их, за исключением горных, находятся в засушливых районах не пригодных для земледелия, здесь можно встретить лишь редких скотоводов-кочевников. По сравнению с кочевым скотоводством национальные парки благодаря туризму приносят стране несравненно больший доход. И что очень важно — увеличивается занятость населения: в парках в качестве охранников, егерей, проводников туристских групп, служащих отелей и кемпингов работу находят значительно больше людей. Таким образом решаются не только экологические, но и социальные проблемы.

Для сохранения некоторых парков, таких, как найробийский, Самбуру, утверждают зоологи, необходимо ограничить доступ в них. В некоторые парки предлагают продавать билеты на определенное количество автомашин в день, как в театры продают билеты строго по числу мест. Нечто подобное в Кении уже есть. Морской парк Малинди на побережье Индийского океана открыт для туристов только в дневные часы, посетителей на больших лодках со стеклянным дном, провозят по определенному маршруту. Для более близкого знакомства с подводным царством предоставляют акваланг, маску, ласты. Ружей для подводной охоты, разумеется, не пред-

лагают: ловить рыбу, моллюсков или других животных, обламывать «на память» веточки кораллов строго запрещено.

ВЫСТРЕЛЫ В ЗАПОВЕДНОМ БУШЕ

В одну из поездок на озеро Рудольф в полупустынной местности между Маралалом и Барагой, где мы сбились с дороги и долго плутали (виной было стадо ориксов, за которым мы погнались, чтобы сфотографировать животных), неожиданно увидели под акацией слона, странно раскачивавшегося и вздрагивавшего всем огромным телом. Остановившись в нерешительности и, присмотревшись повнимательнее, мы увидели страшную картину: задняя нога слона была схвачена стальной петлей, привязанной к обломку дерева. Раненая нога превратилась в кровавое месиво, в котором кишели личинки и зеленые мухи. При виде машины слон с невероятным усилием сделал шаг, волоча за собой стальной провод с обрубком дерева. Потом остановился, тяжело дыша, сделал еще шаг и снова надолго остановился, опустив голову и вяло качая хоботом. Сколько времени длилась его мука — неделю, две, месяц? Впервые в жизни я пожалел, что у меня нет оружия, чтобы прекратить мучения животного. До Барагой мы добрались лишь через несколько часов, на исходе дня. Мы рассказали о слоне полицейскому инспектору, который обещал рано утром отыскать и пристрелить слона, а потом попытаться найти виновника. У Екатерины Шевелевой есть такие стихи: «Ветер перемешивает Нарочь, ветер перемешивает озеро, ветер перемешивает на ночь все, что я на дно души забросила». В часы бессонницы, когда ветер воспоминаний перемешивает пережитое, я вижу слона со стальной петлей — немой укор человеческой алчности и жестокости.

Истребление животных, браконьерство в Африке — позорная страница истории цивилизации. Для разного рода авантюристов, контрабандистов, любителей легкой наживы животный мир Африки стал источником баснословных барышей, другие нашли здесь идеальный полигон для удовлетворения необузданной охотничьей страсти и тщеславия. Сколько из Африки вывезено слоновой кости, шкур леопарда, кожи крокодила, рогов носорога! Сколько истреблено животных! Несть числа! Печально известный шотландский охотник Джон Хантер, сам застреливший тысячи животных, упоминает об одном охот-

нике, в свое время убившем в Кении больше двух тысяч слонов.

По официальным данным кенийской таможенной статистики, с 1969 по 1976 год из Кении было вывезено почти 25 тонн рогов носорога. Много это или мало? Судите сами: для этого надо было убить 10 тысяч животных! Набеги арабов и португальцев во внутренние районы Кении за рабами и слоновой костью не привели к такой массовой гибели животных. Некоторые виды исчезли навсегда. Шведский профессор Карри-Линдаль утверждает, что за последние 250 лет в Африке полностью истреблено 14 видов млекопитающих, 4 вида птиц и 2 вида пресмыкающихся. Исчезновение с лица земли этих видов — огромная потеря для генетического фонда нашей планеты, и она целиком лежит на совести европейских колонизаторов. Кстати, у себя на родине европейские охотники и торговцы поступали осмотрительнее: за это же время в Европе исчезло 4 вида млекопитающих и 1 вид птиц.

Западные авантюристы и контрабандисты приучили и африканцев к браконьерству. С древнейших времен многие африканские племена занимаются охотой, кочевым скотоводством. И сейчас в той же Кении немало племен, которые кочуют по просторам саванны со своими коровами, козами, овцами, верблюдами, охотятся. Охотятся, а не истребляют! Раньше африканцы убивали животных ради пропитания. Из шкур делали одежду, бурдюки для перевозки и хранения воды, охотничьи щиты да еще знаменитые тамтамы. Убивали, защищая жилища и стада от хищников. До европейских пришельцев африканцы по-настоящему не знали цены слоновой кости. Ливингстон вспоминает, что посланцы вождя Легулатаба рассказывали ему, что в окрестностях озера Нгами загоны для скота строят из слоновых бивней необыкновенных размеров. В целом африканцы жили в согласии с природой, не нанося ей ущерба. В последние же десятилетия многие из африканцев оказались втянутыми в преступный бизнес. Недоброй памяти самозванный «император» Центральной Африканской Республики Бокасса и природу губил варварски: по его приказу снаряжались целые воинские экспедиции за слоновой костью, которая шла на оплату нелепых, но баснословно дорогих причуд диктатора. При другом диктаторе, Иде Аминне, был нанесен колоссальный ущерб животному миру Уганды.

Джордж Адамсон рассказывал мне разные истории о местных браконьерах. Поймать африканца-браконьера непросто: в отличие от белого авантюриста он прекрасно знает местность, повадки зверей, пути их миграции. Кроме того, соплеменники не выдавали нарушителей закона. Неуловимым слыл в Северной провинции Кении старый туркана Адукан. Его удалось поймать Джорджу с помощниками. В пещере, где схватили Адукана, были обнаружены рога носорога, слоновая кость, кожа бегемота. Помнится, я спросил Джорджа, сильное ли сопротивление оказал Адукан.

— Представьте, никакого. Последнее его обращение к оракулу предсказало скорый арест. Подчиняясь голосу неба, он сложил вещишки и спокойно ждал, когда за ним придут.

Надо же! Даже суеверие может иногда послужить доброму делу! Какому богу молиться, чтобы найти управу на белых браконьеров, перекупщиков и боссов большого подпольного бизнеса?!

Многие выдающиеся ученые давно выступали в защиту африканских животных. Только в 1973 году была принята международная конвенция об ограничении торговли редкими видами дикой флоры и фауны. Многие правительства сократили охоту на диких животных и редких птиц, отлов их или запретили совсем. В 1978 году Джой Адамсон писала мне в Рабат, где я тогда работал: «Ура! Наконец-то указом президента Джомо Кениата запрещена охота на зверей, торговля шкурами и сувенирами, сделанными из шкур диких животных. Порадуйтесь вместе с нами этой победе над врагами животного мира». Однако она замечает, что в магазинах шкурами торгуют как и прежде, а браконьеры, действуя не так нагло, все же продолжают свое гнусное дело. «За контрабандой слоновой костью стоят крупные боссы, до которых не добраться даже прокурору республики», — писала Джой.

В первой половине нашего века слоновая кость продавалась по 10 долларов за килограмм, сейчас — по 74 доллара. Таким образом, средних размеров слон носит в верхней челюсти 1300 долларов. А посему охота на слонов в Африке продолжается. Специалисты отмечают: в расчете на уменьшение численности слонов и значительное повышение цены на кость дельцы не пускают ее на изготовление предметов роскоши, а попридерживают, складывая необработанные бивни, как слитки

золота, в сейфы банков Токио, Лондона, Гонконга. Исчезают носороги: в традиционной восточной медицине и знахарстве истертый в порошок рог считается «эликсиром молодости» и котируется высоко, а в некоторых арабских странах за традиционный кинжал «джамбия» — символ достижения зрелости с рукояткой из рога носорога платят по 6 тысяч долларов. А как избежать пули браконьера крокодилу, если в лондонских магазинах бумажник из крокодиловой кожи стоит больше 600 долларов?!

В английском языке есть слово *pet*. Оксфордский словарь толкует его так: любимое животное, которое держат в качестве друга. Им может быть собака, кошка, кролик, канарейка. Увлечение домашними животными свойственно очень многим. И это понятно. Животное в доме хоть как-то помогает человеку сохранить или восстановить контакт с природой. Давно признано, что общение с животными благотворно влияет на детей, учит их доброте. А для пожилых, одиноких людей *pet* нередко становится единственным существом, которое нуждается в их любви и заботе. Но часто люди не удовлетворяются домашними животными и стремятся завести дикого зверька, редкостной породы заморского попугая, экзотической раскраски ящерицу. Заводят даже хищников — львов, гепардов, крокодилов. Содержание диких животных в домашних условиях приняло массовый характер, хотя, как правило, любители не имеют навыков и соответствующих знаний, часто не располагают необходимыми условиями и, что особенно важно, возможностями для размножения животных. Тем не менее спрос на животных растет, торговля процветает, а значит, происходит массовый их отлов. Так, например, в 1979 году в США было завезено из разных стран 422 тысячи птиц, 1,1 миллиона рептилий и земноводных. Среди них сотни тысяч животных, находящихся под охраной законов. Кто же занимается их отловом, транспортировкой, сбытом? В основном все те же жадные до наживы браконьеры и контрабандисты!

Так, казалось бы, вполне понятное, невинное и даже трогательное увлечение поощряет браконьерство, приводит к массовому изъятию диких животных, а в конечном счете — к оскудению природы. Неужели мы идем к тому, что в окружающей человека природной среде останутся одни воробьи?

Браконьерство наносит большой ущерб националь-

ным паркам и резерватам Кении. Во многих из них идет длительная, упорная борьба между охраной парков и браконьерами. Браконьеры пользуются богатым арсеналом «традиционных» средств: отравленными стрелами, ямами-ловушками, всевозможными капканами, проводочными петлями. В последние годы они обзавелись современным оружием, автомобилями. В заповедном буше находят слонов и носорогов, скошенных автоматной очередью. В распоряжении охраны парков есть легкие самолеты, вертолеты, автомашины высокой проходимости. Но необъявленная война не всегда кончается в ее пользу. В самом деле, даже сотне смотрителей во главе с инспекторами трудно обеспечить надежную охрану такого парка, как Цаво, занимающего площадь в 21 тысячу квадратных километров.

Старые кенийские знакомые сообщили мне недавно печальные вести из национального резервата Кора, расположенного в пустынной местности в 250 милях севернее Найроби. Здесь в 1970 году обосновался Джордж Адамсон: эта дикая «ничейная» земля оказалась единственным во всей Кении местом, где ему было разрешено заниматься львами. К Джорджу присылали львов, выросших в неволе, и он терпеливо, с риском для жизни «возвращал» хищников в буш, восстанавливал утраченные или крайне ослабленные навыки, необходимые для жизни на свободе. Джордж боролся с браконьерами и вместе со своим младшим братом Теренсом, еще большим отшельником, чем сам Джордж, подготавливал территорию к тому, чтобы объявить ее заповедной.

Братья мечтали, чтобы в Кора обитало столько львов, сколько может прокормиться, стремились восстановить поголовье антилоп, носорогов, леопардов, жираф — всех тех видов, которые прежде в изобилии обитали в этих местах. Каждый день после раннего завтрака братья покидали лагерь. Джордж садился за руль «лендровера», навещал своих подопечных львов, отмечал, где и каких животных видел, преследовал браконьеров, снимал капканы, проводочные петли, разрушал ловушки. Терренс с ломом и лопатой прокладывал дороги. Когда вместе с Джой Адамсон я последний раз навестил Джорджа и Терренса в Кора — было это в 1973 году, — они уже многое сделали: расчистили и оборудовали площадку для посадки легких самолетов, проложили десятки миль дорог. Львы постепенно привыкали к дикой жизни и

время от времени навещали «Кампи я симба»*, чтобы подкормиться мясом.

В то утро за мясом пришла львица Джума с двумя годовалыми сыновьями. Накормив львов, Джордж пошел проводить семейство, а мы с Джой медленно следовали за ними на «лендровере». По красной пыльной дороге шел старый человек в шортах и сандалиях на босу ногу с трубкой в зубах, ветер развевал белые как снег волосы, а за ним лениво плелись львы. Проводив семейство, Джордж свернул к невысокой скале, на которой разлегся еще один лев — Кристиан. Джордж взобрался на скалу, погладил льва, а потом улегся рядом с ним, положив голову на роскошную темную гриву. После ленча Джордж повез нас на берег реки Тана, где мы увидели множество бегемотов, слонов, носорогов, ориксов, сетчатых жираф, зебр Грэви.

С горестью он обратил наше внимание на срубленные деревья с объеденной листвой и ветвями.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Люди.

— Какие люди?

— Сомалийские пастухи. Они срубили уже много деревьев, в том числе и столетних, только для того, чтобы их верблюды могли обглодать листья и ветви. Если не прекратить это, район превратится в пустыню, в такую же, какой стали многие земли их страны.

— Знаете, Джордж, природа легко может взять обратно все, что дала человеку. Ей ничего не стоит смести нас с лица земли своим дыханием или затопить водами океана — просто чтобы еще раз напомнить человеку, что он не так всемогущ, как полагает.

— Смести или затопить... Это вы придумали?

— Нет, американский писатель Рэй Брэдбери.

— А... Все равно хорошо. Справедливости ради, надо сказать, что у местных африканцев, особенно молодых, изменяются взгляды на дикую природу. Возможно, в один прекрасный день они что-то предпримут для ее спасения. Будем надеяться, что этот день не наступит слишком поздно.

Джордж добился своего — в 1974 году заказник Кора был объявлен национальным резерватом. Но радость братьев-натуралистов была недолгой. Резкое повышение цены на слоновую кость в середине 70-х годов роковым

* Львиный лагерь (суахили).

образом отразилось на Кора. «Деятели» международно-го подпольного бизнеса добрались и до нее. Бродячие шайки вооруженных современными карабинами и автоматами бандитов проникли сюда из Сомали. Когда были истреблены или спаслись бегством за реку Тана слоны, носороги, леопарды, пришла очередь всему живому, из чего только можно извлечь барыши. Бандиты грозят расправиться с Джорджем; со своими немногочисленными помощниками, постоянно рискуя жизнью, он старается мешать браконьерам. Семидесятишестилетний старик вырыл в лагере окоп и спал рядом с ним, держа наготове винтовку и пистолет. Последний из могикан старой школы искателей приключений, а в последние сорок лет — натуралист-исследователь, Джордж Адамсон не намерен сдаваться. Сотрудники службы национальных парков настойчиво просили Джорджа покинуть Кора, пока не улягутся страсти. Однако «Бвана гейм» — хозяин диких зверей, как прозвали африканцы Джорджа, — уперся.

«Меня отсюда можно вытащить только в наручниках под стражей», — говорит он. В прошлом году в Кора выпали обильные дожди, и туда стали возвращаться прежние обитатели.

Удастся ли бескорыстному энтузиасту дожить свой век, веря, что в Африке всегда в изобилии будут водиться дикие звери?

«ДИКАРИ» ПАСУТСЯ ВМЕСТЕ С КОРОВАМИ

Как и французские экологи, кенийские ученые считают, что было бы большой ошибкой полагать, что создание национальных парков и резерватов может служить своеобразным разрешением истреблять животных на остальной территории. Каким чудом животные сохранились, объяснить не берусь, но самых разнообразных зверей мне приходилось видеть и в отдаленной Северной провинции, и на пустынных, слабо заселенных берегах озера Рудольф, и в южных саваннах, на землях масаев, где они пасут коров на виду у львов. Даже на плоскогорье, в местах, где живут земледельцы кикуйя и где каждый клочок земли используется под плантации кофе, чая, кукурузы, приходилось, спускаясь к какой-нибудь рыбной речушке по лесной тропе, перешагивать через свежие слоновьи «шары».

Как-то знакомый чех Иржи, с которым мы ездили в

знаменитый «Маунт-Кения сафари клуб», основанный американским киноактером, где все до того ухожено, что американцам кажется, что они находятся не в Африке, а в каком-нибудь богатом загородном клубе у себя дома, предложил заглянуть на ферму, где домашний скот пасется вместе с дикими животными.

Фермером оказался средних лет бородатый австралиец, женатый на кикуйке. Бородач с удовольствием показал свои владения — свыше 500 акров кустарниковой саванны. Территорию фермы пересекала река, в которой мы пытались без особого успеха ловить форель — рыба держалась выше по течению, ближе к горным источникам и тропическому лесу. Фермер разводил коров и успешно сбывал продукцию в соседнем городке Наньюки. А рядом с коровами щипали траву газели Гранта, Томсона, объедали кусты импалы. Из объяснений австралийца и его черной супруги во время интернационального ленча (русская икра, чехословацкие шпикачки и сочные стейки из парной говядины) мы усвоили, что «дикари» совсем не мешают домашнему скоту, не портят пастбищ, а выгода от них есть. Относительно характера выгоды можно было только догадаться: фермер и его сыновья, очевидно, отстреливают животных, приторговывают шкурами, разрешают охотиться на ферме друзьям.

На подобной же ферме мы были с А. Г. Банниковым. Владелец ее — кениец английского происхождения Д. Хаупкрофт в отличие от австралийца, понявшего выгоду совместного содержания животных эмпирическим путем, повел дело с учетом научных достижений. Он знает, что домашний скот использует очень немногие виды растений, в то время как дикие копытные поедают все растения. Одни виды антилоп питаются злаками, другие — разнотравьем, антилопы импала и геренук поедают листья кустарников, жирафа — листья деревьев, а черный носорог — колючие кустарники. Фермеру известно, что за счет содержания диких животных доходность можно повысить на 10—15 процентов. Как мы поняли, ферма Хаупкрофта, увлекающегося научными исследованиями в области зоологии, является как бы опытным хозяйством, и по договоренности с властями он открыто реализует продукцию «дикой» части своей фермы.

По пути в Найроби я спросил Андрея Григорьевича, что он думает об опыте предприимчивого фермера.

— В условиях капиталистической системы хозяйства

подобные фермы, возможно, могут явиться приемлемой формой охраны диких животных. Ведь частная собственность «священна и неприкосновенна». Браконьеру нелегко отважиться вторгнуться на хорошо охраняемую частную территорию. Такую войну он может и проиграть!

О МАЛЬЧИКЕ МИТЕ

В советской колонии в Найроби жил со своими родителями пятилетний мальчик Митя. Мальчик как мальчик, белокурый, с большими ясными голубыми глазами, озорной, не слишком послушный. На территории колонии было много птиц, водились мангусты, ящерицы и жила ежиха. В цветочной клумбе под самыми окнами моего дома она родила ежат. Дети узнали об этом и тайком, когда ежиха уходила по каким-то своим делам, с любопытством разглядывали колючие комочки. Но однажды случилась беда — кто-то убил на газоне ежиху, забил ее палкой. Вся колония гудела, учительница — опытная и деликатная — говорила с детьми, но никто не признался. Несколько дней я не видел Митю и спросил у его матери, что с ним. Она сказала, что Митя горько плакал, когда убили ежиху, у него случилось нервное расстройство, и врач предложил поддержать его дня два-три в кровати. Вскоре Митя появился на дворе и снова был мальчик как мальчик. Однако в нем произошел какой-то перелом, он стал спокойнее, выдержаннее, добрее. Появилась у Мити еще одна черта. Он мог подолгу рассматривать какую-нибудь зверюшку, ящерицу, следить за пичугой, выующей гнездо или кормящей птенцов. Как-то раз, указывая на птицу, он сказал мне: «А знаете, она уже двадцать раз приносила в гнездо червячков. Я считал».

Шло время, ежат выходила жена повара, вечерами они шныряли по участку, и дети не обижали их. О ежихе постепенно стали забывать. Но однажды я стал свидетелем такой сцены. Один из мальчиков, лет двенадцати, поймал жука и стал то ли играть с ним, то ли измываться: теребил крылья, дергал за усики и оторвал один из них. Митя сказал: «Не мучь жука, отпусти». Старший не обращал внимания и оторвал у жука лапку. Младший резко вскрикнул: «Это ты убил ежиху! Отпусти жука, жук тоже хочет жить!» Митя весь вспыхнул, руки его сжались в кулачки, глаза сузились. Я подошел к маль-

чикам и сказал старшему: «Митя прав, отпусти жука». Жук улетел.

К чему я рассказал о мальчике Мите? Таких мальчиков и девочек много на нашей земле. Они живут на разных континентах, у них разный цвет кожи, но всех их объединяет любовь к природе, к животным. Верится, что они вырастут хорошими, добрыми и мужественными людьми, и, когда придет их срок нести ответственность за жизнь на нашей планеты, за ее природу, они будут разумнее и совестливее нашего поколения, вовремя осознают, что природу не надо «побеждать» и «покорять», а нужно жить с ней в мире и согласии, не подходить к ней с меркой сиюминутной выгоды, беречь ее.

ДЖОЙ АДАМСОН

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С Джой Адамсон я познакомился в середине 60-х годов. Первая встреча произошла в «Меру гейм резерв» — теперешнем национальном парке Меру, что раскинулся на границе Центральной и Северо-Восточной провинций Кении. Здесь, в лагере, состоявшем из пальмовой хижины (Джой шутила, что это одновременно гостиная, столовая и рабочий кабинет) с затянутым брезентом полом (спасение от скорпионов) и двух-трех парусиновых палаток, уже несколько лет жила Джой, приучая к жизни на свободе ручного гепарда Пиппу, а после смерти Пиппы наблюдала за ее детенышами из второго помета — Мбили, Уйти и Гату. К этому времени к Джой Адамсон пришла всемирная известность, уже обраставшая романтическими легендами, фантастической смесью правды и вымысла.

Адамсон в лагере не было. Ее чернокожий помощник, кажется, это было Локаль, сказав, что леди «навещает» гепардов, но вот-вот должна вернуться, предложил подождать ее в «гостиной» или поехать ей навстречу. Мы согласились ехать, попросив разрешения постоять у могилы Пиппы, захороненной около лагеря, и заглянуть в хижину, стены которой были тесно увешаны фотографиями Эльсы, Пиппы, других животных, кадрами из «Рожденной свободной», фото, где, по всей видимости, были запечатлены торжественные церемонии по случаю премьеры ленты об Эльсе и создания Международного фонда охраны диких животных имени Эльсы. Была фотография Джой Адамсон на приеме в Букингемском дворце. В длинном атласном белом платье, белые перчатки выше локтя, модно причесанная, Джой выглядела эффектной и весьма светской дамой, какой она, собственно, и была по рождению и воспитанию. А какой мы увидим Джой Адамсон в обычной жизни?

Не прошло и получаса, как наш «газик» повстречался на размытой дождями проселочной колее с синим «лен-

дровером», из него легко выпрыгнула спортивного вида загорелая женщина в зеленых потрепанных шортах и такого же цвета кофте без рукавов, на ногах у нее были сапоги. Открытое миловидное лицо, светлые вьющиеся волосы, голубые внимательные глаза в сеточке морщин, спокойный мягкий голос — такой я увидел Джой Адамсон в африканской саванне, такой вижу и сейчас, когда ее не стало.

Узнав о цели нашего приезда и убедившись, что мы не праздные туристы, а искренне интересуемся работой ее и ее мужа с животными и намерены содействовать переводу и изданию ее книг в Советском Союзе, Джой сразу же решила приобщить нас к жизни диких животных, предложив навестить ее мужа Джорджа, расположившегося по соседству у подножия горы Мугвонго в палатке, где он приучал к жизни на свободе двух главных исполнителей ролей в фильме «Рожденная свободной» — льва Боя и львицу Герл, выросших в одном из батальонов шотландской гвардии, а после съемок и настоячивых просьб супругов Адамсон переданных на попечение Джорджа.

— Из-за этих львов мы выдержали настоящую войну, — рассказывала по дороге Джой. — Некоторые считали, что мы проявляем жестокость, обрекая львов, воспитанных в зоопарках, на опасности жизни на свободе. Нас обвиняли в том, что мы подвергаем риску и жизнь людей, собираясь выпустить львов, которые потеряли всякий страх перед человеком. Да разве мы этого не понимали! Мы хорошо знали, что возвращение львов — длительный и трудный процесс, он требует сохранения контактов с животными, пока не станет ясно, что они научились самостоятельно охотиться, отвоевали себе территорию в борьбе с дикими львами и приобрели иммунитет к местным болезням. Знали мы и то, что на первых порах нам придется подкармливать львов, защищать их от местных сородичей, лечить в случае болезни. Мы готовы были следить за нашими львами до того времени, когда их охотничьи инстинкты разовьются полностью.

Ко времени нашего приезда в Меру Бой и Герл прижились в парке, спарились, и у них росли два детеныша; львы охотились, были сыты, но регулярно навещали Джорджа. Приходили они, как уверяла Джой, не за мясом, а из-за привязанности к человеку. К несчастью, Бой недавно неудачно атаковал буйвола, и тот пропорол ему

бок. Льву сделали довольно сложную операцию: в сломанную кость вставили металлический стержень, и сейчас он восстанавливал силы, проходил под руководством Джорджа специальные тренировки. Льва готовили к перевозке на озеро Наиваша, где у Адамсонов был дом и где они намеревались полностью вылечить Боя. Герл и полугодовых львят решено было оставить в парке Меру — исследователи были уверены, что львы полностью освоились с жизнью на свободе и можно не опасаться за их судьбу.

Не доезжая до лагеря Джорджа, мы покинули машину и тихо подошли к участку, огороженному металлической сеткой, за которой стояла палатка. Возле нее за низким столиком стучал на машинке обнаженный по пояс, бронзовый от загара человек, а у его ног лежал огромный рыжий лев с великолепной темной гривой.

Среднего роста, худощавый, с белой как лунь головой и такой же остроконечной бородкой («козлиной», как называла ее Джой), с удивительной чистоты синими глазами, с трубкой в зубах — таким оказался знаменитый искатель приключений, путешественник, охотник и егерь Джордж Адамсон.

После нашего знакомства и взаимных приветствий Джордж разрешил подойти к Бою, предварительно что-то пошептав ему на ухо и потрепав по густой гриве. Признаюсь, в присутствии Адамсонов я не испытывал страха и спокойно положил руку на голову льва. Я не отдернул ее и тогда, когда Бой вдруг сладко зевнул, обнажив могучие челюсти. В этот момент щелкнула фотокамера моего спутника и получился снимок, которым я страшно горжусь, а знакомые отказываются верить своим глазам: лев с раскрытой пастью и моя рука на его голове.

Внезапно Бой оживился и, проследив за его взглядом, я увидел в десятке шагов выходящую из зарослей львицу с двумя львятами. Это Герл со своими детенышами пришла на свидание с Боем и Джорджем. Увидев незнакомого человека, львица оскалила зубы и зашипела так, что у меня мурашки побежали по всему телу, похолодело сердце и, забыв про разделявшую нас сетку и присутствие Джой, я быстро спрятался за спину Джорджа.

Так я познакомился с Адамсонами и был рад их приглашению приезжать всегда, когда захочу.

Джой была интереснейшей собеседницей, импульсивной, задиристой. Она могла часами рассказывать о всяких случаях в живой природе — о «детских садах» у импал, о том, как птица-секретарь бессовестно дразнила Пиппу, о целом сражении, которое разгорелось между нектарницами, обосновавшимися на тамаринде, и ярко-желтыми агрессорами — ткачиками, начавшими вить гнезда рядом с нектарницами. Как-то раз она застала врасплох земляную белку, которая стояла на задних лапках. Увидев Джой, белка мгновенно замерла, натуралистка нажала на секундомер: зверек сохранял полную неподвижность в этой неудобной позе пятьдесят минут, пока Джой не ушла. В другой раз в парке Меру она видела, как два льва пожирали буйвола, затащив его в реку, к их трапезе присоединился огромный крокодил; на другой день львы ушли, а буйвола доедали уже восемь крокодилов.

Джой с жаром и страстью высказывала и отстаивала свои убеждения о пагубности нарушения экологического равновесия, о часто неразумном вмешательстве человека в законы животного мира. «Неужели у нас мало доказательств, чтобы осознать, к каким опаснейшим последствиям приводит наше вмешательство в природное равновесие? Какое мы имеем право вмешиваться в жизнь другого вида? Как нам удастся примирить свою совесть с постоянным превышением своих прав в отношении диких животных?»

Она рассказала об одном из самых тягостных эпизодов своей жизни. Речь шла о судьбе большой группы львов, привезенных в Кению из различных зоопарков для съемок фильма «Рожденная свободной». Съемки кончились. Адамсоны предлагали большую часть львов оставить в Африке и приучить к жизни на свободе. Однако с их мнением не посчитались. Львов, за исключением Боя, Герл и Угаса, в спешном порядке готовили к отправке.

— Я, наверное, никогда не пойму, как можно, проведя много месяцев среди этих умных животных, обращаться с ними, как будто они ничего не чувствуют, сортировать их, словно тюки чая в лавке, перед тем, как пустить в продажу. Никто не задумывался, что звери могут потерять доверие к людям, стать подозрительными и злобными — живым воплощением того образа Царя

Зверей, к которому привыкла невежественная публика.

— По-вашему, львы обладают умом?

— Недавно я видела, как львица перетаскивала убитого ею водяного козла через бурную реку. За львицей следовал лев и, хотя он не нес тяжести, почему-то вдруг стал тонуть. Львица, не донеся добычи до берега, бросила ее и стала спасать льва, причем делала это, сообразуясь с силой потока и рельефом берега. Она отбуксировала льва на песчаную отмель примерно в километре от места происшествия. Только ли инстинкт руководил ею? Наверное, и ум.

— Но, Джой, при всей вашей любви ко львам вы не станете утверждать, что люди заблуждаются, считая льва страшным хищником?

— А можете ли вы назвать другое существо, обладающее хотя бы половиной таких качеств, как чувство собственного достоинства, грациозность, разумность и терпимость, какие присущи льву? К тому же лев не агрессивен, пока его не спровоцируют, он общителен, открыто выражает свою любовь, очень постоянен в своих привычках, никого не боится, ведет себя спокойно и уверенно.

Один из любимейших моих советских писателей Виктор Астафьев в прекрасном рассказе «Медведь идет следом» пишет: «Мир диких животных так сложен, загадочен и многообразен, что человеку-властелину лишь кажется, будто он все о них узнал, — это одно из многих, пусть не самых тяжелых, но и самых простых заблуждений». Казалось бы, вся работа Джой с дикими животными, ее отношения с львицей Эльсой и ее детенышами, с гепардом Пиппой и ее потомством, о чем мы знаем подробно из переведенных у нас книг Адамсон, с самкой леопарда Пенни — последней подопечной Джой, со многими другими животными, с кем общалась и кому доверяла отважная женщина, словно бы опровергают категоричность слов Астафьева. На самом деле все гораздо сложнее. Узнав об африканских животных больше, чем, возможно, кто-либо другой, Адамсон, хотя и склонная к крайним суждениям, всегда считала многие привычки животных загадочными для человека, не боялась признаться, что и сама она не разгадала всех тайн. Как-то Джой сказала, что закончила книгу «Пятнистый сфинкс». По моей просьбе она рассказала о рукописи и прочла заключительную фразу: «Но я твердо знала, что при любых условиях я никогда не пойму до

конца мою подругу, и, как бы она ко мне ни ласкалась, я буду чувствовать ее отчужденность: она так и останется для меня навсегда загадкой — Пятнистым Сфинксом».

Я был поражен и жестокой откровенностью фразы и дрогнувшим голосом.

— Джой, ну зачем же так! Какая отчужденность? Пиппа была так предана вам, вы все, все о ней знали!

— Нет, Дмитрий. Я давно убедилась, какие великолепные существа дикие животные. Поняла, какое это счастье — быть всегда рядом с ними, дружить с Пиппой. Но я не могу сказать теперь и вряд ли когда-нибудь скажу, что все о них знаю. В жизни среди животных человека иногда настигают сомнения, разочарования, приступы отчаянной усталости и одиночества. Но главное — не сдаваться, работать и любить, любить. Тогда можно узнать больше и сделать больше.

Больше узнать, больше сделать... В этом был смысл прекрасной одухотворенной жизни Джой Адамсон — бескорыстного друга и ревностного защитника неповторимой природы Африки.

УРОКИ ДЖОЙ

Страстная в полемике, горячо интересуясь проблемами охраны животных в других странах, Джой не стеснялась задавать «острые» вопросы собеседникам. Как-то на ее вилле Эльсамер на озере Наиваша между нами произошел такой разговор:

— Вы еще пожалеете, что познакомились со мной.

— Почему?

— Вам придется откровенно рассказать о том, как вы сохраняете диких животных.

— Пожалуйста, спрашивайте. У нас не хуже, чем в других развитых странах, а может, даже и лучше.

— Ой ли! А где уссурийские тигры?

— Живут на Дальнем Востоке. Сейчас их, кажется, свыше ста особей. А стадо сайгаков, сильно пострадавшее во время войны, восстановлено полностью.

— Неужели? Я слышала другое.

— Поезжайте в нашу страну, убедитесь сами.

— Ловлю на слове. С удовольствием поеду, но вам придется оплатить мои расходы, я не так богата, как многие думают. Все свои доходы я отдаю в фонд Эльсы.

— Я об этом знаю. Рассчитываю, что наши организа-

ции охраны природы оплатят ваши расходы. Надеюсь, вы не намерены привезти из России соболью шубу?

— Что, что? Шубу из натурального меха, да еще такого редкого? Ни в коем случае! Из-за прихоти великосветских модниц перебили столько леопардов. Сейчас выпускают искусственные меха, пусть женщины носят их. Одно это позволит сберечь тысячи животных.

— Но женщины предпочитают натуральные меха.

— Ха! Ха! Мало ли что предпочитают. Могут они пойти на какие-то жертвы во имя будущего. Неужели им безразлично, что их внуки даже в зоопарке не увидят живого леопарда?

— Резонный вопрос, но вам как женщине легче ответить на него, чем мне.

— К сожалению, Дмитрий, среди женщин есть немало таких, которые не задумываются над будущим и из-за моды и тщеславия готовы пожертвовать прекрасными созданиями природы.

Джой встала и взяла какую-то книгу.

— Джон Хантер. «Охотник». Вам что-нибудь говорит это название?

— Да, эта книга издавалась у нас. Перед отъездом в Кению мне порекомендовали прочитать ее, чтобы я сразу же мог с головой окунуться в африканскую экзотику.

— Хороша экзотика! Вы только послушайте, что он пишет: «Когда я впервые приехал в Кению, все пространство, которое мог охватить глаз человека, было усеяно дичью». Вот и любуйся этой красотой! Ха-ха! Он не за тем приехал. Как-то Хантер обнаружил убитого слона и забрал клыки, за которые получил 37 фунтов стерлингов. Это было больше, чем он зарабатывал за два месяца службы на железной дороге. «Я понял, что охотой можно зарабатывать на жизнь, и зарабатывать неплохо». И охотился. Вот описание результата одной ночной охоты на львов: «Когда наступил рассвет, перед моими глазами развернулось зрелище, которое вряд ли кто-либо видел в прошлом и когда-либо увидит в будущем. Передо мной лежало восемнадцать убитых львов». Каково? А вот описание охоты на слонов. «Я вел беглый отчаянный огонь. Выстрелив из левого и правого ствола по двум самкам, шедшим впереди, я увидел, как их головы буквально дернулись от удара тяжелых пуль. Слоны валились в кучу прямо перед нами и с боков. Сасита (помощник Д. Хантера. — Д. Г.)

и я были с ног до головы обрызганы кровью, выброшенной из хоботов слонов, падавших около нас. У меня не хватало времени, чтобы добивать их. Когда стадо наконец повернуло обратно, мы увидели перед собой двенадцать убитых слонов». В другом месте автор подытоживает: «Я убил более тысячи четырехсот слонов». Вы можете представить такое варварство?

— Знаете, Джой, где-то я прочел, что как было бы чудно, если бы мы могли превращаться в какое-то другое существо. Очень уж противно иногда чувствовать себя человеком.

— Прекрасно сказано! Кем же все-таки, вспомните.

— Кажется, Дос Пасосом.

— Надо перечитать. Такое массовое истребление продолжается с конца прошлого века, когда охота в Восточной Африке и для европейцев, и для американцев стала излюбленным модным спортом.

— Мода сохранилась. Недавно я прочел роман современного французского писателя Кюртиса «Молодожены». В нем говорится о двух признаках богатой и красивой жизни буржуа наших дней — иметь возможность коллекционировать картины и охотиться в Кении.

— Вот, вот. Доохотились до того, что, казалось бы, неисчислимые стада катастрофически уменьшились, некоторых животных выбили до такой степени, что охота на них запрещена, другие виды находятся на грани полного исчезновения. Мои друзья и я боремся за то, чтобы запретить в Кении всякую охоту. Кстати, а вы случайно не занимаетесь охотой?

Вопрос был трудным. Я не охотник, но по приезде в Кению с удовольствием ездил с друзьями на охоту. Когда они, найдя стадо антилоп или зебр, покидали машину и преследовали жертву, я забирался на крышу «ленд-ровера» и в бинокль рассматривал зверей, пасущихся в траве. Однажды поляк Генрих настойчиво предложил мне выстрелить в зверя. Мы отползли в высокой траве на положенные двести метров от машины, облюбовали самца газели, и я стал целиться. С непривычки я долго копался с ружьем, газели, очевидно, почувствовали неладное и отбежали. Генрих сказал, что, пожалуй, стрелять поздно, надо снова ползти. Я все же выстрелил, и газель упала, сраженная наповал. Освежевав зверя, мы вскоре наткнулись на газелей Томсона — «томми», как их еще зовут. Козел, в которого я прицелился, в последний момент прыгнул, но моя рука каким-то бессозна-

тельным движением вздернула карабин, прозвучал выстрел, и он оказался смертельным.

— Послушай, — спросил меня Генрих, — ты правда никогда не охотился?

— Никогда! И никогда не держал в руках настоящую винтовку. Лишь мальчишкой стрелял иногда в ярмарочных павильонах.

— Значит, в тебе сидит Великий охотник, этим нельзя пренебрегать!

В другой раз Генрих уже к вечеру выстрелил в антилопу-гну, но лишь ранил ее. Зверь стал уходить, преследовать его было поздно, тропические сумерки быстротечны, вскоре наступила темнота, и мы поехали домой. Настроение было мрачное. Я люблю Хемингуэя, знаю его «Зеленые холмы Африки», помню, как он описывает чувства охотника, видящего страдания животного. «Я испытывал такой ужас, равного которому не припомню за всю свою жизнь, если не считать дней, проведенных в госпитале с переломом правой руки. Открытый перелом между плечом и локтем, кисть вывернута за спину, бицепсы пропороты насквозь и обрывки мяса начали гнить, раздулись, лопнули, и из струпьев потек гной. Один на один с болью; мучаясь бессонницей пять недель подряд, я вдруг подумал однажды ночью, а каково бывает лосю, если попасть ему в плечо и он уйдет подранком. И в ту ночь, лежа без сна, я испытывал все это за него — все, начиная с шока от пули и до самого конца, и, будучи не совсем в здравом уме, я подумал, что может, это воздается по заслугам мне одному за всех охотников».

Больше я никогда не стрелял и во избежание соблазна не ездил на охоту с друзьями. Все это я откровенно рассказал Джой, она помолчала.

— Много ли у вас в стране национальных парков и резерватов для животных?

— Различных заповедников у нас во много раз больше, чем в Кении, и больше, чем в США.

— Интересно, а по какому принципу они создаются?

— В Кении недавно побывала группа наших зоологов и биологов, я слышал от них, что заповедники и заказники у нас есть в различных зонах страны. У нас стремятся как бы эталонировать каждую ландшафтно-географическую зону — есть заповедные территории тундры, тайги, пустыни, степи, средней полосы России. Наши ученые утверждают, что чрезвычайно важно со-

хранить весь генетический фонд, как животный, так и растительный, потому что неизвестно, что человеку потребуется в будущем. Какое-нибудь «бесполезное» сегодня растение, которое зачастую уничтожают только потому, что оно растет не там, где нужно, или не тогда, когда нужно, для селекционеров будущего может явиться бесценной находкой. Простейший пример: раньше ядовитых змей уничтожали, а сейчас их строжайше охраняют. Академик Соколов говорил мне, что исчезновение отдельных видов растений и животных столь же драматично, как и гибель шедевров искусства.

— О генетическом фонде любопытно, надо рассказать друзьям.

В другой раз Джой заговорила о проблеме продовольствия, о росте народонаселения и демографическом взрыве.

— В вашей стране существует планирование семьи?

— В каком смысле?

— В смысле ограничения рождаемости.

— Нет. Мы хотели бы, чтобы рождаемость у нас была выше.

— Почему?

— Мы — самая большая по территории страна в мире. У нас много богатых, но малонаселенных районов. Их надо осваивать, а людей подчас не хватает.

— Значит, у вас нет безработицы?

— Давно нет. Примерно с середины 30-х годов.

— Так это же прекрасно!

— Конечно, но...

— Никаких но! Пусть у вас будет просторно и всем хватит места: и людям, и лесам, и животным. А на земле хватит места и для людей и для животных.

Я любил беседовать с Джой, все больше и больше сочувствуя ее идеям о необходимости для человека жить с окружающей средой в мире и согласии. Она часто повторяла, что если мы хотим достичь разумного согласия с природой, то нам придется принимать ее условия. Беседы с Джой были своеобразными уроками, хотя ее натуре претила всякая дидактика.

ЕЕ БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Мне хотелось подробнее узнать о жизни Джой Адамсон. В частности, как она попала в Африку и осталась в ней, почему она — музыкант, писатель, худож-

ник — решила посвятить всю свою жизнь охране африканского животного мира. Но как-то все не находилось повода расспросить Джой, а сама она на эти темы не заговаривала. И только перед самым моим отъездом из Кении, осенью 1973 года, мне повезло. Джой предложила «на прощанье» навестить Джорджа, который уже три года жил в Кора-Уэлс — пустынной местности на берегу самой большой кенийской реки Тана. Год назад я был по делам на северо-востоке Кении — в Ваджире и, возвращаясь в Найроби через Гариссу, решил побывать у Джорджа. Легковая машина для такой прогулки не годилась, пришлось у местного торговца втридорога арендовать «лендровер» и прихватить проводника, который согласно рекомендации «был единственным, кто знает лагерь Адамсона».

Выехали с рассветом и бесконечно долго тряслись по бездорожью. Время шло к полудню, а лагеря все не было. Мы начали плутать, несколько раз встречали колею от собственной машины. И спросить было не у кого. На огромных просторах пустынной саванны не попадалось жилья, не паслись стада овец и коз, таких обычных примет здешнего пейзажа. Наш проводник совсем было растерялся. Постепенно растительность становилась богаче, гуще росли зонтиковые акации, и, наконец, вдали показались три внушительных красных гранитных скалы. У подножия их и раскинулся лагерь Джорджа. На небольшом пятачке, огороженном провололочной сеткой, сгрудилось несколько небольших тростниковых хижин и парусиновых палаток; сарай, где хранились бочки с горючим и хозяйственный инвентарь, а у ворот старенький, выдавший виды «лендровер». Внутри лагеря к ограде прислонены черепа, рога и кости животных. У края участка, где к лагерю подступает буш, растет одинокое дерево; в течение дня к нему прилетали десятки скворцов, ткачиков, нектарниц, чтобы поклевать зерен и напиться из расставленных заботливой рукой кормушек и жестяных банок с водой. Здесь и жил Джордж со своим младшим братом Терренсом и несколькими африканскими помощниками.

Джордж провел нас в самую большую в лагере хижину. На подпирающих крышу из пальмовых листьев столбах висят бинокли, фонари, барометр, часы. В одном углу — портативная рация, в другом гудит холодильник, у задней стены стоят винтовки Джорджа и сейф для них. Вдоль стен — самодельные полки, на ко-

торых разместились много книг. Почти все они посвящены животному миру Африки. С потолка на обеденный стол, окруженный легкими стульями, с больших фотографий смотрят львы, с которыми работал и работает хозяин лагеря. Спокойный, уравновешенный, обладающий огромной выдержкой, Джордж на этот раз выглядел удрученным. Совсем недавно в лагере разыгралась драма. Тот самый лев Бой, которого я гладил в парке Меру, полностью поправившись и привезенный Джорджем в Кора, неожиданно напал на африканца Стенли, служившего в лагере, и разорвал ему шейную артерию. Когда Джордж подбежал, Стенли истекал кровью и через несколько минут умер. Джордж вынужден был застрелить льва. Нам он сказал только, что Бой хотел поиграть со Стенли, но забыл спрятать когти: «Жаль, это был прекрасный лев». К концу дня Джордж подошел, и наградой мне явилась его книга с автографом — «Бвана гейм».

С Джой мы прилетели в Кора на четырехместном самолете найробийского аэроклуба. Джордж, предупрежденный по радию, уже поджидал на оборудованной им полосе — выжженной солнцем глинистой поляне, обрамленной густым кустарником. Пилот спешил, отказался от завтрака, выпил стакан содовой со льдом, развернул машину, без труда оторвался от земли и скрылся в палящем мареве. Через несколько минут Джой появилась в своем обычном костюме — шортах и кофте на лямках, лишь прикрывающей грудь. «Городская одежда не по мне», — сказала она, запихивая платье, в котором прилетела, в сумку. В лагере она сразу взяла «командование» в свои руки: поторопила повара с завтраком, быстро накрыла стол, прогнала мужчин умываться, проверила, заправлен ли «лендровер». После скромного и недолгого ленча — протертый суп, отварной рис, зеленые бобы с мясным соусом — отправились к реке. Кофе решили выпить на берегу Таны, на нагретых полуденным солнцем камнях, омываемых быстрыми речными струями. Время шло к закату, тени сгущались, вода, камни, деревья принимали красноватый оттенок. На середине реки развились бегемоты, обнажая полированные бока и раскрывая бездонные пасти, фыркая, ухая и охая. На другом берегу, зеленом и таинственном, из густо свившихся кустов, над которым возвышались величественные пальмы дум, время от времени выходили к воде слоны, ориксы, сетчатые жирафы, зебры Грэви.

Усиливался птичий гомон, кричали бабуины, застрекотали первые цикады. Мы не отрывались от биноклей, забыв про остывший кофе.

— Как же здесь хорошо! — сказала Джой. — Я часто раздумываю о том, почему мне никогда не приходилось чувствовать такой же душевный покой в городах. Близость к природе, к животным, я уверена, приносит такое ощущение необъятности, вечности, что рядом с ним все остальное кажется мелким. Могла ли я думать в детстве и юности, что мне выпадет всю жизнь прожить среди африканской природы, где я часто чувствую себя глубоко счастливой.

— Почти, как у Хемингуэя. Он говорил, кажется, так: я любил Африку и чувствовал себя здесь, как дома.

— Да, похоже. Но есть разница. Хемингуэй иногда приезжал сюда на охоту, а я приехала навсегда и совсем для другого.

Признаюсь, что сравнение с Хемингуэем было не очень удачным. Я как-то забыл, что Джой против любой охоты.

Джой Адамсон родилась в 1910 году в Австрии, ее девичье имя — Фридерика-Виктория Гесснер. Детство ее прошло в имении, принадлежавшем семье ее матери, и в Вене. Интересы и увлечения девочки были многочисленны и многообразны. Игре в теннис и купанию она предпочитала прогулки с лесником и его рассказы об оленях, зайцах и других животных. Она научилась играть на рояле раньше, чем читать и писать, и в семнадцать лет окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Любовь к музыке Джой сохраняла всю жизнь. Лучшим подарком ей были пластинки с записями Рихтера и Гилельса. Как-то в Кению приезжал наш прекрасный пианист Сергей Доренский. Я помнил, что в доме Джой на озере Наиваша есть пианино, и предложил Сергею навестить ее. Джой обрадовалась пианисту, подробно расспрашивала, где он учился, у кого, какой его любимый композитор. Сергей играл Бетховена, Шопена, Чайковского, Шостаковича. Джой слушала с огромным вниманием, радовалась, как девочка, а потом загрустила, вспомнив, очевидно, юность и далекую родину. Она горячо благодарила пианиста и спрашивала, как ему удастся из такого «сундука», как ее пианино, извлекать такие восхитительные звуки. «Как же я забыла, ведь недалеко у моей подруги стоит отличный «Стейнвей».

Помимо музыки, она увлекалась работой по металлу, чеканила из меди и серебра декоративные вазы, занималась резьбой по дереву и брала уроки у скульптора. Ее первой работой по дереву была фигурка женщины, прижимающей к себе кролика. Любознательность и стремление достичь совершенства в передаче формы человеческого тела привели Джой в институт анатомии. Однако занятия медициной были прерваны замужеством. Два года беззаботной светской жизни, которая, конечно же, не могла удовлетворить активную, ищущую натуру. Джой уехала путешествовать в Африку, а в 1938 году окончательно переехала жить в Кению. Там она увлеклась ботаникой, участвовала во многих экспедициях. Растительный мир Кении порастил воображение Джой — ведь здесь насчитывается в пять раз больше видов растений, чем во всей Европе! Она всерьез занялась рисованием, научилась легко передавать удивительную окраску и формы африканских растений. В альбомах Джой появились гигантские крестовики и не уступающие им по высоте лобелии, гладиолусы, дельфиниумы. Ее акварели стали высоко цениться специалистами и использовались в качестве иллюстраций в книгах о флоре Восточной Африки. За эту работу английское Королевское общество присудило Джой Золотую медаль. В дальнейшем многие страны мира удостоивали ее различными наградами и почестями. Она получила австрийский Почетный Крест за заслуги в области науки и культуры, высшую награду Американского гуманитарного общества.

Постепенно творческий диапазон художницы расширялся, Джой стремится изображать все, что привлекает ее внимание: людей, птиц, коралловых рыб, насекомых, раковины. Более шести лет она провела в самых отдаленных местах Кении, среди различных племен, изучала традиционные обычаи и орнаментальные украшения, писала портреты вождей племен, воинов, танцоров, колдунов, прорицателей, заклинателей дождя, невест и вдов. «Не думайте, что это было легко и безопасно, — вспоминала Джой. — Некоторые из тех, кого я хотела нарисовать, из-за суеверия отказывались позировать».

Так создалась уникальная коллекция портретов — более 700 листов, — которые находятся ныне в Национальном музее в Найроби и в официальной резиденции президента Кении. Джой сохранила для будущего быстро исчезающие традиции племен, их обычаи и нравы,

род занятий. Картины Джой стали неотъемлемой частью культурного достояния Кении. Но вот появился Джордж Адамсон, и жизнь Джой снова круто изменилась.

— Я вам расскажу, как я вышла за этого кровожадного охотника Джорджа, — сказала Джой, озорно сверкнула глазами и разворошила пятерней седую гриву мужа.

Джордж, за все время не проронивший ни слова, смущенно улыбнулся и продолжал попыхивать своей трубкой. Спокойный, добрый молчальник! Но какая трудная, полная лишений, приключений и опасностей жизнь за его плечами! Он приехал из Англии в Кению на кофейную плантацию отца в восемнадцать лет. Начал работать трактористом, но после того, как Джордж оказался «сыт по горло» работой на ферме, он перепробовал десятки занятий, пытаясь найти свое призвание. Был резчиком сизаля, лесником, золотоискателем, водил автобус, перегонял скот и, наконец, стал профессиональным охотником. Его учителем был старый доробо, маленький человек, охотившийся с луком с отравленными стрелами. От него Джордж узнал повадки животных, учился читать следы, безошибочно определять направление ветра, бесшумно ходить по лесу, преследовать раненого зверя. К 32 годам он не нажил капитала как такового, но приобрел значительно больше — жизненную закалку, уникальное знание Кении, ее животного и растительного мира.

К этому времени в нем произошла перемена: искусный охотник стал инспектором по охране диких животных, грозой браконьеров. О Джордже заговорили как о бесстрашном и отважном защитнике африканского буша. Как-то Джорджа попросили убить льва-людоеда. Джордж выследил зверя, устроил засаду на его тропе. Настал момент, когда зверь пошел на человека. Охотник поднял ружье, нажал на спуск, осечка. Зверь бросился на человека, трагический конец казался неотвратимым. Но каким-то чудом Адамсон дотянулся до второй винтовки и убил льва. Истекая кровью, он успел окликнуть своего помощника и показал ему на шприц и пенициллин. К счастью, к этому времени он был изобретен и получил широкое признание. Джордж знал, что под когтями диких зверей накапливается трупный яд, раны, нанесенные ими, вызывают гангрену. Несколько недель сначала в палатке, а потом в госпитале Джордж

находился между жизнью и смертью, но железный организм победил, и Джордж выздоровел.

— Так вот, — после паузы продолжала Джой, — в декабре 1944 года небольшая компания европейских поселенцев отмечала рождество в городке Гарисса. Неожиданно в нашей компании появился Джордж, о котором после схватки со львом-людоедом ходили легенды, все восхищались его смелостью, выдержкой и отвагой. Забыв все и поддавшись чувству, не устояла и я... Кое-как уладив дела, захватив палатку, запас еды и воды, мы пешком отправились в свадебное путешествие на берег Индийского океана... С того дня прошло почти 30 лет.

Она сидела задумчивая, заходящее солнце золотило ее белокурые волосы, голубые глаза пристально смотрели вдаль. Вдруг она снова оживилась и весело спросила меня:

— Догадайтесь, что ответил Джордж, когда я его спросила, за что он меня полюбил?

— Ну, вы красивая, умная, талантливая.

— Ничего похожего! Он ответил, что я не жалуюсь, когда хожу с тяжелым рюкзаком!

Вернувшись с Таны, мы еще долго сидели в плетеных креслах, у самой сетки, отделявшей лагерь Джорджа от буша. Смотрели на загорающиеся звезды, слушали тишину, нарушаемую изредка львиным рыком. Звуки становились все ближе и ближе — на свидание с Джорджем шли львица Джумма и другие его четвероногие друзья.

ИЗНУРИТЕЛЬНЫЙ, НО РАДОСТНЫЙ ТРУД

Жизнь с Джорджем дала Джой возможность вплотную узнать мир диких животных. Ей часто приходилось воспитывать больных и раненых зверей или осиротевших детенышей. В ее рисунках появилась новая тема — африканские животные. Можно бесконечно любоваться ее акварелями Эльсы и набросками Пиппы. К сожалению, эти наброски оказались последними: в результате автомобильной катастрофы Джой потеряла способность хорошо владеть правой рукой. На эту бедную руку валилась одна напасть за другой. В 1975 году она писала мне: «В июне прошлого года я, к несчастью, трижды ломала правую руку в локтевом суставе, и теперь она не двигается. Кроме того, мне сделали шестую операцию на кисти этой же руки, которая была раз-

дроблена пять лет назад. В ноябре прошлого года в Лондоне мне сделали вставки костей... постепенно кисть становится работоспособной». А я еще удивлялся, почему таким неразборчивым стал почерк Джой!

Дружба Джой с львицей Эльсой и ее детенышами — Джеспэ, Гуна и Эльсой-маленькой, а позднее с гепардом Пиппой — новый период в жизни Джой Адамсон — этап научного наблюдения за поведением животных, их привычками. И еще кропотливый труд по приучению привыкших к человеку, приученных получать от него пищу зверей к жизни на свободе. Появились научные записи, точности и обстоятельности которых могли бы позавидовать ученые, и, наконец, книги. В них достоверность и наблюдательность исследователя сочетается с лиризмом художника, с тонким и проникновенным описанием чувств, настроений, картин природы. Книги Джой полны глубоких размышлений, страстных монологов об истинном предназначении человека, о его могуществе и необходимости разумно пользоваться своей властью при вмешательстве в законы природы. Неподдельная боль звучит в словах писательницы, когда она видит, как с лица земли навсегда исчезают животные. «Чем больше я жила в этом мире, тем яснее для меня становилось, — пишет она, — как опрометчиво мы отгораживаемся от мира дикой природы; как много людей окончательно позабыло, что все мы — только частица необъятного мира, и нам принадлежит лишь малая его доля. Страшно подумать, что человек старается обойти вечные законы природы вместо того, чтобы приспособиться к ним. Человек — самое высокоразвитое и разумное существо на Земле и при этом единственное, которое варварски нарушает равновесие в природе только ради собственного благополучия... Быть может, мы тем самым подписываем свой смертный приговор». Бесспорно, книги Джой Адамсон, проникнутые подкупающей искренностью ее романтической и артистической натуры, стоят в ряду лучших произведений об окружающем нас живом мире.

Жизнь в буше, работа со зверями — это и изнурительный труд, сопряженный с каждодневными опасностями и риском. Из сорока лет жизни в Африке большую часть Джой провела в путешествиях, утомительных переходах, часто страдая от невыносимой жары, проливных дождей, недостатка питьевой воды. Она вспоминает, как на горе Кулал, где Джой делала

первые зарисовки кенийской флоры, приходилось пополнять скудный запас воды. Раскинутыми на траве простынями собирали утреннюю росу, а потом выжимали их. А когда однажды представилась возможность качать воду прямо в лагерь (на тот случай, если слоны или другие животные займут подходы к реке), она расценила это как «роскошь, с которой не встречалась за 28 лет походной жизни».

Лагерь в Меру, в котором жила в мою бытность в Кении Джой Адамсон, несколько раз приходилось спасать от наводнений: в период дождей местная речушка превращалась в ревущий поток. Перед дождями здесь траву сжигают. Раз переменившийся ветер занес из-за реки искры, и трава занялась возле лагеря. Джой бросилась спасать автомашины, палатки. «К закату, — вспоминает Джой, — с помощью подоспевших мужчин я справилась с пожаром. Когда я свалилась в изнеможении, руки покрылись волдырями, волосы были опалены». Случайности подстерегали на каждом шагу. Раз, опасаясь за жизнь Пиппы, она отправилась с егерями выслеживать браконьеров. Пробираясь через густой кустарник вдоль берега Таны, Джой споткнулась о поваленное дерево, упала и сильно ушибла ребра, боль давала себя знать при каждом вдохе, становилась нестерпимой, и ее пришлось самолетом «Скорой помощи» отправить в больницу в Найроби. В другой раз во время перехода напуганный носорогами мул сбросил Джой. «Удар, должно быть, вызвал повреждение позвоночника, и меня временно парализовало, так что я была не в состоянии двигаться и только невнятно стонала». А однажды вместе с Джорджем Джой увязла в болоте. Схватившись за руки и поддерживая друг друга, они выдирали ноги из трясины, судорожно цепляясь за кусты. В полной темноте, «уже не видя ни зги, мы выбрались из этого мокрого ада».

Бесчисленное число раз она неожиданно, как говорится «лицом к лицу», сталкивалась с львами, слонами, буйволами, носорогами. Джой постоянно донимали змеи. «К вечеру я вернулась домой и увидела у входа в свою палатку кобру... Уже почти стемнело, когда я вдруг увидела, что к моим ногам из-под стола выползает кобра... Никогда ни в одном лагере мне не пришлось испытать такого нашествия кобр, гадюк, древесных змей...»

Мне тоже запомнилась африканская кобра. Как-то с приятелем выбрались порыбачить на озере Рудольф,

с нами отважились поехать и наши жены. Рыбалка была отличной — поймали четырех нильских окуней общим весом более 100 килограммов. Довольные сидели вечером на веранде и обсуждали план завтрашней рыбалки. Вдруг в баре началась какая-то суматоха; прислуга, вооружившись половыми щетками, ножами, громко окликая друг друга, осматривала углы, сдвигала столы и стулья. Панику вызвала кобра, которую в конце концов убили. Змея оказалась внушительных размеров. После этой сцены наши спальные комнаты в хижине показались какими-то неуютными, ночь прошла беспокойно: на другое утро, едва поднялось солнце, мы по требованию жен быстро собрали пожитки и взяли курс на Найроби. О бегстве от кобры как-то рассказал Джой. Она очень смеялась, а потом сказала, что с африканскими змеями надо всегда быть настороже.

Однажды в ее лагерь в Меру приехал с женой оператор Гржимека — Алан Рут. Возле одной из палаток он поймал большую гадюку, чтобы продемонстрировать Джой и своей жене, сколько яда за один раз выпускает змея. Выдавлив яд, он отпустил змею на землю, а когда снова взял ее в руки, чтобы женщины могли сфотографировать его с трофеем, змея резко вывернулась и укусила Алана в руку. Думая, что укус теперь не опасен, Рут отшучивался. Однако рука вскоре стала заметно опухать, у Алана начало мутиться сознание, подступила тошнота, усилилось сердцебиение. Пришлось вызвать санитарный самолет и отправить Алана в больницу в Найроби. Там он четыре дня находился в тяжелом состоянии.

Когда Джой занималась животными — львами, гепардами, леопардами, она вечно ходила в царапинах и укусах. Как-то ей передали на воспитание маленькую самку леопарда Тага, и Джой очень привязалась к ней; единственно, что ей не нравилось, — это острые когти Таги. Она никак не могла научить зверька прятать их во время игры. Джой даже пыталась подпиливать их пилкой для ногтей, но скоро бросила это занятие, потому что за один день у зверька отрастали еще более острые когти. В конце концов ей пришлось постоянно носить с собой порошок стрептоцида, чтобы засыпать многочисленные царапины. Но это, как считала Джой, пустяки, бывали случаи гораздо серьезнее. Один из детенышей Пиппы, Уайти, сломал лапу. Джой по опыту знала, что на воле ей грозит гибель. Она хотела

взять Уайти в лагерь и дала ей с мясом снотворное. Но когда, сочтя, что снотворное подействовало, она схватила Уайти, та мгновенно укусила Джой в руку, бедро и икру. Обливаясь кровью, Джой вынуждена была отпустить гепарда и поспешила к Скале Леопарда, в дирекцию парка, чтобы сделать укол пенициллина. Рассказывая об этом случае, Джой заметила: «Глаза Уайти всегда были изумительно красивы, с очень мягким взглядом. Теперь же она смотрела на меня с нескрываемой ненавистью, жесткими, убийственно жесткими глазами».

В другой раз, проголодавшись во время наводнения, Пиппа с такой жадностью вцепилась в предложенную ей Джой еду, что приняла за мясо руку и основательно ее прокусила. До лагеря было далеко, и, пока Джой добралась до машины и доехала до Скалы Леопарда, лимфатические железы у нее сильно распухли, и ей пришлось лечиться несколько дней. Иногда Джой говорила, что на ней «нет буквально живого места».

Но все это забывалось, когда труд вознаграждался. В дни премьеры фильма «Рожденная свободной», проходившего в Лондоне с большим успехом, Пиппа произвела на свет трех детенышей. «Это смысл всего, что для меня означали слова — рожденная свободной», — вспоминала потом Джой. Детеныши от второго помета Пиппы редко посещали лагерь Джой, и она со своими помощниками Стенли и Локалем долгих девять месяцев странствовала по зарослям, чтобы убедиться, что молодые становятся дикими кошками. «Как я была счастлива, видя, что Пиппа с малышами живет на свободе, и каждый делает, что ему вздумается. Я этого и добивалась».

Характер Джой был живым, импульсивным и решительным, а временами и жестким, непреклонным. При всем этом она, как говорится, была легка на подъем. С двумя подругами она во время войны совершила, как потом сама признавалась, «рискованное и отчасти безрассудное» путешествие на «лендровере» в Бельгийское Конго (Заир). И когда ее подруги во время ночлега в тропическом лесу замирали от страха, слыша рев льва, хохот гиен и лай шакалов, она вспоминала виденное днем извержение вулкана Ньямлагиру и размышляла о недремлющих силах природы, создававших нашу планету. Без особых раздумий и сборов она совершила восхождение на самую высокую гору Африки — Килиманджаро (5895 м) и гору Кения (5199 м). В 1953 году, на-

правляясь в Европу, она с Джорджем на «лендровере» пересекла Сахару. В 1974 году она писала мне в Рабат: «Было бы здорово, если бы по нашему примеру Вы смогли пересечь Сахару и добраться до Кении, где мы вместе встретили бы рождество. Единственное, о чем Вам надо позаботиться, — это запастись лишним радиатором». Помнится, нас с женой совет о «единственно» необходимой в дороге по Сахаре вещи — радиаторе — прямо-таки умилил. Когда Джой Адамсон была в Москве и жила в гостинице «Россия», в один из дней ее долго ждали к обеду. Сотрудница Общества охраны природы, сопровождавшая Джой, решила ее поискать. Она обнаружила гостью в бюро путешествий при гостинице, где та чего-то добивалась от служащей бюро. Оказывается, Джой выясняла возможность скорой поездки в тайгу, чтобы увидеть уссурийского тигра. Только после долгих объяснений, что уссурийских тигров опытные следопыты разыскивают и пересчитывают зимой по следам в снегу, а летом тигра увидеть почти невозможно (был сентябрь), она отказалась от своего намерения.

МЭМСАХИБ ХАРАКИ

«Мэмсахиб Хараки» — «Быстрая леди» — так звали Джой Адамсон работавшие с ней африканцы. А Джордж говорит о ней так: «Она была полна такой кипучей энергией, что за ней просто никто не мог угнаться. Во всяком случае, не я. Когда ею завладевала какая-нибудь идея, она не успокаивалась, пока не доводила дело до конца. Мне случалось, вставая ночью с постели, находить ее в четыре часа утра за письменным столом. Я не знаю никого более целеустремленного, чем Джой». Невероятно активная, энергичная и динамичная, она настойчиво пропагандировала охрану животного мира Африки. Этому служат и ее книги об африканской фауне и флоре («Рожденная свободной», «Живущая свободной», «История Эльсы», «Эльса и ее львята», «Пятнистый сфинкс», «Пиппа бросает вызов», «Гепард Пиппа и ее детеныши», «Африка глазами Джой Адамсон»). Особняком стоят две книги Адамсон — «Народы Кении» и автобиографическое повествование «Моя беспокойная жизнь». В одном из последних своих писем ко мне, в декабре 1979 года, она сообщала, что заканчивает книгу «Пенни — королева Шабы». Джой писала: «Я нахожу Пенни очаровательной — имеет котят, а

сама ребенок». Книги Джой Адамсон переведены на десятки языков миллионными тиражами. Только «Рожденная свободной» продано в мире более 13 миллионов экземпляров. Можно сказать, что ни одна другая книга о жизни диких зверей не пользуется такой популярностью. Некоторые ее книги вышли на русском языке, и надо надеяться, что в недалеком будущем советский читатель сможет прочесть их все.

Самое живое участие принимала Джой в создании фильма «Рожденная свободной», снятого по ее повести. Второй фильм об Эльсе и ее воспитателях — «Живущая свободной» — снимался в районе кенийского озера Наиваша, недалеко от Эльсамера, где жила в 70-е годы Джой Адамсон. Мне приходилось бывать на съемках, и я видел, каким уважением у режиссеров, операторов, актеров пользовалась Джой, как прислушивались к каждому ее совету. Я видел, в каких дружеских отношениях находилась она с четвероногими «артистами», как трепала и гладила годовалую львицу, как ласково шептала ей что-то. Ее примеру последовал один из операторов фильма. Он похлопал львицу по загривку, но тут же вскрикнул от боли и с окровавленной рукой направился в медпункт. Джой, проводив глазами пострадавшего, заметила: «Наверное, обидел львицу, вот она и припомнила ему. Зверь понимает ласку и отвечает на нее, но и обид не прощает».

Джой охотно отзывалась на предложения о съемках телевизионных фильмов по ее книгам. Таких фильмов снято множество. В 1974 году она писала мне: «Сегодня у меня большая делегация продюсеров американского телевидения. «Бродкастинг систем» совместно со студией «Колумбия» разработала проект создания серии фильмов, которые будут демонстрироваться раз в неделю в течение часа. Фильмы будут сниматься в Кении в течение 5—7 лет под названием «Рожденная на свободе», главный участник — Эльса. Все это делается с целью обеспечить охрану диких зверей. Конечно, там будет много вымышленного, но это будет дополнено документальным материалом, который находится под моим контролем. Все это будет связано с большой работой, и потребуются твердость в переговорах с этими прожженными продюсерами-бизнесменами. В то же время это окажет огромную помощь делу «Охраны», если съемки будут произведены, как нужно. Кстати, этот год проходит в Кении под знаком охраны животного мира».

Очевидно, показ фильмов шел не так хорошо, как хотелось бы Джой. В следующем году она писала мне: «Серия телевизионных фильмов, снятых Национальной вещательной корпорацией США, была прекращена после показа 13 программ, поскольку американской публике больше по душе футбол и преступления. Тем не менее фильмы были проданы во многие страны и пользуются успехом больше, чем любая другая телевизионная продукция этого объединения. Мне самой все еще приходится выступать по телевидению для различных стран, чтобы помочь распространению фильмов. Кажется, они весьма популярны во всем мире».

Во многих странах у Джой появились ревностные сторонники и последователи. В одном из писем она сообщает, что во многих странах появились клубы Эльсы, в которых молодежь обучают активному вмешательству в дело сохранения диких животных, собирают средства, используемые для спасения животных, находящихся под угрозой уничтожения в этих странах. Сама Джой передала в Международный фонд охраны диких животных и в Фонд Эльсы свой дом на озере Наиваша; этому же фонду она завещала и все свое состояние. Цель этого фонда — переселение в национальные парки и резерваты животных, которым в их исконных местах обитания угрожает опасность. С лекциями, показами документальных фильмов о жизни диких животных Джой Адамсон объехала многие страны Европы, США, Канаду, Японию, Австралию. Ее выступления всегда собирали большую аудиторию и проходили с неизменным успехом.

Советский Союз Джой Адамсон посетила в 1973 году по приглашению Всероссийского общества охраны природы. Она познакомилась с организацией охраны животного мира в нашей стране, побывала в Аскании-Нова и Кавказском заповеднике, сделала прививку на Дереве Дружбы в Сочи, беседовала с учеными, встречалась с юными натуралистами. В это время я был в отпуске в Москве. Я уже хорошо знал характер Джой: встретясь с ней, по ее оживленно блестящим глазам сразу угадал, что ей нравится пребывание в нашей стране. А вернувшись в Найроби и навестив Джой, я спросил ее о впечатлении, которое она вынесла из поездки в СССР.

— Восхитительное путешествие, мне понравилась каждая его минута! — воскликнула она. — Самое глав-

ное, что меня поразило, это то, что охрана природы поставлена у вас на государственном уровне. Научной работе в ваших заповедниках может позавидовать любая страна. Когда в Аскании-Нова в тележке, запряженной гибридом лошади Пржевальского, я ехала мимо табунов гну, зебр, буйволов, зубров, антилоп канн, мне показалось, что в этом месте разгрузили весь Ноев ковчег.

Два года спустя она писала мне в Рабат: «Мне так часто вспоминается чудесное пребывание в вашей стране. Недавно я получила от активистки Люды, работающей во Всероссийском обществе охраны природы, прекрасно вырезанного из дерева медведя. А сегодня я буду угощать своих друзей из восхитительных хохломских сосудов из дерева, которые я привезла из Москвы. Ими любят все мои гости. Самшитовое деревцо, которое мне подарили в Кавказских горах и которое Вы любезно перевезли в Найроби, находится в прекрасном состоянии. Я зову его «Капронка» в честь забавной лошадки, которая тянула нашу повозку в Аскании-Нова. Дерево хорошо растет в моем саду, и оно всегда будет напоминать мне о вашей великой стране».

В самой Кении Адамсоны все годы боролись за создание новых национальных парков и резерватов. Дело в том, что тогдашние национальные парки обеспечивали сохранность только половины существовавших там видов. К тому же поток туристов в Кению в значительной степени благодаря книгам Джой Адамсон и снятым по ним фильмам заметно увеличивался, все больше людей со всех частей света приезжают посмотреть диких животных, природу Африки. «Приветствуя растущий поток туристов, как сделать, чтобы не дать им превратить парки в огромную помойную яму?» — не раз задавала такой вопрос Джой.

Однажды Джой неожиданно спросила, не знаю ли я, сколько средств в год тратится в мире на вооружение.

— 360 миллиардов долларов.

— Миллиард долларов в день? Какое безумное расточительство!

— Вы что, Джой, решили включиться в борьбу за разоружение?

— Я думаю вот о чем. Кения — бедная страна, к тому же здесь самая высокая в мире рождаемость. Хочешь не хочешь, а чтобы прокормить население, приходится распахивать новые земли под хлеб, кофе, чай, увеличивать земли под пастбища для домашнего скота.

Уголки дикой природы сокращаются, животным становится все теснее и теснее, в отдельных местах им просто не хватает территории и корма. Многие виды поставлены на край гибели. Вот я и мечтаю о том времени, когда прекратится гонка вооружений, исчезнут войны, вражда, наступит Всемирное братство народов — так, кажется, говорят ваши марксисты. Тогда будет достаточно средств, чтобы избавить людей от голода, нищеты, болезней, защитить окружающую среду. Как было бы прекрасно превратить Кению, Танзанию — там, где еще сохранился богатый животный мир, — во всемирные заповедники, которые стали бы достоянием всего человечества.

— Замечательная мысль! Однако до Всемирного братства народов, боюсь, еще далеко.

— Но почему же? Почему?

Как мог, я постарался объяснить в общем-то неискушенной в политике Джой суть дела. Я жалею, что в то время еще не был написан Чингизом Айтматовым роман «И дольше века длится день», в котором показано, как человечество в лице двух великих держав спасовало, признав свою нравственную неготовность к контактам с более высокой, не знающей оружия, насилия и войн цивилизацией, обнаруженной землянами-космонавтами в другой галактике. Главная забота инопланетян-«зеленогрудцев» — сохранение своей планеты. Отвлекаясь от вопроса о том, кто же виноват в трагическом исходе космической одиссеи (на понимание этого со стороны Джой, чьи классовые инстинкты находились по другую сторону, рассчитывать было бы трудно), я почему-то уверен, что, Расскажи я ей о фантастической линии романа, она яснее увидела бы, насколько велики противоречия, мешающие приближению к идеалу справедливого всечеловеческого жизнеустройства. Но, кажется, и без того она уяснила суть, сказав, что очень жаль, что не удастся спасти и разумно использовать средства, расходуемые на вооружение.

— Выходит, что надо довольствоваться малым, увеличивать число национальных парков, создавать их там, где только возможно, — сказала Джой.

Можно утверждать, что заповедные места кенийского севера — детище Адамсонов. В значительной мере, их стараниями созданы национальные парки Меру и Самбуру. Самый северный резерват — Марсабит — дело рук Терренса. В год, когда я покидал Кению, Джордж

и Терренс занимались созданием нового резервата на берегах реки Тана. Как-то Джой предложила осмотреть один район вблизи озера Наиваша; в то время она, по ее выражению, «начала войну» за то, чтобы превратить эту местность в резерват. Она рассчитывала, что эта мера спасет обитателей национального парка в районе Найроби, который так переполнен посетителями, что животные покидают его и погибают. Мы объехали участок, любовались гигантскими тропическими деревьями, хрустальными ручьями, живописными полянами.

— Ну как? — спросила Джой.

— Великолепное место. За чем дело?

— За деньгами! Вы не забывайте, что здесь — частные владения.

На зеленой поляне, недалеко от одинокой скалы, напоминавшей сахарную голову, мы сделали привал. Вокруг скалы сутилась группа туристов с фотоаппаратами.

— Они высматривают горных даманов, — догадалась Джой. — Только вряд ли они их увидят — слишком много шума.

«Неужели увижу даманов?» — подумал я. В первый раз, когда я заночевал в туристской хижине в предгорьях Абардер, меня поразил резкий, пронзительный визг: казалось, вся округа заселена нечистой силой. Заснуть было невозможно, и я всю ночь просидел у огня. Каково же было мое удивление утром, когда зашедший за мной, чтобы проводить по опасной горной тропе к реке, егерь африканец Самсон Камао на мой вопрос о ночных голосах с добродушной улыбкой ответил, что это кричал даман, небольшой зверек размером с дикую морскую свинку. Позднее я узнал, что, кроме ночных крикунов — древесных даманов, существует другой вид — горные даманы, живущие колониями на скалах и ведущие дневной образ жизни. Оказалось, что зверьки эти весьма примечательные — из-за особого строения зубов и лап ученые приписывают им родство со слонами.

После того как туристы покинули поляну, укатив на автобусе, подошли к скале и мы. Оказалось, что у Джой припасен мешочек моркови. Наклоняясь к расщелинам и гротам, она тихим мягким голосом звала: «Кам ин, кам ин!» Вскоре с разных сторон появились смешные зверьки, выхватывали из рук Джой морковки и скрывались в своих щелях.

— Выходит, даманы тоже ваши подопечные.

— О, конечно. Я частенько подкармливаю их, слежу, чтобы никто не обидел. У них хоть и маленькие, но очень симпатичные шкурки. А вообще с горными дамами я знакома давно, и когда-то самочка дамана Пати-Пати была моей верной спутницей в течение шести с половиной лет.

В дальнейшем, когда мне приходилось бывать в Эль-самере, Джой предлагала: «А не поехать ли нам покормить морковкой наших милых даманов?»

В марте 1975 года она писала мне в Марокко: «Вы знаете, что уже в течение трех лет я бьюсь над тем, чтобы превратить район между подножием уступа Кедонг и озером Наиваша в резерват. Однако наличие огромного количества пружин и пружинок страшно замедляет дело. И все же теперь мы добились, что власти произвели оценку стоимости участка и вместо использования его в качестве сельскохозяйственных угодий определили ему статус резервата. Я надеюсь, что нам удастся собрать 350 тысяч фунтов стерлингов, чтобы откупить этот участок площадью в 180 квадратных миль у теперешних владельцев. Вот было бы здорово!»

СОХРАНИТЬ ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Так кто же все-таки Джой Адамсон? Почему она завоевала такую широкую известность в мире? Художница, писательница, естествоиспытатель? И то, и другое, и третье. Но прежде всего она — Человек, нашедший свое высокое призвание в служении Природе, частью которой мы являемся, Человек, бесконечно полюбивший диких животных и полюбивший не только ради их самих, а и во имя того, чтобы сохранить их для людей, ради того, чтобы жизнь людей на Земле была более полной, осмысленной и красивой. Говоря словами Джой, она всегда «испытывала жажду познания ошеломляющего разнообразия жизни», обрела счастье такого познания и хотела, чтобы это счастье с ней разделили все люди.

До знакомства с работой Джой Адамсон с животными мы читали немало занимательных историй о приручении диких животных, о их жизни в домашних условиях, о их привязанности к своим воспитателям. В большинстве такие энтузиасты искренне любили животных, желали им добра, отдавали им много сил и времени. Мы часто восхищались и умилялись подобной заботой о

«братьях наших меньших». Но случилось как-то так, что при этом забывалось одно существенное обстоятельство — животные, рожденные свободными, жили в неволе. В уходе, заботе и даже атмосфере любви, но все же в неволе, в отрыве от своей естественной среды, от своих сородичей.

Адамсоны не отдали, как это обычно случается, выросшего в неволе зверя в зоопарк, а, проявив подлинную любовь к животным, прозорливость и дальновидность, пошли другим путем, самым трудным, требовавшим неимоверного терпения: приучить взрослую львицу, не прошедшую «материнской школы воспитания», не имевшую навыков охоты, не знавшую суровых и беспощадных законов дикой природы, к жизни на свободе. Они первыми призвали по-новому посмотреть на мир диких животных, поставили под сомнение некоторые прочно утвердившиеся представления, опровергли мнение, что воспитанное и прирученное человеком дикое животное не выживет в естественных условиях, никогда не будет принято его сородичами. Работа Джой Адамсон с львицей Эльсой, гепардом Пиппой, самкой леопарда Пенни вселяет надежду, что многие исчезающие виды животных, сохранившиеся лишь в неволе и размножающиеся там, могут быть возвращены в естественную природу, не исчезнут с лица земли и будут сохранены для будущих поколений людей. Насколько это важно в наше время, когда тревожные сигналы об исчезновении животных поступают со всех частей света, — очевидно каждому.

А каков научный вклад Джой Адамсон в изучение жизни диких животных? Не будучи зоологом, здесь я должен сослаться на мнение ученых. В Кении побывало много советских зоологов, биологов, ботаников. Большинство из них встречались с Джой Адамсон, знают ее работы. Один из таких ученых — мой давний знакомый профессор Владимир Евгеньевич Флинт. Я прошу его рассказать о научном характере деятельности Джой Адамсон.

— Для всех, кто связан с охраной природы, и для ученых в том числе, работы Джой Адамсон имеют огромное значение, — говорит Флинт. — Я выделил бы прежде всего убедительное доказательство ею важного тезиса: дикое животное, выращенное человеком, может быть возвращено к вольной жизни. Может показаться, что вопрос не столь уж существенный и даже празд-

ный. Скептики могут спросить — позвольте, а о каком числе животных идет речь? Об исключительных случаях? Нет, дело значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Уже сейчас проблема «репатриации» животных приобрела необычайную актуальность. Ряд видов животных оказался в настолько угрожающем положении, что сохранить этих животных в естественных условиях — почти нереально. Поэтому Международный союз охраны природы и природных ресурсов предложил создать в зоопарках известные резервы таких животных. Это явилось бы гарантией сохранения вида. В дальнейшем, при создании благоприятных условий, животных можно снова вернуть в родные места. Такая работа ведется, и получены первые обнадеживающие сведения; в различных зоопарках мира созданы размножающиеся группы таких редких животных, как белый орикс, саблерогая антилопа и некоторые другие.

— Знаете, Владимир Евгеньевич, Джой рассказывала мне, что в то время, когда дикие животные исчезают с угрожающей быстротой, в некоторых зоопарках новорожденных львов часто уничтожают потому, что на них нет спроса. В известной степени это объясняется тем, что в неволе львица рождает каждые три с половиной месяца. На свободе же она занята воспитанием львят, приучает их к самостоятельной жизни, учит охотиться, не спаривается в течение двух лет, пока львята не станут самостоятельными. «Когда мы научимся возвращать львов к дикой жизни, — говорила Джой, — африканский буш можно будет заселить рожденными в зоопарке львами». Это верно?

— Именно это и предусматривается научными программами.

— Я читал, что существуют такие же планы и в отношении лошади Пржевальского, некогда обитавшей на просторах Центральной Азии.

— Совершенно верно. Но все это лишь первый этап программы. Пока не ясно, смогут ли звери, разведенные в вольерах, выжить, если их снова выпустить на волю, не утратили ли они необходимых для жизни в природных условиях наследственных навыков. Работа Джой Адамсон дала первый обнадеживающий ответ на столь сложный вопрос. Процесс восстановления утерянных или крайне ослабленных в неволе приспособительных реакций и навыков — процесс не только длительный, но

и крайне трудный. Без заботливой помощи человека зверю здесь не обойтись — он просто погибнет.

— Вероятно, тут нужны такие энтузиасты, как Джой Адамсон?

— Да, для всех, кто занят этой работой, Джой Адамсон может служить идеальным образцом. Другой, не менее интересный, результат ее работы — значительное расширение наших познаний о поведении крупных хищников, их индивидуальности, свойственных им реакциях на различные явления окружающей жизни. Можно смело утверждать, что материалы, собранные Адамсон о гепардах, представляют собой серьезный вклад в науку о животных. Она первая определила длительность беременности гепарда, время выкармливания котят, способы обучения молодняка охоте, сроки распада выводка, установила территориальность у гепардов, характер использования охотничьих угодий.

— А как вы относитесь к некоторому антропоморфизму Джой? Джой, например, рассказывала мне, что львы из одного прайда мучительно переживают разлуку. Сыновья Эльсы — Джэспе и Гупа, по ее словам, потеряли гривы после смерти матери. А во время съемок «Рожденная свободной» Герл страдала на побережье, когда ее разлучили с братом, она даже сниматься не могла, пока его не привезли. Джой уверяла, что львица Генриетта из той же съемочной группы обладала чувством юмора и была прирожденной комической актрисой.

— Утверждая, что зверь — это живое существо со своей сложной психической жизнью, с собственными привязанностями и наклонностями, с симпатиями и антипатиями, что животные способны на чувства, близкие к человеческим, Адамсон, конечно, отдавала определенную дань атропоморфизму. Но велика ли беда? Ведь она этим, собственно, как бы расширяла и умножала моральное право зверей на жизнь. Лучше возвеличить животное, чем бездумно его уничтожать, лишая природу ее первозданной красоты, обедняя и обкрадывая в конце концов самого человека. Нет, Джой Адамсон все продумала. Она была настолько же мудра, насколько бескомпромиссна в защите живой природы.

Что да, то да! Природу Джой Адамсон защищала всю жизнь, проявляя неизменную любовь к «братьям нашим меньшим». Она тяжело, я бы сказал, трагически пережила смерть своей самой большой любимицы —

львицы Эльсы. После Эльсы Джой дала себе слово никогда не привязываться ни к какому животному и... не сдержала его — появилась Пиппа, ее потомство. Сколько я знал Джой, около нее постоянно кто-то жил, звери ли, птицы ли. В один из приездов на ее виллу на озере Наиваша я увидел около открытой веранды, которая без всяких ступенек переходила в зеленый газон, длинные бревна и спросил Джой о их назначении.

— О, это великое изобретение! — засмеялась она и повела к берегу озера. Там в высоком папирусе отдыхала пара бегемотов.

— Эти милые уроды облюбовали мой берег и часто выходят щипать траву прямо на газон. Представляете, что они могут натворить, если им вздумается осмотреть мои комнаты, веранда ведь всегда открыта. Вот я и приказала положить бревна — на своих коротеньких ножках бегемоты не в состоянии их перешагнуть.

На высоких акациях около ее дома постоянно гнездились огромные полудикие филины. Потом появились две тростниковые антилопы, которых ей передал один фермер, выехавший из Кении. Обитали на деревьях и две пары обезьян колобусов, самых красивых из всех обезьян, гордых обладателей невероятно эффектных шкур. «Когда они прыгают с дерева на дерево, а на их длинную черно-белую пелерину падают солнечные лучи, они становятся похожими скорее на некие сказочные волшебные существа, чем на живые создания» — так описывала колобусов Джой. Из-за этих красивых шкур колобусов безжалостно уничтожают браконьеры, и в окрестных лесах они почти начисто истреблены.

Все животные, с которыми имела дело Джой, не были для нее только любимцами. Они значили для нее значительно больше, были целью ее работы, можно сказать, смыслом жизни. В 1975 году она писала мне в Марокко: «В настоящее время у меня есть два детеныша колобуса, спасенных мною от отправки в американский зоопарк. Я держала их взаперти до тех пор, пока они не подросли настолько, что их смогли принять в свои семьи две живущих у меня на воле пары (вы эти пары, надеюсь, помните). И теперь детеныши живут в моем небольшом лесу совершенно свободной жизнью. Меня интересовало, возможно ли подобное принятие в среду в связи с тем, что из-за быстрого уничтожения колобусов в данном районе нам придется в скором будущем населять леса колобусами, рожденными от пойманных ро-

дителей и затем выпущенными в среду местных обезьян. Здесь, в Эльсамере, опыт оказался весьма удачным». Таких опытов Джой Адамсон провела десятки и убедительно доказала, что можно сохранить все виды диких животных для будущих поколений человечества.

Я никогда не видел в доме Джой Адамсон кошек, собак. Хотя к увлечению домашними животными она относилась в общем-то снисходительно, зато была нетерпима, когда люди из-за корысти, рекламы или просто блажи содержали диких животных, особенно хищников, в домашних условиях. «Рано или поздно, — говорила она, — это кончится плохо». Москвичи знают историю льва Кинга, содержавшегося в городской квартире, которого пришлось застрелить из-за возникшего недоразумения. Владелица Кинга очень хотела встретиться с Джой Адамсон, часами ждала ее в гостинице, но Джой, которой рассказали историю Кинга, решительно отказалась встретиться с женщиной, дав ясно понять, что она категорически не одобряет подобное обращение с хищниками.

По возвращении из Москвы Джой как-то предложила посмотреть редких зверей, которых, она уверена, я не видел. Звери находились на вилле одной английской пары, жившей неподалеку от Адамсон на озере Наиваша. И вот я смотрю на странное существо с хвостом динозавра, копытами козы, носом кабана, тело его покрыто редкой сероватой шерстью, через которую просвечивает розовая кожа. Дело было днем, и животное спало. Как ни старалась хозяйка расшевелить своего питомца, поставить на ноги, он снова заваливался на бок и продолжал посапывать и храпеть. Смешной сонuleй оказался капский трубкозуб, которого действительно очень трудно встретить. Другого зверя увидеть пришлось не сразу. В середине довольно обширного волье-ра была навалена куча камней, как можно было догадаться, закрывавшая глубокую нору. Хозяйка постучала половником о лист металла (сигнал кормления), и спустя некоторое время из норы послышался грохот, напоминавший отдаленные раскаты грома. Хозяйка сказала, что зверь тщательно заваливает вход в логово камнями и, когда выходит на волю, отбрасывает их в сторону. Спустя некоторое время на поверхности появилось свирепое существо размером с крупную собаку, довольно широкое и приземистое, на коротких мощных лапах, с длинной черно-белой шерстью. Это был медоед. Вот

уж не подумаешь! такой свирепый с виду, а сладкоежка! На обратном пути я спросил Джой, как же она мирится с тем, что ее знакомая держит диких животных, по существу, в домашних условиях?

— За кого вы меня принимаете? Я же признаю науку. Эти англичане — зоологи, они изучают жизнь животных, снимают о них научно-популярный фильм. После окончания фильма они выпустят зверей в тех местах, где они обычно обитают. Я уверена, что они поступят именно так, иначе не назвала бы их своими друзьями.

Да, в вопросах сохранения природы Джой Адамсон была бескомпромиссной и непримиримой максималисткой. Она выступала против охоты на диких зверей: «Как мы можем примирить свою совесть с этим узаконенным убийством прекрасных созданий природы?» Джой возмущали зверинцы, дрессировка животных для показа в цирках. Дикие животные должны жить в родной стихии — таково было ее глубокое убеждение.

НАВСЕГДА В АФРИКЕ

Как всегда в течение многих лет подряд, в канун 1980 года я получил от Джой Адамсон новогоднее поздравление. На открытке — фотография Джой с ее последней подопечной, Пенни. Все та же Джой, какой увидел ее в первый раз в парке Меру! В неизменных шортах, высоких сапогах, с биноклем на плече, с непокрытой головой, идет она по травянистой саванне, поросшей зонтичной акацией, а впереди без ошейника и поводка сильный, красивый леопард. Прекрасная, радостная картина. Человек и зверь на лоне природы!

И буквально через два дня сообщение из Найроби: «Вчера в глухом уголке Центральной Кении погибла известная писательница, знаток природы Африки Джой Адамсон. Когда она вышла из палатки, на нее набросился лев, охотившийся за буйволом...»

Начало января. Только что прошли декабрьские дожди, буйно поднялись травы, резко пахнет мятой, вздувшиеся в переполненных берегах Тана, Ройоверу, Ура и даже маленькая Мулика несут вырванные с корнем деревья, кусты, пучки старой травы, неумолчно трещат нектарницы, ржанки, ткачики. На фоне Скалы Лео-

парда, пальм дум, пирамид красных термитников угасает багрово-красный закат, сгущаются тени под зонтичными акациями, терновниками, тамариндами. К водопоям из зарослей потянулись осторожные антилопы, зебры, совершенно бесшумно — ни один сучок не треснул, ни одна ветка не сломалась — идут слоны, грузно шагают преследуемые слепнями буйволы, покинули свои дневные лежки разморенные сном хищники, затаились в траве, выслеживают добычу. Вот она совсем рядом; львица поползла, прижимаясь брюхом к земле, готовилась к решающему прыжку. И вдруг на тропе появилась женщина, вышедшая из тростниковой хижины, в которой еще не зажигали света. Разъяренная неожиданной помехой, львица бросилась на человека...

И все же... Джой убита львом?

Тем, кто близко знал Джой, ее работу с дикими зверями, чувствовал ее бесконечную любовь к животным и то, как она улавливала их настроение, досконально знала все их повадки, очень нелегко было поверить в такой вполне вероятный, но в данном случае столь несправедливый конец. Сколько раз, часами пробираясь звериными тропами, ей приходилось сталкиваться с хищниками. Она рассказывала, да и в ее книгах описаны десятки случаев, когда натуралистка увертывалась от слонов, носорогов, буйволов. И особенно часто встречалась с дикими львами. «Взбираясь на гребень и одновременно рассматривая в бинокль расстилавшуюся внизу равнину, я чуть не наступила на спящего льва... Он удивился не меньше меня, но вел себя гораздо сдержаннее... я закричала, отскочила назад, а он не торопясь и с достоинством удалился... Пройдя несколько миль, я заметила четыре круглых уха, торчавших над травой ярдах в пятидесяти от нас... Оба льва крались за нами, едва не касаясь брюхом земли. К ним вскоре присоединился третий. Но тут неожиданно выскочило из укрытия большое стадо буйволов, и львы бросились за ними — так разрешилась довольно напряженная обстановка... Проснувшись однажды ночью от глухого рычания, я зажгла фонарик, и только это помешало льву войти в мою палатку...»

В день, когда пришло роковое известие из лагеря Шабы, когда остро полоснула и не улеглась боль, я позвонил московским знакомым, кто не раз бывал в Ке-

нии, встречался с Джой Адамсон, и почувствовал, что не только у меня зародилось сомнение: а так ли все было, на самом ли деле виноват зверь? Сомнение росло по мере поступления информации из Кении. Доктор Ли Талбот, директор Международного союза охраны природы, по свидетельству газеты «Нейшн», заявил: «Когда я впервые услышал о смерти Джой, я сказал, что скептически отношусь к утверждению, что в этом повинен какой-то дикий зверь. Джой так хорошо знала жизнь диких зверей, что было совершенно невероятно, что какой-то зверь мог ее убить».

Позднейшие сообщения из Найроби реабилитировали четвероногих друзей Джой Адамсон. Она оказалась жертвой грабителя. Адамсон была убита человеком, хотя именно ради человека она четверть века неистово боролась за сохранение его родной среды — природы и, вероятно, сделала для сбережения диких животных за последние годы больше кого-либо другого. Утрата не стала меньше. И все же, казалось бы, ничего не меняющий по существу факт, что не дикое африканское животное виновато в смерти Джой Адамсон, имеет определенный смысл: смерть не бросила тени и тем более не перечеркнула жизненную концепцию писательницы, которая страстно утверждала, что человек, любящий диких животных, может завоевать их доверие, привязанность и любовь...

У меня в руках кенийские газеты и журналы первых дней января 1980 года. С фотографий смотрит лицо Джой Адамсон, от которого веет мягкостью, обаятельной женственностью, непередаваемой притягательностью и живостью. Такой она была в жизни и такой навсегда останется в благодарной памяти людей, знавших и любивших ее. А вот снимок Джорджа Адамсона, прилетевшего на похороны в Найроби. Скорбное лицо человека, много раз смотревшего в глаза смерти. Строгий темный костюм, белая рубашка, галстук. За семь лет знакомства я ни разу не видел его в такой одежде.

Согласно завещанию Джой Адамсон ее прах развеян над национальным парком Меру, где она много лет прожила в пальмовой хижине, где испытала счастье общения с природой. Здесь она нашла последнее успокоение среди зверей, которых любила и среди которых жила.

С гибелью Джой дело, которому она отдала последнюю четверть века своей жизни, не умерло. Во время ее похорон Джордж сказал корреспондентам, что будет продолжать дело жены. Джордж скуп на слова, но если он обещал что-то, то обязательно сделает даже ценой собственной жизни. Зная Джорджа, я верил, что так оно и будет. Случилось так, что после гибели Джой я потерял прямую связь с Джорджем. Не зная точного почтового адреса его лагеря в Кора, письмо с выражением соболезнования ему я послал в Эльсамер на озере Наиваша, где останавливался Джордж в тех редких случаях, когда приезжал в Найроби («Я бываю там лишь тогда, когда разболются зубы», — обычно отшучивался он). Проблуждав по Кении несколько месяцев и украсившись многочисленными штемпелями почтовых отделений, письмо вернулось в Москву.

Летом этого года на работу в Кению поехал один мой давний сослуживец, которого я попросил помочь восстановить связь с Джорджем, в частности, переслать ему с какой-либо оказией мое письмо. Ответ Джорджа не заставил долго ждать. Вот перевод его письма.

«Дорогой Дмитрий,

Огромное спасибо вам за ваше письмо и за то, что вы вспомнили обо мне и решили написать. Великолепная фотография напоминает мне о счастливых днях, проведенных нами вместе во время вашего пребывания в Кора. Сейчас, когда прошло уже больше двух лет со дня смерти Джой, мне все еще трудно смириться с тем, что я ее больше никогда не увижу.

К концу 1980 года все львы из первой партии, полученные мной из неволи, вполне освоились здесь, ушли от меня и стали жить своей собственной независимой жизнью, хотя у меня в лагере для них было много еды. (Этот прайд увела львица Аруша, которую я видел вблизи лагеря Джорджа. — Д. Г.) Некоторые из них ушли за реку Тана, северную границу резервата, а другие отправились вниз по течению реки, туда, где живут местные племена со своим домашним скотом. Как только львы вышли за территорию резервата, они стали уязвимыми для браконьеров и для владельцев скота; львов ведь не удержишь от нападения на домашних животных, а хозяева скота принимают в связи с этим свои меры. Нет никаких сомнений в том, что это

привело к гибели некоторых львов, которые были убиты или отравлены...

Я сейчас поддерживаю близкий контакт с некоторыми потомками тех первых львов. Коретта, великолепная львица пяти с половиной лет, принесла три помета львят, из которых выжили только двое: Тафи, которому сейчас шестнадцать месяцев, и восьмимесячный Мак. Она не была им хорошей матерью и, слишком легко поддавшись на ухаживания дикого льва Блакантана, оставила своих детенышей. Тафи и Мак чувствуют себя прекрасно и вместе с трехлетней львицей Наджа и ее двумя львятами, годовалыми Фицем и Фрицем, образуют прекрасную стаю. Отец этих львят — Блакантан. Наджа великолепная мать, без ее помощи ни один из детенышей Коретты не выжил бы. Часто она, забывая собственный голод, приносит мясо всем львятам.

Стараясь как-то загладить свое безответственное поведение, Коретта, у которой сейчас много молока, теперь кормит всех львят, в том числе и детенышей Наджи.

Было время, когда я испытывал подозрение, что в утрате первого помета Коретты — четырех великолепных львят — виноват Блакантан. Я думал, что он, возможно, убил их, и серьезно подумывал о том, чтобы от него избавиться, однако отказался от этого намерения, поскольку у меня не было никаких доказательств. Сейчас я рад, что поступил именно так, потому что он оказался образцовым, снисходительным отцом. Он позволяет львятам валять себя по земле, трепать за уши и таскать за хвост. Хотя к людям он относится с подозрением и сторонится их, он быстро обретает уверенность в себе, и по ночам его могучий рев буквально сотрясает наш лагерь. При этом он всегда выбирает такое место, где лучше всего слышно отражающееся от окрестных холмов эхо. Вероятно, ему нравится слышать свой собственный голос, а может быть, он хочет отпугнуть незваных гостей. Затем есть еще две прекрасные львицы — Гроу и Глоу. Им по четыре с половиной года, и они со своими пятью львятами занимают территорию примерно в 16 милях вверх по течению реки. Время от времени мы их замечаем, и они всегда рады меня видеть, хотя сейчас они уже ни от кого не зависят.

В начале июля прошлого года один мой друг привез нам пару маленьких детенышей леопарда, он проделал с ними весь длинный путь из Парижа, чтобы они могли

поселиться на свободе в резервате Кора. Сейчас им немного больше года и они в прекрасном состоянии. Поскольку держать леопардов в «Кампи я Симба» было невозможно, мы с моим помощником Тони Фитцджеральдом (англичанин, которому в 30 лет опостылела служба в молочной фирме и который с детства мечтал работать с дикими животными. — Д. Г.) построили отдельный лагерь для леопардов у подножия скалистого хребта, примерно в 10 километрах отсюда. Там Тони сейчас и живет, чтобы заботиться о леопардах. Мы надеемся, что в ближайшее время сможем выпустить их на свободу, с тем чтобы они начали постепенно привыкать к жизни на воле. Надеемся, что впоследствии нам удастся получить еще несколько этих животных, потому что в этой стране для них существуют идеальные условия.

Искренне надеюсь, что мы с вами еще увидимся, а пока позвольте заверить вас, что вам в Кора всегда рады.

С наилучшими пожеланиями
Джордж Адамсон».

Я уверен, что это письмо порадует всех, кто знал и любил Джой, следил за ее работой с дикими животными, читал ее книги, восхищался неутомимой защитой окружающей нас природы. Дело Джой живет и будет жить!

Москва, 1980—1982 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Африка — огромный, очень древний материк, простирающийся от субтропиков севера до субтропиков юга. Здесь лежит величайшая пустыня мира Сахара, самая длинная река Нил, одна из самых полноводных рек, Конго, огромное озеро Виктория и глубочайшее озеро Танганьика, гигантские массивы дождевых тропических лесов и бескрайние саванны. И все же это не главное, что привлекает внимание человека в Африке.

На многих континентах ландшафты не менее разнообразны и красивы. Но нигде нет такого богатства, обилия и разнообразия крупных животных. С раннего детства мы знаем, что Африка — это львы и жирафы, страусы и зебры, слоны и гориллы. Африка — это почти 100 видов антилоп, одни названия которых непривычному человеку невозможно запомнить: от карликовых антилоп размером с кролика до огромных канн весом почти в тонну. Ничего подобного нет ни на одном материке нашей планеты.

Неудивительно, что животные Африки всегда привлекали человека. И сегодня миллионы туристов едут в Африку посмотреть на эти чудесные творения природы.

Исключительным изобилием крупных зверей отличается Восточная экваториальная Африка, особенно Кения, о которой пишет Д. П. Горюнов.

Как известно, крупные животные Африки понесли тяжелые потери. Заезжие белые охотники в качестве развлечения убивали тысячи животных, фермеры истребляли крупных хищников, процветало браконьерство. В итоге некоторые виды исчезли полностью, резко упала численность большинства других крупных животных. О трагической судьбе африканских животных написано много книг.

Уже в начале XX века стала очевидной необходимость принятия мер по охране африканских животных. В 20—30-х годах нашего столетия колониальные власти

объявили большие территории Восточной Африки «заповедными зонами короны», насильственно выселив из них африканцев. Однако эта мера преследовала не столько цели охраны природы. На большей части освободившихся земель заповедные участки в современном понимании не были организованы, и они предназначались для создания крупных европейских ферм.

Однако необходимость больших капиталовложений для организации европейских форм животноводства, широкое распространение сонной болезни среди людей, с которой в те времена не умели бороться (например, в Уганде в те годы от сонной болезни погибло около 200 тысяч человек), сходного заболевания рогатого скота — наганы, борьба с которой чрезвычайно трудна, не позволили реализовать эти планы. Вместе с тем на этих пустующих землях началось быстрое восстановление поголовья диких животных.

Создавшаяся ситуация натолкнула колониальную администрацию на мысль попытаться, как выразился тогдашний губернатор Кении Баринг, получить доход от них без крупных инвестиций, путем эксплуатации африканской флоры и фауны в ее первозданном виде, а точнее — эксплуатации интереса человека к животным и дикой природе, из которой он сам недавно вышел и связь с которой он столь стремительно теряет.

Это соображение, поддержанное научной общественностью, послужило толчком к организации национальных парков, большинство из которых было создано в первые годы после второй мировой войны. Основная задача, поставленная перед администрацией парков, состояла в привлечении возможно большего количества богатых туристов из Европы и Америки.

Освобождающиеся от колониального гнета африканские страны предприняли большие усилия по расширению системы национальных парков. Так, в Кении в период колонизации было 4 национальных парка и резервата, а в конце 70-х годов — 16 национальных парков и 14 резерватов*. Привлечение иностранных туристов в заповедные территории осталось важной задачей развивающихся стран, поскольку валютные поступления от

* Резерваты Кении, как и многих других стран Африки, создаются по договору с племенными общинами, члены которых могут жить на их территории, выпасать скот, собирать топливо и т. д. Во всем остальном режим резервата существенно не отличается от режима национального парка.

туризма составляют и сегодня до 30—50 процентов национального дохода. Однако перед национальными парками и резерватами новых государств были поставлены как первоочередные и другие задачи: строгая охрана природы, просвещение местного населения и научные экологические исследования. Ряд конференций африканских стран в 60—70-х годах наметили общую программу развития охраняемых природных территорий, первоочередные задачи научных исследований в них, совместные меры по подготовке кадров и широкому обмену опытом.

Международные организации, такие, как ЮНЕСКО, Международный союз охраны природы, Международный фонд охраны дикой природы и в 70-х годах ЮНЕП, внесли заметный вклад в разработку научных основ создания в Африке охраняемых природных территорий, изучения их природы. По их поручению или поддержке в Африке многие годы работали такие выдающиеся ученые и деятели охраны природы, как Д. Хексли, Б. Гржимек, Ж. Вершурен, К. Карри-Линдаль, Д. Шаллер, Д. Гудалл, Д. Адамсон и другие.

К середине 70-х годов, то есть к тому периоду, который описывает в своей книге Д. П. Горюнов, с охраной живой природы в ряде стран Восточной Африки, в том числе и в Кении, сложилось относительно благополучное положение.

Резкое обострение экономического кризиса мировой капиталистической системы в конце 70 — начале 80-х годов, особенно остро сказавшееся на таких развивающихся странах, как Кения, заметно изменило положение. Инфляция и небывалый скачок цен на слоновую кость, рога носорогов, шкуры крупных кошек, кожи крокодилов и другую продукцию диких животных повлекли за собой небывалую вспышку браконьерства. Несмотря на существующие законы по охране животных, запрет на вывоз рогов носорогов, шкур леопардов, гепардов и других предметов незаконной охоты, а также Международную конвенцию по ограничению торговли редкими видами фауны и флоры и многие другие природоохранные усилия, сложилось очень тяжелое положение: численность слонов и носорогов упала в несколько раз, многие районы совершенно опустошены. Вооруженные современным оружием, располагающие высокопроходимым транспортом, хорошо организованные банды браконьеров, среди которых нередки и белые «джентльмены уда-

чи», устраивают налеты и в национальные парки и в резерваты. Снабжаются они, как правило, подпольно действующими торговыми фирмами из Европы и Америки, контрабандно вывозящими продукцию браконьеров.

Сегодня вновь правительствам развивающихся африканских стран при поддержке международных организаций приходится вести нелегкую борьбу за спасение уникальной природы.

Книга «Возвращение в Африку» очень правдиво, с глубоким пониманием предмета рассказывает о природе и жизни Кении — одной из самых интересных стран Восточной Африки. С ее автором Д. П. Горюновым, в то время советским послом в Кении, я познакомился в столице страны городе Найроби.

Уже при первых беседах с Дмитрием Петровичем я почувствовал, что его интересуют не только вопросы международной политики, социально-экономического развития молодых государств, сбросивших оковы колониализма, но и широкие глобальные проблемы.

Мне, как зоологу и специалисту по охране природы, особенно импонировало, что моего нового знакомого глубоко волнуют проблемы дальнейшей судьбы природы нашей планеты — единственного дома человечества.

Читая книгу, чувствуешь, что автор полюбил страну, в которой прожил семь лет, хорошо узнал ее, смотрел на нее открытым, доброжелательным взглядом, не переставая удивляться ее особенностям, будь то образ жизни, нравы и обычаи племен и народностей, населяющих ее, или яркая и разнообразная природа, богатейший растительный и животный мир.

Сохранить в зрелом возрасте способность удивляться и восхищаться творениями природы — завидное качество, вдвойне ценное, когда человек может в занимательной форме передать свои наблюдения и ощущения читателю, сообщить ему что-то новое, что западет в память или отзовется добрым душевным порывом. Я надеюсь, что читатель этой книги почувствует необычайный аромат далекой африканской страны, увидит ее красоту, расслышит ее звуки. У меня книга Д. П. Горюнова живо воскресила в памяти картины этой действительно прекрасной страны.

Книга написана в художественно-очерковой форме.

Автор ее не только советский дипломат, но и журналист с юношеских лет. Д. П. Горюнов некогда был редактором «Комсомольской правды», активным деятелем Союза журналистов СССР, работал в «Правде», был генеральным директором ТАСС. Он обладает своим незаимствованным стилем и манерой повествования, своим видением окружающего мира, собственным восприятием природы и, я бы сказал, верной тональностью ее изображения.

Многолетняя дружба связывала Д. П. Горюнова с Джой Адамсон и ее мужем Джорджем, таким же бескорыстным и ревностным энтузиастом охраны африканских животных. О мужественной работе Джой Адамсон с дикими зверями — львицей Эльзой, гепардом Пиппой, леопардом Пенни и другими зверями — советский читатель знает из ее книг, изданных в СССР. Переведена у нас и автобиографическая книга Джой «Моя беспокойная жизнь». При всем этом очерк Д. П. Горюнова о Джой Адамсон, пожалуй, самый удачный в книге «Возвращение в Африку», будет с интересом встречен почитателями отважной женщины и талантливой рассказчицы. Многочисленные беседы и обширная переписка с писательницей позволили Дмитрию Петровичу дать живой портрет этой необычайно одаренной и артистической натуры, внесшей заметный вклад в наши познания животных Африки, а ее энергичная, бескомпромиссная борьба за сохранение для будущих поколений всей красоты природы навсегда сохранится в благодарной памяти человечества. Очень примечательно, что Д. П. Горюнов переписывается с Джорджем Адамсоном, продолжающим дело трагически погибшей жены. Письмо Джорджа, заключающее книгу «Возвращение в Африку», представляет несомненный интерес и для широкого читателя, и для специалиста. Возможно, мы вскоре узнаем и другие подробности о жизни в резервате Кора, где уже много лет оберегает жизнь диких животных Джордж Адамсон.

В заключение хотелось бы отметить еще одну особенность литературного стиля Дмитрия Петровича Горюнова, в котором, как мне думается, проявляется и его натура, и его умонастроение. С любовью описывая молодую африканскую страну, он часто мысленно возвращается на Родину, проводит сравнения и сопоставления.

На далеких берегах озера Туркана или в горных ле-

сах, среди тропической экзотики он вспоминает Байкал, Плещеево озеро, подмосковные и владимирские перелески, зеленый бережок скромного деревенского пруда. Автор не скрывает: какая бы ни была вокруг необычайная красота, душа его постоянно находится в родных пределах, в России, в Стране Советов. Мне думается, что эта особенность придает книге «Возвращение в Африку» большое патриотическое звучание.

*Профессор А. Г. БАННИКОВ,
заслуженный деятель науки РСФСР,
почетный член Международного союза охраны природы,
доктор биологических наук*

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОЗЕРО РУДОЛЬФ . . .	7
Леопард на дороге	11
Чья это земля?	14
Как напугать хамелеона	19
«Долина уныния»	23
«Звук мироздания»	30
Слепой проводник	37
Нефритовое озеро	41
Выживет ли племя эль-моло?	48
Легенды и были острова Южный	54
Крокодилы просят пощады	60
Наш прапрапра...	67
НОЕВ КОВЧЕГ НА ЭКВАТОРЕ	78
Главная приманка	78
Предпочтение животным	80
Звери у порога	83
На «газике» через буш	87
Парки и бизнес	93
Беспокойное племя	96
Стрелять или не стрелять?	98
Выстрелы в заповедном буше	104
«Дикари» пасутся вместе с коровами	110
О мальчике Мите	112
ДЖОЙ АДАМСОН	114
Первая встреча	114
Быть рядом с животными — счастье	117
Уроки Джой	119
Ее беспокойная жизнь	123
Изнурительный, но радостный труд	129
Мэмсахиб Хараки	134
Сохранить для будущих поколений	140
Навсегда в Африке	146
Послесловие	152

Горюнов Д. П.

Г71 Возвращение в Африку. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 158 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 90 коп. 90 000 экз. 95 коп. 10 000 экз.

Автор этой книги, журналист и дипломат, двенадцать лет работал в Африке. Его наблюдения легли в основу книги очерков об отдаленных и труднодоступных районах Кении, где найдены останки и орудия труда древнейшего человека; о природе страны; ее уникальном животном мире; о национальных парках и проблемах защиты окружающей среды; о встречах с Джой и Джорджем Адамсон, о научном и нравственном значении их работы.

**Г 4702010200—145
078(02)—83—174—83**

**ББК 26.89(6)
91 (И6)**

ИБ № 3469

**Дмитрий Петрович Горюнов
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АФРИКУ**

Редактор Е. Калмыкова

Художник В. Павлюк

Художественный редактор К. Фадин

Технический редактор Р. Сиголаева

Корректоры В. Авдеева, И. Ларина

Сдано в набор 27.12.82. Подписано в печать 06.06.83. А00125. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4+2,52 вкл. Учетно-изд. л. 12,7. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. (90 000 экз.), 95 коп. (10 000 экз.). Заказ 2154.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

**В 1981—1982 ГОДАХ
В СЕРИИ «СТРЕЛА»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Астахов Е. Е. НАШ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДВОР. Роман.

Гамолко Н. И. ЛЕСНАЯ КРЕПОСТЬ. Повесть.

Голубев А. Д. УМРЕМ КАК ЖИЛИ. Роман.

Гуро И. Р. НЕВИДИМЫЙ ВСАДНИК. Роман.

Дорба И. В. БЕЛЫЕ ТЕНИ. Роман.

Кареев Г. Н. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СТОЛЕТИЙ. Повесть.

Коваленко И. В. ЖАРА В АНОМО. Повесть.

Корнешов Л. К. ЗОНА РИСКА. Повесть.

Перов Ю. Ф. КОСВЕННЫЕ УЛИКИ. Повести.

Словин Л. С. ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО СЛЕДУЮЩЕГО... Повести.

Чванов В. Ф. КРАЖА. Повесть.

**Шмелев О. М., Востоков В. В.
ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТА. Роман.**

90 коп.

72286.85

Дмитрий Петрович Горюнов родился в 1915 году в городе Коврове Владимирской области. До войны и во время войны находился на комсомольской и журналистской работе: был редактором ивановской областной газеты «Ленинец», секретарем Ивановского обкома ВЛКСМ, работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. После окончания в 1949 году Высшей партийной школы при ЦК КПСС был главным редактором «Комсомольской правды», зам. главного редактора «Правды», генеральным директором ТАСС. В течение 12 лет работал послом СССР в республике Кения и королевстве Марокко. Д. П. Горюнов принимал участие в создании и работе Союза журналистов СССР, был секретарем и зам. председателя Союза журналистов СССР. Печататься начал с 18 лет. Публиковал статьи и очерки в «Комсомольской правде», «Известиях», «Правде», «Огоньке», «Советском Союзе» и др. Д. П. Горюнов — автор книг очерков «Здравствуй, Куба!», «Японская панорама» и др.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ